

ლიტერატურა

გ რ უ ჯ ი ა

11

1977

**СЛАВА
ВЕЛИКОМУ
ОКТЯБРЮ!**

60

«Новая Конституция — это, можно сказать концентрированный итог всего шестидесятилетнего развития Советского государства. Она ярко свидетельствует о том, что идеи провозглашенные Октябрем, заветы Ленина успешно претворяются в жизнь».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно - художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

11

НОЯБРЬ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 77
ЦК КП ГРУЗИИ

«ლიტერატურნაია გრუზია» ქართული წიგლიერთა კავშირი

(რუსულ ენაზე)

ქველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

განმოდის 1957 წლის ივლისიდან

№ 11

ნომბერი 1977 წ.

საქართველოს საზოგადოებრივი მხატვრობის კავშირის ორგანო

Главный редактор

Гурам АСАТИАНИ

Редакционная

коллегия:

- Тенгиз БУАЧИДЗЕ,**
- Гиви ЖЕАНИЯ,**
- Марк ЗЛАТКИН,**
- Исидор КОЗАЕВ,**
- Георгий ЛОМИДЗЕ,**
- Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,**
- Владимир МАЧАВАРИАНИ,**
- Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,**
- Гурам ХАРАИДЗЕ**
(заместитель главного редактора),
- Владимир ХОМУТОВ**
(ответственный секретарь),
- Эммануил ФЕЙГИН,**
- Георгий ЦИЦИШВИЛИ.**

Издается

с июня 1957 года

АДРЕС РЕДАКЦИИ

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

- Приемная — 99-06-59
- Главный редактор — 93-65-15
- Заместитель главного редактора — 93-13-57
- Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

- Отдел прозы
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) — 93-31-43
- Отдел поэзии и искусств
(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43
- Отдел критики и литературоведения
(редактор ДОБРЮДЕЕВА Л. Т.) — 93-65-19
- Отдел публицистики и очерка
(редактор БРАЙЛОВСКАЯ Е. И.) — 93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание:

ОТАР ЧЕРКЕЗИЯ. Дорогой Октября	4
ФРИДОН ХАЛВАШИ. Я — коммунист, грузин.. Пе- ревод Марка Рихтермана	8
ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Дружба — превыше всего! . . .	9
МУХРАН МАЧАВАРИАНИ. Владимир Ленин. Пере- вод Марка Рихтермана	12
ОТАР ШАЛАМБЕРИДЗЕ. Апология великой ночи. Пе- ревод Марка Рихтермана	12
САНДРО ШАНШИАШВИЛИ. Источник вдохновения .	14
ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ. Обновление	15
КОЛАУ НАДИРАДЗЕ. Красная площадь. Перевод Ва- лерия Краснопольского	17
РОВЕСНИКИ РЕВОЛЮЦИИ. (Воспоминания о Ладо Асатиани, Мирзе Геловани и Александре Саджая)	18
ЮРИИ РЯШЕНЦЕВ. О Мирзе Геловани и его стихах	20
ЛАДО АСАТИАНИ. На Карталинской дороге. Разгуль- ное. Перевод Михаила Синельникова. Про- спект Руставели. Мак. Перевод Натальи Гени- ной. А. В. Крцанисские маки. Перевод Григория Левина	25
АЛЕКСАНДР ЯШИН. «Открывать здесь». Рассказ . . .	29
ОТАР ЧИДЖАВАДЗЕ. Когда кричит павлин. Роман. Продолжение	44
ТИНА ДОНЖАШВИЛИ. ...И в беде, и в радости . . .	50
ГУРАМ ПАНДЖИКИДЗЕ. Большая нефть Грузии . . .	63
ГЕОРГИИ ЛОМИДЗЕ. Детище Октября	69
СЕРГИ ЧИЛАЯ. Великий Октябрь и грузинская лите- ратура	74
ГЕННАДИИ ВОЛКОВ. Воспевая Грузию	79
ГИЗО НИШНИАНИДЗЕ. Сатира солдат революции	85
МАЙЯ ЦИЦИШВИЛИ. Поэзия творчества	89
КНИГИ К ВЕЛИКОМУ ЮБИЛЕЮ СТРАНЫ	92
БОРИС МИРЦХУЛАВА. Гимн труду и дружбе	95
ХРОНИКА	96

ОТАР ЧЕРКЕЗИЯ,
заместитель Председателя Совета
Министров Грузинской ССР

ДОРОГОЙ ОКТЯБРЯ

СОВЕТСКАЯ ГРУЗИЯ вместе со всеми братскими республиками встречает 60-летие Великого Октября в расцвете материальных и духовных сил. Праздник этот ознаменован поистине историческим событием. Внеочередная, седьмая сессия Верховного Совета СССР единогласно приняла новую Конституцию Союза Советских Социалистических Республик — важнейший политический документ современности, утверждающий социальную и экономическую зрелость нашего общества, его жизненную силу.

Дела и помыслы трудящихся республики, как и всех советских людей, направлены на успешное выполнение основополагающих решений XXV съезда КПСС, плана десятой пятилетки и социалистических обязательств.

Огромен размах экономического и культурного строительства, осуществляемого в республике, поистине блистательны итоги грандиозных свершений тружеников Грузии за годы Советской власти.

Рассказ о делах грузинских трудящихся, о расцвете национальной экономики, культуры и науки, о многообразии благотворных перемен, происшедших в материальной и духовной жизни грузинского народа, о новых вдохновляющих горизонтах социального творчества, открывающихся перед ним, будет не столь полным и впечатляющим, если не вспомнить о тяжелом историческом прошлом Грузии и ее народа.

До установления Советской власти Грузия была отсталой, бесправной аграрной окраиной царской России, а ее огромные природные богатства оставались практически неиспользованными. Грузию того времени Владимир Ильич называл еще более крестьянской, чем Россия.

С первых же дней победы Советской власти Коммунистическая партия Гру-

зии возглавила борьбу рабочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции республики за развитие народного хозяйства, за индустриализацию и коллективизацию, за победу социализма.

Важную роль в развитии экономики республики сыграли указания В. И. Ленина о мерах, необходимых для преодоления разрухи, приведения в действие богатых ресурсов и возможностей края. Правительство Советской России смогло выделить из своего бюджета 750 тысяч рублей золотом для оказания экономической помощи Грузии. Подлинным примером интернациональной взаимовыручки и дружбы пролетариата явился братский подарок рабочих Москвы, которые передали республике оборудование для Кутанской суконой фабрики.

В исторически короткий срок Грузия в великом содружестве народов Советского Союза достигла больших успехов в развитии народного хозяйства и культуры и из экономически отсталой провинции превратилась в республику с высокоразвитой промышленностью и передовым сельским хозяйством. За годы Советской власти на ее карте появились новые города, возникли крупные промышленные центры.

Недавно в г. Тбилиси побывал видный американский журналист и публицист, член ЦК Компартии США Саймон Герсон. В 1927 году он возглавлял делегацию американских студентов, посетивших нашу страну, а теперь решил повторить поездку по маршруту Ленинград — Москва — Саратов — Астрахань — Баку — Тбилиси. Как рассказывал Саймон Герсон, пятьдесят лет назад американские студенты словно на чудо смотрели на ЗАГЭС — первую гидроэлектростанцию на Кавказе, кстати, построенную по ленинскому плану ГОЭЛРО второй в СССР после Волховской. В то время она и в самом деле

была одной из самых мощных гидроэлектростанций в Советской стране, но сегодня ее мощности недостаточны даже для того, чтобы обеспечить электроэнергией телевизоры, которыми пользуются трудящиеся Грузии. Гость из США вспомнил, что пятьдесят лет назад в Грузии не было крупных промышленных предприятий. Экономика Грузии благодаря титанической творческой работе ленинской партии, нерушимой братской дружбы советских народов превратилась в неразрывную часть единого народнохозяйственного комплекса. Развитием всех отраслей в соответствии с природно-экономическими условиями и трудовыми ресурсами Грузия вносит свой вклад в укрепление экономического потенциала и мощи Советского государства.

За годы Советской власти построено более 1.200 крупных промышленных предприятий, которые ныне выпускают за два дня продукции больше, чем произведено за весь 1920 год. Сегодня грузинская индустрия производит в 120 раз больше продукции, чем в 1913 году. Уже само по себе это сопоставление говорит о многом, однако оно все-таки нуждается в пояснении. Произошли не только количественные, но и коренные качественные преобразования в экономике Грузии. От крестьянской арбы до мощных грузовиков и электропоездов, от мотыги до сложнейшей криогенной техники, удостоенной, кстати сказать, золотой медали на Лейпцигской ярмарке 1977 года, — таковы пути прогресса республики. Там, где когда-то причаливали корабли аргонавтов, искавших золотое руно, грузинские корабли делают теперь скоростные «Кометы» на подводных крыльях — теплоходы, которые плавают у берегов США, Англии, Франции, Италии, Швеции, Югославии...

Только за последние несколько лет более чем на двух десятках международных выставок и ярмарок в Лондоне, Париже, Монреале, Каире, Западном Берлине, Измире, Кабуле, Пловдиве, Базеле и других городах демонстрировались лучшие образцы промышленной продукции Грузии.

На долю Грузинской ССР приходится более четверти общесоюзной добычи марганца, а чиагурские рудники являются одним из крупнейших в мире предприятий, добывающих высококачественную марганцевую руду.

Ныне Грузия — в лесах новостроек. На реке Ингури строится самая крупная гидроэлектростанция Закавказья с самой высокой в мире арочной плотиней. Создается новый горно-металлургический центр в Маднеули (рудный город неподалеку от Тбилиси). Большое внимание уделяется добыче нефти, развитию нефтяной промышленности. Благодаря братской помощи специалистов

из Азербайджана и Татарии Советская Грузия становится республикой большой нефти. В нашей республике суммарная добыча «черного золота» в 1973 года включительно составила чуть более 1 миллиона. По подсчетам специалистов, на базе открытых залежей Самгори в 1980 году добыча «черного золота» составит несколько миллионов тонн. Иначе говоря, за десятилетку будет извлечено почти в 7 раз больше нефти, чем с 1930 по 1973 год!

Гигантскими шагами продолжает развиваться в Грузии электротехническая и приборостроительная промышленность.

Создание мощной сети промышленных предприятий стало возможным на основе высокоразвитой энергетической базы. Земо-Авчальская гидроэлектростанция, построенная в 1927 году, была для своего времени одним из крупнейших энергетических сооружений, очень важным шагом на пути осуществления в Грузии технической революции. В последующие десятилетия вступают в строй РionГЭС, Ладжанурская и Гуматская гидроэлектростанции, первая и вторая очереди ХрамГЭСа, Сухумская, Шаорская, Ткибульская гидроэлектростанции, целый ряд тепловых электростанций, разветвленная сеть колхозных и совхозных электроустановок. В минувшем году встала под промышленную нагрузку первая станция каскада Варцихских ГЭС.

На одной из горных рек, на Ингури, в десятой пятилетке будет закончено строительство уникальной гидроэлектростанции мощностью 1,6 миллиона киловатт. Ее арочная плотина поднимается на высоту 270 метров. Машинные залы станции вырублены прямо в скалах. Пуск этой ГЭС позволит увеличить выработку электроэнергии в десятой пятилетке в 1,5 раза и обеспечить республике должное развитие электроэнергии. Ныне в республике электроэнергия вырабатывается больше, чем давали до революции все электростанции России (12,1 млрд. квтч.).

Невиданное развитие получили за годы Советской власти железнодорожный, автомобильный и воздушный транспорт, средства связи. В памяти старожилы Тбилиси еще не стерлись воспоминания о знаменитой «конке» — дребезжащем вагончике, который катил по рельсам пара запряженных коней. А сегодня любимым транспортом тбилисцев стало метро — одно из красивейших подземных сооружений страны.

Все более широкое применение в народном хозяйстве находят такие современные виды транспортировки, как трубопроводы, канатные дороги, пневмотранспорт, монорельсовые дороги и пр.

Десять лет назад было создано Грузинское морское пароходство, и его су-

да ныне бороздят просторы мирового океана.

Сегодняшняя Грузия — это край высокоразвитого многоотраслевого сельского хозяйства. За годы Советской власти земля Грузии покрылась густым ковром чайных плантаций, виноградников, citrusовых насаждений, цветущих садов. С каждым годом расширяется фронт ирригационных работ, прокладываются новые оросительные каналы, осушаются болотистые местности; на отвесных у природы землях утверждается новая социалистическая культура труда. В настоящее время в республике орошается 400 тысяч гектаров земель. Осушено более 150 тысяч гектаров болот. В Грузии производится 97 процентов всего чая, вырабатываемого в Советском Союзе, 98 процентов citrusовых культур, 100 процентов тутового масла, 80 процентов эфирномасличных культур и т. д. Развиты также шелководство, пчеловодство, животноводство, птицепроизводство и другие отрасли сельского хозяйства.

В 1977 году, заготовив свыше 405 тысяч тонн сортового чайного листа, чаеводы республики перешагнули рубеж, предусмотренный на последний год десятилетия пятилетки. А ведь всего 56 лет назад первый советский урожай чая в Грузии составлял всего 550 тонн.

Не менее важной отраслью сельского хозяйства Грузии является традиционное виноградарство. В 1888 году шедевры грузинских виноделов вышли на международный рынок и были отмечены первой золотой медалью. Сегодня в коллекции наград вин — лауреатов международных смотров более 150 золотых, серебряных и бронзовых медалей. Грузия во всевозрастающих количествах экспортирует марочные вина — сухие, полусладкие, а также коньяк и шампанское. Охотно закупают у нас и черенки лоз. Опыт наших виноградарей и виноделов привлекает внимание специалистов ведущих «виноградных» держав мира.

Еще один показательный факт. В ряде районов Грузии организована впервые в мире предложенная учеными республики служба борьбы с градом, причиняющим огромный ущерб.

Одной из ведущих отраслей народного хозяйства республики является citrusоводство. В 1976 году было сдано государству 127 тысяч тонн мандаринов, лимонов, апельсинов, грейпфрутов.

Особое внимание уделяется в последнее время развитию животноводства и птицеводства, увеличению поголовья скота и росту его продуктивности.

Индустриальный путь развития села приводит к существенным изменениям социальной структуры его населения. Происходит усиленное сближение колхозного крестьянства с рабочим клас-

сом, удельный вес которого на селе постоянно возрастает. Этому способствует не только индустриализация села, но и развертывание строительства, укрепление инженерно-технической службы, продвижение промышленных предприятий к селу. Особенно отрадны, что в последние годы эти преобразования в жизни грузинского села наиболее интенсивно протекают в горных и высокогорных районах республики.

Один из важнейших результатов социалистических преобразований в нашей стране — культурный подъем всех наций и народностей, достигнутый благодаря мудрой ленинской национальной политике Коммунистической партии. Последовательное осуществление этой политики обеспечило всем народам СССР фактическое равенство в политическом, экономическом и культурном отношении. Осуществленная Коммунистической партией культурная революция дала советским людям образование и просвещение, принесла расцвет науки, создала народную интеллигенцию, утвердила социалистическую идеологию во всех сферах духовной жизни общества, сохранила и приумножила ценности мировой культуры.

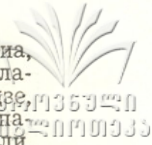
Постоянная забота об образовании, повышении культурного уровня трудящихся, о расцвете духовной жизни общества вытекает из самой природы социализма, обусловлена великой целью Коммунистической партии и всего советского народа.

Чем выше культурный уровень трудящихся, тем весомее их вклад в коммунистическое строительство, тем интереснее, полнокровнее их духовная жизнь, тем ближе мы к осуществлению одного из самых великих идеалов коммунизма — всестороннего, гармоничного развития личности.

Разительные перемены, происшедшие за годы Советской власти в культурном развитии масс, хорошо видны на примере нашей республики. Мы по праву гордимся расцветом наций и культуры Грузии. А ведь до установления Советской власти 76 процентов населения Грузии было неграмотным. Сейчас Грузия — республика сплошной грамотности: на каждую тысячу человек населения приходится 38 человек с высшим образованием и 315 человек со средним и неполным средним образованием.

В 4.200 общеобразовательных школах республики учатся сейчас 1.024 тысячи ребят; в 100 профессионально-технических училищах и в 95 средних специальных учебных заведениях — около 100 тысяч учащихся; в 19 вузах — 84,2 тыс. студентов. Только высшие учебные заведения республики подготовили за 55 лет Советской власти свыше 600 тысяч специалистов высшей

квалификации. Всего в республике обучается свыше 1.250 тысяч человек. Каждый четвертый житель Грузии сегодня учится.

Научно-техническая революция пришла на древнюю землю Грузии стремительно и победоносно. К концу 1965 года в нашей республике было около 15 тысяч научных работников, в 1976-м — 25 тысяч. В республике есть сотни научных учреждений, которые ведут изыскания во всех основных направлениях современной науки. Международное признание снискали грузинские научные школы математики, физики, физиологии, психологии, языковедения, этнографии, востоковедения. Достижения грузинских ученых высоко оцениваются в общемировом масштабе, служа делу мира и прогресса всего человечества. Ряд наиболее выдающихся работ удостоен Ленинских, Государственных, различных зарубежных премий.

Одним из крупных достижений культурной революции, осуществленной в нашей республике, явилось неуклонное развитие книгоиздательства и периодической печати. До установления Советской власти в Грузии за три столетия было издано 6 тысяч книг общим тиражом один миллион экземпляров. Сегодня 11 издательств республики ежегодно выпускают книги в среднем 2.300 названий тиражом 16 миллионов. Книжки, газеты и журналы в Грузии издаются на грузинском, русском, абхазском, осетинском, азербайджанском и армянском языках, а также на многих иностранных языках.

Культурные запросы населения удовлетворяют более 4 тысяч библиотек, 2.317 клубов и домов культуры, 85 музеев, 23 профессиональных театра, свыше 1.978 киноустановок.

Интенсивно развивается грузинская советская литература.

Грузинскую советскую литературу бережно сохраняющую замечательные традиции Руставели и других великих гуманистов, отличают пристальное внимание к проблемам современности, революционный дух исканий, народность. Этим в первую очередь определяются позиции деятелей литературы и искусства республики в общественной жизни, этим и объясняются любовь и признание, которыми они окружены в народе, высокий авторитет, который они снискали в Союзе и за рубежом.

Произведения грузинских писателей переведены на множество языков народов СССР и издаются в странах социализма и на Западе. Вся страна читает Шота Руставели и классиков грузинской литературы И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Бараташвили, Важа Пшавела, А. Казбеги, советских грузинских писателей и поэтов Т. Табидзе, Г. Табидзе, П. Яшвили, Г. Леонидзе, С. Чи-

ковани, И. Абашидзе, К. Гамсахурдиа, Д. Шентгелая, С. Клдиашвили, А. Сулакаури, Н. Думбадзе, Г. Абашидзе, Ш. Дадияни, Л. Киачели, К. Лордкипанидзе, И. Грипашвили, И. Нонешвили, Р. Маргиани, Х. Бериулава, К. Каладзе, Т. Донжашвили, А. Каландадзе, Д. Чарквиани, Ш. Нишнианидзе, Т. Чиладзе, О. Чиладзе, О. Челидзе, И. Тарба, Б. Шинкуба, К. Маргиева и др.

Славный путь прошло грузинское искусство. Плодотворно работают Академия художеств, консерватория, театральный институт и другие искусствоведческие учреждения. Работы грузинских художников экспонируются на международных выставках в Нью-Йорке, Лондоне, Венеции, Дрездене, Брюсселе, Монреале. Коллективы грузинских театров с большим успехом выступают на подмостках Европы. Опыт и достижениями грузинской архитектурной школы интересуются во многих странах мира. Фильмы грузинских кинематографистов отмечены призами таких авторитетных смотров, как фестивали в Москве, Каннах, Венеции, Эдинбурге, Оберхаузене, Кракове. Произведения грузинских композиторов исполняются во Франции, ГДР, Польше, Венгрии и других странах. Молодые грузинские исполнители — пианисты, скрипачи, певцы, виолончелисты — неизменно занимают призовые места на международных конкурсах, многие грузинские спортсмены устанавливают мировые рекорды, восхищая мир своей волей, мужеством и силой.

За годы Советской власти коренным образом улучшилось медицинское обслуживание населения. На 10 тысяч населения в Грузии приходится более чем 41 врач. Это в 2,7 раза больше чем в Японии, в 2,6 раза больше, чем в Великобритании. в 2,2 раза больше чем во Франции, почти в два раза больше, чем в США.

Грузия по праву славится своими здравницами. Наш солнечный край называют очагом здоровья. Теплое южное море, мягкий климат, изумительные горные пейзажи, множество лечебных минеральных вод принесли республике славу лучшей климатической и бальнеологической курортной зоны нашей страны. Такие курорты, как Цхалтубо, Боржоми, Абастумани, Гагра, Саирме и др., известны своими лечебными свойствами и за пределами Советского Союза.

Общий рост экономики, науки и культуры служит прежде всего народу. Все эти достижения грузинского народа за годы Советской власти стали возможны благодаря живительной силе ленинских идей, повседневному и мудрому руководству Коммунистической партии, живут на глубоком интер-

национализме и братской дружбе народов.

Могущество крепнущей дружбы, интернационализма, спаявших воедино все народы Советской страны, в наши дни находит свое воплощение в героическом труде на строительстве Ингурской ГЭС и Алазанской оросительной системы, в цехах Тбилисского электровозостроительного завода имени В. И. Ленина и Кутаисского автомобильного завода имени С. Орджоникидзе, в славных делах грузинских металлургов и химиков Рустави.

Настанет день, и на земле жестокой
Вражда и скорбь исчезнут без следа,
И утвердится светлый мир труда
Во всеоружье истины высокой.

Так писал великий грузинский писатель и общественный деятель прошлого столетия Илья Чавчавадзе. Только в

советское время сбылись вековые мечты нашего народа о счастье. В связи с этим вспоминаются слова Д. И. Бреднева: «...путь, которым шла и идет Грузия, это путь всего нашего великого содружества народов».

Вся наша жизнь, все устои нашего общества являются собой пример нерушимой ленинской дружбы народов СССР. В них претворен труд представителей более чем 80 национальностей, живущих единой братской семьей в Грузии, в них материализованы бессмертные идеи социалистического интернационализма, бескорыстной взаимной помощи народов-братьев.

Вот почему 60-летие Великого Октября, этот большой праздник свободы и возрождения народов нашей страны, позволил нам еще и еще раз с особой силой ощутить дружеское плечо и локоть брата, великое чувство единения всех народов — этого самого замечательного и значительного завоевания революции, когда героическим трудом народов-братьев создается сила и слава Советской страны, ее материальное и духовное богатство.

Фридон ХАЛВАШИ

Я — коммунист, грузин...

Вершины Эльбруса
Сверкают седины,
Душа моя рядом
Цветет,
Родимой земли
Я хозяин единый,
Грузин, коммунист,
Патриот.

Я людям земли
Подарил Руставели,
Для братьев
Взял Ани в бою,
И вечным трудом,
Сбором хлеба и ртвели
Прославил я
Землю свою.

В луче и стебле
Возрождаются снова
Все сто поколений

Моих,
Мечом не разрубишь
Грузинское слово —
Грузинскую песню
И стих.

Ножом своим острым
Я выстругал эти —
Свирель, колыбель
И челнок,
За землю свою
Я все время в ответе,
Чтоб враг
Ее тронуть не мог.

А если придет он,
Я выну из ножен
Клинок свой
И брошусь вперед,
Грузин, коммунист —
Для меня невозможен
Из боя
Трусливый уход.

Грузин, коммунист,
Каждый день достигаю
Я новых и новых
Высот,
Под солнцем свободным
Страна дорогая
Мою любовью
Цветет.

Перевод Марка РИХТЕРМАНА

Д Р У Ж Б А — превыше всего!

НЕСКОЛЬКО дней подряд с почетной трибуны внеочередной, седьмой сессии Верховного Совета Союза ССР лучшие представители нашей Родины, народные депутаты — рабочие, колхозники, партийные и научные работники, деятели литературы и искусства — произносили слова горячего одобрения проекта Конституции, выражая полное единодушие, голосовали за его утверждение.

Читая новую Конституцию, подтверждающую победу ленинской национальной политики в нашей стране, мысленным взором невольно обращаясь к миновавшим десятилетиям, берущим свой отсчет от бурных дней Великого Октября. Этот славный путь, начавшийся с победы Советской власти, в первые же дни ее существования был ознаменован принятием, наряду с другими важнейшими документами, Декларации прав народов России.

Законодатели и правоведы облекли этот путь в концентрированную обобщенную форму; ученые придают ему теоретический вид, необходимый для научного анализа и обобщения; писатели же оперируют конкретным материалом, добытым путем личных наблюдений и впечатлений.

Поколение советских людей, к которому принадлежу и я, судит о старом времени по прочитанным книгам, историческим документам и рассказам старших современников. Наше детство озарялось ярким пламенем пионерского костра. Молодость была овеяна духом комсомольской романтики и энтузиазма первых народных строек. И наряду с другими пережитками прошлого, навсегда выброшенными Октябрем на свалку истории, для нас всегда были неприемлемы любые проявления национализма и шовинизма.

Ленинский план ГОЭЛРО явился для моих ровесников не только событием народнохозяйственной значимости. Он принес с собой надежду, обновление, веру в будущее. Сторонний наблюдатель, даже обладающий такой неистощимой фантазией, как Герберт Уэллс, не мог поверить в реальность осуществления этого плана. И только те, кто знал цену истинной свободе, цену труду во имя всенародного счастья и благополучия, поверили в него и претворили в жизнь.

А взять, к примеру, строительство Земо-Авчальской гидроэлектростанции на Куре, неподалеку от древней столицы Грузии — Мцхета. Оно явилось одним из первых проявлений того нового, что Советская власть вдохнула во взаимоотношения разных народов.

Можно назвать бесчисленное множество фактов подлинной, бескорыстной помощи России братским республикам в пору, когда сама она терпела жестокую нужду и даже голод. Вот один из них. В призыве съезда работников пищевой промышленности республик Закавказья, опубликованном 18 октября 1921 года

341936930
303 0000033

газетой «Правда Грузии», сказано буквально следующее: «Съезд отмечает, что все закавказские советские республики после советизации получали и получают хлеб и другие предметы мирного потребления от России. Грузия с марта по октябрь получила 233.656 пудов хлеба. В то же время получены 15 вагонов сахара, 60 вагонов соли, 720 тысяч аршинов мануфактуры, 6 тысяч пар обуви и др...». И ведь это был не какой-нибудь широкий жест или филантропическая щедрость. Это была истинная братская помощь — первейший закон взаимоотношений народов Советского государства, утвержденный в первые же годы его существования.

Как известно, до революции представители многих национальностей, проживавших в окраинных областях России, не призывали в армию из опасения, что в их руках окажется оружие, которое может быть направлено против царской власти. Сейчас же Советская Армия — настоящая школа интернационализма для сыновей всех республик нашей огромной Родины. А ее история — подтверждение ее единства.

Давая высочайшую оценку дружбе и братству советских народов в годы Великой Отечественной войны, товарищ Л. И. Брежнев говорил, что именно они явились главными источниками нашей победы над фашизмом, который тщился посеять раздор между народами СССР. Нерушимый союз советских народов в тяжелых испытаниях войны стал еще крепче, нерасторжимее.

Сегодня в новой Конституции о нашей стране говорится:

«ЭТО — ОБЩЕСТВО ЗРЕЛЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, В КОТОРОМ НА ОСНОВЕ СБЛИЖЕНИЯ ВСЕХ КЛАССОВ И СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЕВ, ЮРИДИЧЕСКОГО И ФАКТИЧЕСКОГО РАВЕНСТВА ВСЕХ НАЦИЙ И НАРОДНОСТЕЙ, ИХ БРАТСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СЛОЖИЛАСЬ НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ ЛЮДЕЙ — СОВЕТСКИЙ НАРОД».

Создание Советского государства на развалинах царской империи, имевшей вполне заслуженную репутацию тюрьмы народов, установление принципиально новых отношений, основанных на равноправии и взаимном уважении наций и народностей, абсолютно равномерно распределенная забота о культурно-экономическом уровне всех этнических групп, входящих в состав СССР, — таковы основные качественные признаки нашей действительности, вызывающие живой интерес всех людей, населяющих нашу планету.

Как отметил Владимир Ильич Ленин в беседе с корреспондентом «Обсервер» и «Манчестер гардиан» полвека тому назад, пятилетний опыт существования Советского государства показал, что только пристальное внимание к интересам каждой нации и народности, входящих в состав Страны Советов, максимальное удовлетворение их потребностей искореняют любую опасность возникновения интриг и конфликтов, создают атмосферу глубокого доверия друг к другу, без которого невозможно мирное сосуществование, а также развитие всего того значительного, что несет с собой современная цивилизация.

Жизнь каждой республики показывает, как блистательно осуществляется в наше время этот завет Ильича.

Только по Грузинской ССР за последние несколько лет Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза принято три важнейших постановления, которые помогли нам исправить значительные недостатки и ошибки, наметить пути дальнейшего экономического, хозяйственного и культурного развития республики, подвели итоги всей работы ее партийной организации по полному восстановлению ленинских норм жизни и деятельности.

В семье братских республик с каждым днем все краше становится мой родной край: в Грузии построены новые города и села, воздвигнуты грандиозные фабрики, заводы, электростанции. Грузинская культура, имеющая древнейшие традиции, стала социалистической по содержанию и национальной по форме. Она не только не потеряла исконных национальных признаков и самобытности, но и приобрела новые качества, характерные для социалистического строя, в которых органически соединены национальные и интернациональные интересы.

Рустави — город грузинской черной металлургии и химии — называют городом сорока братьев. Ведь он был построен в суровые военные годы трудом посланцев 40 народов и народностей нашей страны. Рустави и сегодня остается поприщем их самоотверженного труда и социалистического соревнования. Гордость республики — Ингульская гидроэлектростанция — также строится с помощью братских республик. Среди множества фактов всесоюзного и междуна-

родного признания грузинской науки, литературы и искусства достаточно назвать хотя бы Дни Грузинской ССР, недавно проходившие в Москве на Выставке достижений народного хозяйства.

Таковы убедительные примеры того, что означает подлинный интернационализм в действии.

За долгие века своей многострадальной истории грузинский народ узнал цену подлинно искренним отношениям, и поэтому сегодня слово «дружба» — одно из самых дорогих для нас. Мы гордимся построенным представителями разных республик новым районом Тбилиси, когда наш город пострадал от стихийного бедствия. Единство братских народов символизируют прекрасные здания, возведенные в Ташкенте грузинскими строителями. С большим успехом работает у нас «Театр дружбы», который знакомит грузинских зрителей с московскими, ленинградскими, украинскими, армянскими и другими театральными коллективами, знакомит другие города страны с грузинским сценическим искусством.

И сегодня мы не имеем права забывать о том, что дружба, братство, единство наших народов были завоеваны ценой колоссальных усилий и страданий. Поэтому их надо лелеять, беречь. Внеклассовое, внеисторическое понимание национальных традиций, так же как невнимание к специфическим интересам каждого народа, может создавать благотворную почву для рецидивов национализма и шовинизма.

В прошлом году в Тбилиси проводилась Всесоюзная научно-практическая конференция по вопросам интернационального воспитания трудящихся. Этот факт говорит о высокому признанию как традиционного интернационального характера нашей республики, так и работы партийной организации Грузинской ССР по воспитанию и укреплению интернационалистических качеств в народе. Об этом говорится в постановлении ЦК КПСС от 1976 года.

Писатель призван не только отобразить в своем творчестве все, чем живет его народ, но беречь и развивать его культурные традиции и язык. В последние годы в грузинской литературе заметен все возрастающий интерес к строительству Байкало-Амурской магистрали (как в свое время к теме ЗАГЭСа, к теме Великой Отечественной войны). Я уверен, что этот интерес вызван не только грандиозными масштабами строительства, романтикой покорения новых пространств, но также тем обстоятельством, что в людях, строящих эту магистраль, олицетворены лучшие качества героев нашего времени — патриотизм и стремление к творческому труду. Патриотический и интернациональный долг — основные понятия для советского человека. БАМ строит вся наша страна, и мы гордимся, что наши соотечественники принимают такое большое участие в этих работах.

Так строится будущее, так строится коммунизм!

Этот берег безрадостен,
Холод и тьма,
Нищета
Плещет крыльями черных ворон,
И Россия голодная
Сходит с ума.
Но заря уже скоро.
Застыл Петроград...
Час возмездия близок,
Не зря в этот сон
Орудийные дула
«Авроры» глядят
И на мачту ее
Алый флаг вознесен.
Эта ночь
Напряженно глядит на восток,
Скоро будет заря,
И застыл Петроград,
И мгновенья летят,
Приближая тот срок,
Когда старого мира
Клочки полетят.
Тишина
Учащает дыханье свое,
Назревает удар,
Надвигается свет,
Это Ленин
Вонзил карандаш-острие
В карту
Будущих схваток,
Грядущих побед.
Ждут приказа
Все улицы всех городов,
Все, кто жили под солнцем,
Но будто во мгле,
Ждут приказа
Солдаты голодных фронтов,
Ждут свободы
На проклятой богом земле,
Ждет приказа
Нева —
В ее воды глядит
Эта первая в мире
Заря Октября,
Ждет приказа
Погибший очкавец Шмидт
И живущая в памяти
Кровь Января.
Время! Время!
Народа душа горяча,
Ненавистные силы
Разрушить посметь!
Ждет приказа
Лихая башка Пугача,
Александра Ульянова
Гордая смерть.

Пулеметчики ждут
У чугунных оград,
Ждет приказа
По тюрьмам страдавший народ,
Ждет приказа
Рабочий, матрос и солдат,
Утонувший в крови
Девятьсот пятый год.
И тогда
Разорвалась крошечная мгла,
Залп «Авроры»
Прожег эту ночь,
Как огонь.
И взрывною волной
Разметало крыла
Ненасытных,
Прожорливых
Черных ворон.
Вулканический, грозный
Застыл Петроград,
И железная птица
Поет, как мечта,
И, как снег прошлогодний,
В ногах у солдат
Все насилье,
Вся боль,
Вся нужда и тщета.
О, как птица поет!—
Славит солнца восход
На железном, жестоком
Своем языке,
Новых звуков поток
Миру радость несет
И величья венец
На трехгранном штыке.
И уже потянуло
Сегодняшним днем,
Сколько можно же было
Терпеть без конца?
И свобода продула
Великим огнем
Холод
Зимнего
Злого
Глухого дворца.
Так народ
В этот краткий решающий миг
Революции азбуку
Сердцем постиг,
Так поверил он
В грозную силу свою,
Так добыл эту веру
В октябрьском бою.

Перевод Марка РИХТЕРМАНА

В ПРЕДДВЕРИИ 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции «Литературная Грузия» обратилась к ряду старейших грузинских писателей — ее современников и очевидцев — с просьбой поделиться своими воспоминаниями и мыслями о том незабываемом времени, попытаться проследить, как вошла в их жизнь революция, как она отразилась на их творчестве. Крупнейшие мастера слова, внесшие большой вклад в развитие грузинской советской литературы, они своими произведениями участвовали в сложнейшем процессе духовного перевоспитания и формирования нового человека, рожденного революцией. Да и их личная судьба во многом была определена Октябрем. И это, естественно, не могло не сказаться на создаваемых ими на протяжении минувших шести десятилетий произведениях — стихах, поэмах, рассказах, повестях, романах, пьесах, вошедших в золотой фонд грузинской, да и всей многонациональной советской литературы.

Окликаясь на нашу просьбу, вот что предложили вниманию читателей «Литературной Грузии» Сандро Шаншиашвили, Демна Шенгелая и Колау Надирадзе.

Сандро ШАНШИАШВИЛИ

ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

СОВСЕМ недавно я написал посвященное 60-летию Великого Октября стихотворение, которое предложил для юбилейного номера журнала «Литературная Грузия». Это одно из последних написанных мной стихотворений. А первое, пронизанное революционным духом, относится к 1907 году, называется оно «Тиран». Между этими двумя произведениями пролегал путь длиною в 70 лет. И я осмеливаюсь сказать, что как через всю мою жизнь, так и через все мое творчество красной нитью проходит тема революции. В доказательство этого сошлюсь хотя бы на вышедшие к юбилейным дням мои книги — сборник произведений на русском языке и пьесу «Арсен» с историей ее сценической жизни — на грузинском. «Арсен», а также «Херети», «Спартак», «Родам» и другие были первыми в Грузии пьесами, написанными на революционную тему. Поставленные на грузинской сцене в пору революционного обновления моей родной земли, они нашли горячий отклик у зрителя, истосковавшегося по сильным, непреклонным, справедливым, свободолюбивым народным героям, каким и был Арсен. Очевидно, поэтому мои революционные пьесы имели такой большой успех.

Чтобы объяснить, как я пришел к созданию своей революционной драматургии, позволю себе вкратце перелистать некоторые странички своей биографии.

Свое революционное крещение я получил еще в гимназические годы. Возвращенный, так сказать, в атмосфере свободолюбия и горячего патриотизма, привнесшего в нашей семье, я принял участие в выступлениях старшеклассников против чрезмерно строгого режима и настроений администрации гимназии, в которой учился, и за это вместе с двумя товарищами был исключен из нее.

В отроческие годы в Тбилиси я жил у своего родственника Ладо Дарчиашвили. В доме этого политического деятеля, известного своим свободомыслием, часто собирались представители прогрессивно настроенной интеллигенции. Среди них бывали, например, Иродион Евдошвили и другие. Они говорили о социализме, обсуждали происходящие в России события. Видя и слыша все это, я и сам втянулся в общественно-политическую работу, стал одним из активных членов революционно-пропагандистских кружков. Тогда же написал и упомянутое выше стихотворение «Тиран». За все это меня и посадили в Метехскую тюрьму.

Позже, во время пребывания в Швейцарии, мне довелось слушать там публичные выступления В. И. Ленина, и они произвели на меня неизгладимое впечатление.

Пережив мрачные, кровавые годы реакции, я не мог не приветствовать от всей души приход в Грузию Советской власти, избавившей мою Родину от стольких унижений, мук и несправедливостей, вынуждавших меня бороться за ее национальное и социальное освобождение. И когда это, наконец, произошло, я вновь устремился из деревни, где безвыездно прожил четыре года, в Тбилиси, чтобы раз и навсегда включиться в культурную жизнь моей обновленной родины.

И сейчас, в свои преклонные годы, могу с гордостью и уверенностью сказать, что революционная борьба, к которой я так или иначе был причастен с начала своей сознательной жизни, дала мне поистине огромный материал для моего творчества, а новая действительность озарила его своим ярким светом. Мне неудержимо захотелось воспеть широко развернувшееся социалистическое строительство в моей дорогой Грузии, потому что меня восхищали гигантские масштабы преобразований в республике, которые сегодня становятся все более фантастическими.

Вот почему, наверное, по сей день, несмотря на возраст, не иссякает источник моего творчества и я все еще способен создавать произведения, пусть это будут даже небольшие стихотворения, о героях наших полей и фабрик, о нашей прекрасной молодежи, о нашей талантливой интеллигенции. А поскольку все это рождено Октябрем, я снова посвящаю ему свои благодарные строки.

Демна ШЕНГЕЛАЯ

ОБНОВЛЕНИЕ

ПАМЯТЬ возвращает меня сейчас к счастливейшим дням моего детства, когда в доме отца (он был революционером) собирались известные грузинские революционные деятели того времени. Суть и содержание их горячих споров, их речей, произносимых на этих собраниях, естественно, были тогда недоступны моему детскому пониманию. Но я не мог не чувствовать, что происходит что-то значительное, важное и таинственное. Это будоражило мое воображение, и я все внимательней прислушивался к разговорам взрослых. А поскольку все, что окружало меня, уже было проникнуто духом борьбы, то и в мое сознание все глубже проникал ее смысл. И уже вполне сознательно я стал помогать революционерам в распространении листовок, призывающих народ подняться против царской власти.

Меня буквально потрясло убийство белоказаками зимой 1907 года девяти революционеров, которых народ назвал «девятью братьями». Да они и вправду были братьями по духу, по борьбе!

1936920
80300001933

Не меньше волнуют меня и воспоминания о послереволюционных годах, о заре новой жизни, столь богатой интереснейшими встречами и событиями.

Многие не успели еще сменить военный мундир на гражданскую одежду, носили буденовки. Все дышало новым. Новыми были устремления, поиски.

В ту пору писатели, работники искусств, студенты собирались обычно на отрезке улицы Александра Чавчавадзе, доходившем до улицы Арсена и представлявшем собой наш тогдашний Парнас.

Кого только там не было: и «голубороговцы», и футуристы, и «пролетарские писатели», «академисты» и представители других литературных группировок.

Здесь можно было увидеть Захария Палиашвили, Котэ Марджанишвили, Ваню Сараджишвили, только приехавшего из Парижа Ладо Гудиашвили, Давида Какабадзе, Елену Ахвледиани, Василия Барнова, Паоло Яшвили, Михаила Джавахишвили и многих других.

Они горячо спорили, эмоционально обсуждали происходящие события, строили планы на будущее.

Кипели страсти, бурлили мысли... Все переосмысливалось, переплавлялось в их сознании...

Как раз тогда вышел первый номер редактируемого В. Бахтадзе журнала «Мнатоби», в котором был напечатан мой первый роман «Санавардо».

Да, все тогда было первым... Первый номер журнала. Мой первый роман, который теперь называют первым грузинским советским романом. Возможно, это и так, потому что «Санавардо» оказался созвучным духу времени, пафосу великих социалистических преобразований. На фоне картин разрушения старого мира, его полной физической и духовной деградации в нем рассказана история семьи последнего представителя старейшего рода — князя Карамана Чиладзе.

На моих глазах шло становление, развитие нашего — первого в мире — социалистического государства, формирование нашей социалистической действительности. И обо всем этом, конечно, можно рассказывать и рассказывать. Но я писатель. И мое дело — отобразить все это в художественных произведениях. Что я, собственно, и делал всю свою долгую жизнь. Надеюсь, что нынешнее поколение сможет узнать из моих книг и о революционном движении, и о строительстве новой жизни, и о трудовых успехах советских людей, и о борьбе с пережитками прошлого гораздо больше, полнее и глубже, чем из моих сегодняшних воспоминаний, потому что в мои рассказы, повести, романы вложен весь опыт моей жизни, с самых ранних лет овеянной освежающим ветром революционных настроений борьбы и преобразований.

Я бы хотел, чтобы мои книги («Санавардо», «Бата Кекия», «Заря», «Вдохновение», «Клад» и другие), созданные за годы Советской власти, когда, собственно, по-настоящему и развернулась моя творческая деятельность, внесли посильный вклад в художественную летопись родной республики, прошедшей вместе со всей Советской страной славный путь от возрождения к расцвету.

Поэма «Красная площадь» была написана известным грузинским поэтом Колау Надирадзе еще в 1924 году. Жил он тогда в Москве, городе, ставшем для него родным. По словам поэта, он всегда воспринимал Красную площадь как сердце не только Москвы, но и всей России, более того — всей земли. Поэма писалась легко, была создана поэтом в очень короткий срок. Ранее она никогда не переводилась на русский язык, и публикация нами заключительной главы этой поэмы — как бы второе ее рождение...

Колау НАДИРАДЗЕ

Красная площадь

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Семнадцатый год, Октябрь!
Москва — разгневанный океан.
День великий,
День Победы,
Решающей битвы
Сокрушительный ураган!

Изрыты снарядами улицы,
И снова площадь в крови,
И Кремль — как богатырь
Илья Муромец
С красным знаменем впереди!

Великая новая сила,
Могучий народный поток,
Расправив широкие крылья,
Россию, как Волга, рассек.
Разорванный пулями воздух,
Гуденье со всех сторон,
И чей-то взволнованный возглас:
«Площадь красна от знамен!».

Отмщения миг,
Миг победы —
Горестный траур снят!
Площадь, кончились беды,
Поет пролетариат...
И ты, обгаренная кровью,
В тот долгожданный миг
Навеки простилась со скорбью
И твой озарился лик.

Живого сердца трепет
Ты сохранила, любя, —
Красная площадь, верит
Вся Россия в тебя!
Ленина гордое имя

В сердце твоём живет,
Он делами своими
Сердца России зажег!

Сколько веков ты мечтала,
Выбивалась из сил, —
Ленина услышала, —
Час свободы пробил!

Семнадцатый год, Октябрь,
Твой новый, вечный завет!
Мир изумленный замер —
Сон это или нет?!

Народам поработенным
Ты, как маяк, в ночи.
Красной зарей пробужденный,
Мир в твой верит лучи.
Нет на Земле огромной
Ни одного уголка,
Где бы о власти народной
Люд не мечтал века!
И потому так дорог
Миру семнадцатый год.
Путь пролетарский долог —
Земля по нему идет.
Красная площадь мира,
Благословенна будь!
Земли вождя и кумира
Свято хранит твоя грудь.
К тебе со всей планеты
Разноязыкой рекой
Люди стекаются...

Нету
Площади в мире такой!

Перевод Валерия КРАСНОПОЛЬСКОГО

Ровесники Революции

1933
1933

Мирза
Геловани

Лад
Асатиани

Александр
Саджая

Рассказы в письмах, воспоминаниях и стихах о трех грузинских поэтах — Мирзе Геловани, Лад^о Асатиани и Александре Саджая — сверстниках Октября.

В НЫНЕШНЕМ году в Грузии широко отмечалось шестидесятилетие двух поэтов — Лад^о Асатиани и Мирзы Геловани. В столице республики, а затем в Цагери и Тианети состоялись юбилейные вечера. Это были настоящие праздники поэзии, когда трибуна и аудитория, сцена и зал превращаются в единое целое и охвачены единым порывом и вдохновением.

Лад^о Асатиани, Мирза Геловани, Александр Саджая — «вечные юноши», как окрестил их писатель того же поколения Ника Агиашвили (автор замечательной книги о них), составляют в сознании сегодняшнего грузинского читателя неделимую поэтическую триаду. Их короткая, яркая жизнь олицетворяет судьбу если не целого поколения, то, во всяком случае, значительной его части, трагическую участь скошенных войной высоких помыслов, надежд, упований.

И вот, вопреки слепому приговору судьбы, их образы продолжают жить какой-то особой, упрямой, молодой жизнью, как символы отчаянного сопротивления силам смерти и забвения.

Одна из причин этого — в самом духе их поэзии. Ибо все они были поэтами жизни, горячо верили в нее, умели восторгаться всем истинно живым.

Не только безвременная смерть придала их обликам своеобразный оттенок, не только она пробудила в наших сердцах чувство особой трепетной любви ко всему, что они нам оставили, но и такое именно их отношение к жизни, такое ее понимание. Все трое — любимые поэты грузинской молодежи. Уже какое поколение — из послевоенных — знает наизусть их жизнь и поэзию. Читая их, особенно остро сознаешь, какие красивые, чистые парни ходили до тебя по дорогам Картли, как «мало» им хватало для счастья, для пьянящего ощущения полноты жизни.

Они были только поэтами. Ничего больше сделать, никем больше стать они не успели. Но они с гордостью носили это имя. «Называться грузинским поэтом» для всех троих было пределом мечты и высшей благодатью.

Поэзия Грузии гордится их светлыми именами.

Гурам АСАТИАНИ

ИЗ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ МИРЗЫ ГЕЛОВАНИ

«...Война началась. Я знал, что она начнется. Чувствовал. Верьте в меня, мои дорогие: если жизнь моя прервется на этой войне, если мне суждено умереть, я дорого отдам врагу жизнь мою. И не стыдитесь того, что я плоть и кровь ваша. Я спокоеен. Во мне дух Цотне Даднани. И вы можете с гордостью сказать, что я защищаю Родину, чтоб будущие поколения были здоровыми, счастливыми и сильными...»

Путь мой — это путь миллионов — и он не кончится...»

«...Я пройду через все ураганы и вернусь... Нет пули, которая могла бы сразить меня, ибо корни мои в той стране, которую не раз убивали, но она не умирала. Я верю, а вера побеждает смерть... Я верю в победу и жизнь...»

«...В левом кармане у меня грузинские фиалки, бережно хранимые между листками записной книжки... Они, наверное, собраны в полях Крданиси, Коджори, Окроканы или Дигоми, и в них я чувствую запах земли грузинской и близость ее...»

«Я больше собственной жизни люблю Родину. Она, несмотря ни на что, жива, и клич ее сынов будит ураганы... Это самая великая война, какая только была на земле. Войны Ганнибала, Александра Македонского, Наполеона не сравнятся с этой войной... И не было нигде на земле такого великого сердца, какое у меня сейчас, какое у моих товарищей...»

«...Леса и болота Белоруссии ожили. Весна входит в глубь земли и будоражит ей кровь. Так прекрасен этот последний день апреля!.. Солнечный весенний день, и я весь пронизан добром, радостью. Радость вошла в меня, и я так свободен и беззаботен, словно ко мне вернулось детство. Сегодня я двадцатисемилетний ребенок, если сейчас, получив твоё письмо, решил, что отвечу тебе незамедлительно. В полях потекли ручейки. Они растопили ледяной покров земли, и в воздухе запахло новизной. Я ходил целый час с твоим письмом, и вспоминался мне Тбилиси весенним днем. Помню, я стоял как-то на углу, возле оперного театра, и смотрел, как бережно держал в руках букетики фиалок какой-то пожилой крестьянки, и, когда к нему приближались молодые люди, он как бы между прочим беззаботно предлагал им:

— Фиалки, фиалки, фиалки...»

Сегодня именно такой день, как тогда, в природе многое повторяется... И день, оказывается, повторяется в природе, и маленькое белое облако в северном небе такое же, как тогда, когда в Тбилиси на небе солнце разбросало золотые кисточки и легкое, словно мыльный пузырь, плыло в вышине, совсем высоко. И думал я: вот сейчас взорвется солнце и брызнет на землю золотыми каплями, как сказочное видение. Этот день пришел ко мне и принес с собой переживания далекого времени, и голос мой был бы сейчас так же беззаботен, и я так здорово мог бы кричать:

— Фиалки, фиалки, фиалки...»

«Дорогая мама!
Часто думаю о вас. Годы идут... Я верю, вернусь вместе с победившей армией и снова почувствую себя ребенком рядом с вами...»

«Милая Русудан! Посылаю пять стихотворений. Разумеется, нет у меня времени и возможности поработать над ними. Они сейчас выглядят не так, как мне хотелось бы. Но я надеюсь, что читатель поймет, какие чувства владели мною, когда я писал их».

Э.А.Р.369/30
Э.А.Р.369/33

Мирза Геловани погиб в июле 1944 года. Было ему тогда всего двадцать семь лет... Долгие годы никто не знал, где могила поэта. Наконец в июне 1963 года мать Мирзы получила письмо:

«Уважаемая Ева Иосифовна!

Это письмо шлют вам пионеры ржевской средней школы. На нашей территории, в деревне Санки, вместе с другими бойцами похоронен ваш сын Мирза Геловани. Наша школа шефствует над его могилой. Каждый год в феврале и 9 мая мы приносим сюда цветы и сажаем деревья. Очень хотим знать о вашем сыне все.

Сердечно просим ответить на наше письмо. И если есть у вас фотографии сына, пришлите нам, пожалуйста.

С пионерским приветом,
пионеры ржевской средней школы».

Юрий РЯШЕНЦЕВ

О МИРЗЕ ГЕЛОВАНИ И ЕГО СТИХАХ

СТРАННОЕ чувство испытываешь, переводя стихи человека, лишь немногим старшего, чем ты, но успешного узнать последнюю тайну жизни — смерть.

Когда день за днем общаешься (пусть и односторонне: он ведь тебя не слышит) с молодым солдатом, убитым на фронте, в Белоруссии, летом 1944 года, общение это делает твою жизнь небудничной, перебивает реальное настоящее время, в котором ты живешь, прошлым, и прошлое становится таким же, а в часы непосредственной работы еще более реальным, чем настоящее.

Восстановление голоса и духа умершего поэта — занятие хотя отчасти и рукотворное, но ничуть не менее таинственное, чем загадочные действия спиритов. Мы улыбаемся по поводу их экзотических и не подвластных логике средств, но кто осудит за само желание услышать голос существа, навсегда потерянного, если, конечно, это не голос, скажем, Тамерлана или другого какого-нибудь великого выродка? Человек не желает признавать черту, отделяющую живых от мертвых, преодолимой лишь

в одну сторону. Все искусство это, может быть, одна обреченная, но от этого еще более прекрасная попытка остановить или восстановить время, что само по себе представляет прямое покушение на существование смерти. Разумеется, предпринимая такое покушение, художник меньше всего сознает это. Он просто живет, то и дело проговариваясь о том, как прекрасна эта жизнь, которую он часто и ругает, но расстаться с которой не в силах даже тогда, когда сам приговаривает себя к уходу из нее: и приговор приведен в исполнение, и есенинской могиле уже сколько лет, а не тут-то было! Жизнь не отпускает своего певца, и главное, чем он был богат, — голос его — живей живого!

У Мирзы Геловани были другие отношения с жизнью. С 1939 года, с финской кампании, он вел профессиональную борьбу за жизнь, ежедневно обманывая небытие. Именно жизнь в человеческом образе и по человеческим законам была для солдата Мирзы Геловани синонимом счастья, почти недостижимого за пламенем и взрывами бесконечной войны.

— Не умру, не увидев вас! —
я говорил на прощание.
День с утра, как бандит, караулит
мое обещание.
«Не умру, не увидев...». Ни зги не
видать за разрывами,
Да простятся мне речи те, если
окажутся лживыми...

...А просто смерть, как ни крути,
в пяти шагах. И вы — залог в пути,
что все еще возможно впереди.
Возможно все... И прошлое возможно...

Хочу вернуться... так хочу!..
Промерзший на чужом ветру,
к камину, как больной к врачу,
я кинусь, кинусь и замру.
И счастья непочатый край
откроется передо мной.
И можно все: и слушать лай соседской
старенькой цепной,
и по-мальчишески мечтать, и строить
домик воробью,
и у окошка наблюдать, как тают
хлопья...

Но стою,
как все. Кругом война. Пурга. И обе
кончиться должны.
Но я — не кану ли в снега такой пурги,
такой войны?..
И что-то не к добру болит сегодня
сердце у меня.
Как наша Джаврия скулит там, дома,
на закате дня...

Самые простые, повседневные действия, такие как наблюдение из окошка за таяющими хлопьями, — это же великий праздник, праздник, которого ты не замечаешь, хотя он «всегда с тобой». — вот что сказал мне дух Мирзы Геловани, вызванный издательством «Советский писатель» в 1967 году. Но к этому времени я и сам хорошо знал эту истину, потому что для ее постижения, хотя бы частичного, не обязательно ежедневно рисковать жизнью, достаточно, чтобы случай — в лице ли волны или бешеного автомобиля — небрежно наемкнул тебе, что хрупка жизнь человеческая: и твоя, и особенно твоего близкого. Когда эта догадка, восприимчивая не умом, а всеми чувствами, приходит, то мир оказывается буквально набитым всевозможным разнообразным счастьем. И главной человеческой бедой становится не отсутствие или дефицит счастья, а невозможность удержать, сохранить его на сколько-нибудь удовлетворяющие человеческую природу сроки. Да и нет таких сроков.

Повторяю: Мирза не открыл мне этой тайны. Но как человек, знающий о жизни и смерти все из первых рук, он подтвердил: да, так она и есть, нет ничего поэтичней и прекрасней мирной

будничной жизни, этого высшего праздника. Вот за это авторитетное подтверждение я и полюбил грузинского поэта Мирзу Геловани.

Сидя в десятилетней давности осенние вечера над переводами из «Осеннего вечера», я стал так ясно представлять себе страну его юности — Тианети, что когда вместе с моей матерью и грузинскими друзьями попал в этот край, то у меня была полная иллюзия возвращения в то место, где на самом деле я никогда раньше не бывал.

Я чувствовал себя так, будто могу вернуть в родной дом Мирзы Геловани что-то приобретенное поэтом в его северных странствиях, вернуть какую-то часть его души и жизни — может, это и толкнуло меня в Тианети, хотя мало ли в Грузии других красивых мест? Я казался себе фронтовым товарищем Мирзы, приехавшим в гости в его семью и почти ждал расспросов о нем.

Но что я мог рассказать о поэте его близким?

Я почти не знал своего отца. Он погиб, когда я был ребенком. Но, слушая рассказы мамы о нем, я чувствую, что мог бы объяснить ей многое в его жизни и поступках, так как несу в себе некое чисто генетическое «знание», хотя факты и обстоятельства отцовской жизни знаю лишь с материнских слов.

Приблизительно то же чувствовал я, разговаривая с близкими Мирзы, знавшими его в быту, по письмам, по стихам, но, естественно, не занимавшимся ежедневно в течение длительного срока тем, чтобы войти в сам способ Мирзы мыслить, в его реакции, жестикуляцию. Родство, которое образуется в этом случае (если оно образуется!), хоть и не генетическое, но достаточно основательное, чтобы общение между кровными родичами поэта и его переводчиком не было односторонней информацией...

Люди, лично знающие какого-нибудь поэта, находя в его стихах что-либо не соответствующее их представлениям о его бытовом облике, говорят: вот поэтическая выдумка, то самое «красное словцо», в жизни он этого не думает и не чувствует. И чаще всего ошибаются, если, конечно, их знакомый и впрямь поэт, а не актерствующий рифмоплет. Поэт скорее в жизни наиграет, чем в стихах.

Я говорю это потому, что стихи Мирзы Геловани поражают на редкость искренне выраженным в них предчувствием собственной гибели. В поэзии тех лет это встречалось не часто. Не знаю, мог ли Мирза в жизни сказать что-нибудь похожее на это:

Но я — не кану ли в снега такой пурги,
такой войны?
И что-то не к добру болит сегодня
сердце у меня.

В стихах он это сказал:

Но я не поручусь еще донине,
что будем врозь, когда паду в бою.

Разумеется, это уверенное «когда паду» может читаться и как «если паду». Но одно из последних, можно сказать, предсмертных стихотворение «Снег», хотя и не содержит таких прямых сомнений в возможности остаться живым для него лично в этом аду, где ежедневно гибнут его друзья, тем не менее всей своей тональностью говорит о том, что стихи эти — инстинктивно прощальные:

Не твой ли слышу шаг несмелый?
Не мне ль несешь ты снежный гроб?

Похорони в метели синей, —
на злой земле невольногу...

А я — вне солнца, я — вне снега,
а как заплаканный снежок.

Который час — когда ушла ты?
Когда придешь — который век?
Скорей ко мне, дымок крылатый,
сожженный снег, сожженный снег...

Предвижу упреки в том, что в моем представлении Мирза Геловани — мистик, дающий волю смутным предчувствиям, а он был солдат и герой. Но спросите у фронтовиков о предчувствиях... Героизм же есть преодоление страха, а не отсутствие его. Отсутствие страха при тех основаниях опасаться за свою жизнь, какие есть у каждого солдата в такой войне, — это усталость или привычка, или, наконец, эмоциональная недостаточность, словом, что угодно, только не героизм.

Именно в последних стихах Мирзы Геловани мотив возможной гибели становится все громче, а ведь воюет он давно. Но именно в этих последних стихах поэт и произносит такое, казалось бы, негероическое

...Стою,
как все.

Все это я мог бы сказать сестре Мирзы Русудан. Но по вполне понятным причинам не сказал. Просто это мое знание дало мне хоть какое-то право на то, чтобы не чувствовать себя в ее доме чужим.

Теперь я уже ничего не могу сказать Русудан, потому что ее нет в живых. Но, конечно, она сама все знала лучше меня. Ведь не к кому-нибудь, а к ней были обращены эти строфы совсем юного Мирзы:

Теперь пишу, и как река — душа.
И радость, как паром, чуть-чуть
качается.

Пускай строка, сойдя с карандаша,
в тебе, сестра, надолго остоится.

Пусть даже нам разлука суждена,
но уж строке — ни кража, ни пропажа,
и за тебя заступится она,
свеча, слеза, хранительница наша.

Все так и случилось. Недаром Мирза Геловани доверял строке, как умеет доверять лишь человек, доподлинно знающий, что слово есть дело. И даже не только слово, а любой голос живой природы:

Мои деревья!
Снова до зари
мне что-то шепчет изнутри
под ветром, темным и тревожным,
что на земле
не пропадут под этот вой
ни шелест ваш,
ни скромный голос мой.

С этим сознанием только и может выдержать поэт те испытания, которые выпали на долю солдата, ежедневно в течение нескольких лет вынужденного слышать раньше всего именно «вой» механизмов, приспособленных человеком для убийства себе подобных.

Еще мне хочется сказать об одной особенности характера, явленного нам в стихах Мирзы Геловани. Ему в высшей степени чуждо сознание своего преимущества перед людьми, не испытавшими того, что пришлось испытать ему. Это редкое качество. Мирза озабочен тем, что его друг, которому судьба в дни войны вручила перо, а не автомат, может испытывать чувство вины перед ним, фронтовиком. Всей своей дорожно оплаченной мудростью профессионального воина Мирза Геловани встает на защиту другой своей профессии:

Помни, что я,
привыкающий к смерти,
как привыкают к дурному соседу,
я,
достающий врага в километре
и приближающий этим победу,
видевший рядом, в сугробе глубоком,
взгляд удивленный убитого брата,
я, и не живший,
я, чуть не ребенком
знавший нетрудный язык автомата,
я, твой ровесник,
считая морщины,
я говорю тебе: если в дни битвы
каждый твой стих — это слово
мужчины,
кто бы чего ни сказал, друг, —
мы квиты.

«Нетрудный язык автомата». Надо хорошо знать этот язык, постоянно слышать беглый разговор «на нем», чтобы иметь право на такой эпитет...

Я благодарен моим грузинским друзьям, и в первую очередь Николаю Марковичу Микава, за то, что они доверили мне перевести книгу Мирзы Геловани.

Вот еще строфа из его последних стихов:

Чередование дней без счета...
Земля, стихи мои прими

как извинение за что-то
пред незнакомыми людьми.

За что было Мирзе Геловани извиняться перед кем бы то ни было? Он жил, как велела ему совесть.

Но именно человек, живший по совести, только и способен сказать такие слова.

РАССКАЗ

ВТОРОЙ:

ИЗ ПИСЕМ ЛАДО АСАТИАНИ

«Не было ни дня... ни часа, чтоб я не думал о своем детстве. Я слов-но ношу с собой это детство и впечатления его.

Если бы ты знал, какая весна в Тбилиси, все цветет, все радуется жизни! Я представляю, что творится в Барднала! В ложбинах сейчас расцветает хмель, распустилась плакучая ива. Женщины собирают побеги павоя. В воздухе колыхается запах свежеспаханной земли. Скоро выдупятся первые птенцы. В тени скачут белые козочки. Мне все видится такая картина: светает. Раньше всего доносится до меня щебет птиц. Я открываю глаза. Вскрываю. Босиком опрометью бегу к двери. Солнце только восходит. В гумрешских рощах удлиннились тени... Я бегу на дуг. Сочная трава щекочет ступни ног, и я весь мокну. Одно такое утро в деревне стоит всей жизни. Именно это и есть те самые благодать и дух земли — что так любили Важа и Пиросмани.

«Колыбельная» — первый рассказ, прочитав который, я заплакал. Потом у меня вызывали слезы «Дурджа Магданы» и «Каджана», а затем судьба героев «Витязя в тигровой шкуре».

«...Героев Руставели я предпочитаю самому Ахиллесу. «Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор» — этих слов Ахиллес не ведает».

«... Как хороша «Сулико»!. Говорят, это не грузинский мотив. Но он так врезался в душу, что никто не думает об этом. От колыбели до самого гроба за каждым грузином следует величественная тень Акакия. «Иавнана» и «Песнь Нателы», «Цицинатела» и эта «Сулико». Затем «Баши-Ачуки», «Кинжал» и «Торнике Эристави». Это все наше детство, юность и преклонные годы. И наконец, нас провожает его «Таво чемо»... Вот бы довелось мне видеть его живого. Какой это был патриарх, наверное! Важа мог бы дожить до наших дней... Почему им не довелось жить в наше время, вопрошают некоторые... Но они жили именно в свое время, именно тогда и были нужны и потому сделали так много. И наше время рождает достойных людей».

«...Из писателей, любимых мною, в последнее время я все больше отдаю предпочтение Важа Пшавела. Есть ли после Руставели еще такой титан?..»

«...Необходимо вернуться к старым темам. Надо бы воспроизвести наши грандиозные и кипучие дни — как огромное панно... Широким плакатом где-либо на огромной стене большого города, так, как Марджанишвили намеревался поставить «Мистерию» Маяковского на Мтацминдском плато.

Наше время, когда вся страна делает вперед гигантский шаг и все устремляется ввысь и ввысь, требует в поэзии дыхания вагнеровской музыки, ее высокого напряжения, потрясающей и возвышенной, как увертюра «Тангейзера», которая льется могучим голосом Шалаянина...»

«Милая Анико! Как ты живешь?.. Как моя Манана? Напиши мне.

Я брожу в одиночестве, и вспоминается мне ель Гейне, которая мечтает о юге. Я похож сейчас на эту ель. Хожу и мечтаю о Грузии — моей прекраснейшей родине, и о тебе.

...Я чувствую себя хорошо. Почти нет температуры. Я беспокоюсь о тебе, лишь только о тебе... Потерпи еще немного, и я приложу все усилия, чтоб ты все забыла, все будет хорошо...»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЛАДО ГУДНАШВИЛИ

«...Хотя я никогда не был особенно близок с ним, но очень любил его при жизни... Тогда я читал его стихи в оригинале:

Когда ты возьмешь в руки эту книгу,
Меня уж не будет в живых,
Но ты, читатель, вникни
В мысли человека, ушедшего рано.

Я хочу вспомнить Ладо Асатиани...

В последний период я встречался с ним довольно часто... Как мне сказали, он недавно возвратился из Абастумани, чувствовал себя слабо, трудно было ему преодолевать подъем, и друзья сняли для него номер в гостинице «Ориант». Окна этого номера были хорошо видны из окон моего дома. Остались в памяти его длинные худые пальцы и ог-

ромные глаза, которые вдруг обдавали вас грустью... Он, оказывается, из своего номера часто смотрел на мои окна... Но ни разу не зашел ко мне. Только после его смерти жена Анико призналась: он говорил, что, если ему посчастливится издать книгу, он хотел бы, чтобы ее оформлял я.

Желание его большая честь для меня. И я не знаю, как это мне удалось, но я все-таки исполнил его просьбу. Я был художником одной из первых книг поэта, столь полюбившейся грузинскому читателю.

И портрет исполнен мною. Часто вспоминаю его лицо, и все больше хочется лучше выразить любовь свою к нему... Вот почему я приступил к его портрету во второй раз. Написан мною также портрет его дочери — Мананы...»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СЕРГО КЛДНАШВИЛИ

«...Он очень обрадовался нам. Выглядел неплохо. И все-таки мы чувствовали — кончается человек. Но он все не отпускал нас, охотно беседовал с нами. Он начал с шуток, и мы втянулись в разговор. Он развеселился как ребенок, присел, взял в изголовье исписанный лист бумаги и, возбужденный, с горящими глазами прочел нам стихи. Это были «Девять братьев Херхеули-

дзе» — стихи, написанные на смертном одре. Он так хорошо выглядел, что мы не верили глазам своим: неужели этот человек так безнадежно болен, неужели не доживет до завтра?

Но сам он чувствовал приближение конца. И в последние минуты прощания со столь любимой им жизнью пытался быть гордым, нарочито веселым и встретить смерть стойко...»

ИЗ ПИСЬМА АЛЕШИ САДЖАЯ НИКЕ АГНАШВИЛИ

«...Ладо плох... Приехал из Абастумани. Внешне выглядит довольно прилично, но какой-то печальный. Хотя все еще по-своему бродит и что-то тихо напевает. Почему-то все волнуется, мечтает и горюет. Но не заметно, чтоб он был малодушен...

Позавчера вечером мы вышли на проспект Руставели и, по обыкновению, собрались возле платана. Ладо медленно, тяжело вышел из аптеки, словно пальто давило ему на плечи.

...Потом пошел по улице Чавчавадзе. Маленькая Манана была больна, и он нес для нее лекарства. Долго мы еще следили за тем, как он с трудом поднимался по темному подъему. Один раз обернулся, увидел нас, снял шапку и знак приветствия и исчез за поворотом.

...Он великолепный собеседник. Откуда он знает столько! Много читает и подолгу беседует с писателями старшего поколения».

(Октябрь 1942 года)

Стихи Ладо Асатиани

На Карталинской дороге

Эй, побратим, погляди-ка: маков-то
сколько нагрнуло!
Лишь Уплисцихе прошли мы —
больше, все больше багряного.
Нивы покрыты с пригорками,
скалы, холмы с буераками,
Встреча — к добру, поюнешь ты,
встретив цветок этот маковый.
Сердцу, видать, не состариться, век
пламенеть одинаково!
Эй, побратим, погляди-ка: маков-то
сколько нагрнуло,
Лишь Уплисцихе прошли мы —
больше, все больше багряного.
Ладно, много не надо нам, если
к душе прикасается
Мак этим блеском негаданным,
словно сиянье красавицы.

Разгульное

Ведь красива эта жена моя, но
хочу я — еще красивей,
Как цветущее древо персика или
сокол огнекрылатый.
Ведь красива эта страна моя, но
хочу я — еще красивей,

Вширь раскинувшуюся и
расписанную, как царицы
Тамар палаты.

«Что сердце человекье —
Водоворот Черноморья.
Жену имеешь хоршную,
А хочешь другую, вот — горе!

Спойте! Пусть в битве найдется
Кинжалу старому дело.
Да здравствуют небо и солнце,
И сила страны Сакартвело!

Кипарисы не пожелтели,
Не обескровлены жилы,
И в храме Светицховели —
Сердце Грузии милой.

Так спойте! Где мощь и удаль,
Чтоб ширилась грудь и болела?
Гремите, чтоб старости лютой
Не знали душа и тело.

Сыграйте! Споем «Шаднани»,
Что в сечах пел Мачабели,
Песнь горя и поля брани,
Орлиную песнь веселья.

Сердце пронзят девять копий —
Я рассмеяться сумею.
Пусть корчится враг в злобе,
Дышу я отчизной своею.

Вы старость опередите —
Волчицу в переполохе.
Эй, древнюю песнь винопитья:
— Смуглым — серые чохи!

Старинную песню, други,
Как Саят-Нова распевай!
Разве мы все пьянчуги?
Разве влюбленные все мы?

Старинную песню разгула
Сыграйте! Не жалко пыла,
А гам — и юность мелькнула,
И жаркое сердце остыло.

У молодца — сердце железное,
Доспех на нем деревянный,
Глаза его ястребинные,
Когти его соколиные...».

Ведь красива эта жена моя, но
хочу я — еще красивой,
Как цветущее древо персика или
сокол огнекрылатый.
Ведь красива эта страна моя —
но хочу я — еще красивой,
Вширь раскинувшуюся и
расписанную, как царницы
Тамар палаты.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Проспект Руставели

Он — именем великим наречен —
Среди домов светло расположился,
И повстречаться с ним к лицу

лицом
Никто из улиц малых не решился.
Они идут с почтением к нему,
Приблизятся едва — и в путь
обратный.

Так взгляд, свободы чувствуя вину,
Встречается с невидимой
преградой.

Огнем крещенный, бесконечен
строй
Воспоминаний — сколько бед
минуло!

Вот улица Вахушти за Курой
Истории пергамент развернула.
Звучат шапирн Бесики — душа,
Что улица его, с другой споеется
И, к Чавчавадзе направляя шаг,
Проводит взглядом песню и
вернется.

О юности мечтают старики
И все бормочут: «Как мы
постарели!»,
Но вечности пределы высоки —
Они в судьбе проспекта Руставели.

Шавтели, Чакрухадзе древний труд
Причастен красоте, и — смерти
мимо
К святому месту улицы идут,
Как к цели, что еще недостижима.

Мак
303 000 0133

Где в старину собирались
Под звук барабана и горна,
Сегодня зажглась мне улыбка
цветка,
Стоящего стройно и гордо.

Как женщины свет, что украдкой
придет
И мир принесет и смятенье —
Цвет маковый — искры горячий
полет —
И встречи с весной озаренье...

А я незнакомец для той красоты —
И голову мак наклоняет,
Все ниже — к земле — наклоняет,
В смущенье томится и дреет:
Вопрос разрешает о доле моей,
И все разрешить не умеет.

Перевод Натальи ГЕНИНОЙ

А. В.

Воздух тбилисский пью вздохнул,
Нико люблю и Саят-Нова.
Вижу высокий, светлый лоб
Воспевшего ту, кем душа жива.
Он Грузии небо открыл мне, чтоб
Себя в нем открыл я, прозрев едва!

Пекарь тбилисский люб душе:
Лаваш он в полет запустил едва, —
Орбелиани зовет уже,
Нико зовет и Саят-Нова!
Шафер, что в белой чохе знаменит,
В час криманчули на небо глядит.
Бунт кахетинский кипит и гремит,
Квеври расколет, — летит в зенит!

Только красавицы взгляд люблю,
В нашем Тбилиси красивы все.
Я в бессознании твой знак ловлю,
Те, кто красивы, — мне в помощь все!

В мире один Руставели мне брат,
Грузин честь и ее голова.
Древней отчизне с младенчества рад,
В сердце я принял ее слова.
Чонгури звенит саламури в лад.
Воздух тбилисский пить я рад,
Зову Нико и Саят-Нова.

Я, безоружный, ранен был,
Мне ль от любви твоей убежать?
В мыслях делая, насмерть любил,

Ты на всю жизнь смогла удержать.
Я, безоружный, ранен был,
Мне ль от любви твоей убеждать?

Свет твоих глаз мне покоя не даст,
Благоуханье твое во мне.
Солнце в зените, луна в свой час,
Роза в своем ярко-красном огне!
Свет твоих глаз мне покоя не даст,
Благоуханье твое во мне!

Только того душой возлюблю,
Кто возлюбил свой родной народ,
Только того стихом восхваляю,
Кто, в стих воплотясь, шел из рода
в род.

Только того душой возлюблю,
Кто возлюбил свой родной народ!

Землю свою и тебя я любил,
Вся моя жизнь без вас не в зачет!
Подол своей матери я ловил,
Укрой меня, мама, от всех невзгод!
Землю свою и тебя я любил,
Вся моя жизнь без вас не в зачет.

Не чужеземец и не холоп,
Знаю свой путь, чем душа жива.
Воздух тбилисский пью взахлеб,
Нико люблю и Саят-Нова!

1940

Крцанисские маки

Памяти трехсот арагвинцев

Эй, арагвинцы храбрые, крови
народной воскрылие,
К вам приду на могилу я и преклоню
колени здесь.
Черные чохи, скажите мне, раны еще
не открылись ли?
Крови ль, пыланье ль мака чует мое
поколение?
Юноши в черных чохах, что это вас
раззадорило?
То не меча ли Джурхая мощь, для
врага зловещая?
Пень меча ли Каха?
Вспыхнул ли жаростно взор его?
Зренье меня не обманет, —
слава навеки завещана.
Встали б вы в рост из земли своей,
мужества стягом выросли, —
Всех ослепило б Крцаниси жаростное
горение!
Черные чохи, скажите мне, раны ваши
открылись ли?
Крови ль, пыланье ль мака чует мое
поколение?
Эй, арагвинцы храбрые, крови родимой
воскрылие,
К вам на могилу прийти бы мне,
чтоб преклонить колени здесь.
1940

Перевод Григория ЛЕВИНА

РАССКАЗ

ТРЕТИЙ:

Ника АГИАШВИЛИ

ПЛАМЕННОЕ СЕРДЦЕ АЛЁШИ

ЛАДО, МИРЗА, АЛЁША... Эти три имени связывает не только то обстоятельство, что они были современниками и умерли молодыми. В стихах каждого из них мы и сегодня ощущаем пламенное сердцебиение молодости и непрерывную песню мужества и стойкости.

Я настигал ураганы,
Гролом обрушивался на землю,
Сверкнув в небе молнией...

Меня сжигали, но я не горел,
Я не знал смерти,
Взрывался, кипел водопадом —

(Подстрочный перевод)

писал накануне смерти Алеша Саджая.

По характеру своему Алеша Саджая был спокойнее своих друзей, хотя готов был вспыхнуть в любую минуту. С первого взгляда это трудно было заме-

туть, настолько он был мягок и сдержан. Он запомнился нам красивым, медодым, в черном костюме и белой рубашке с незастегнутой верхней пуговицей, ку черявый, с задумчивыми глазами.

У Алеши Саджая короткая биография, она занимает всего несколько строк: родился в 1916 году, в семье крестьянина, после средней школы учился в Тбилиском государственном университете на филологическом факультете. Закончил университет в 1940 году. Стихи его печатались в основном в журналах «Чвени таоба» и «Мнатоби». Да, биография уместается в нескольких строках, а об остальном, о пламенном сердце, о патриотизме, о любви, о высоком гражданском долге поэта говорят оставшиеся после его смерти пятьдесят стихотворений, незаконченная поэма об Уту Микава, четыре сказки и переводы с английского — Шекспира, Байрона, Шелли, Эдгара По, других. «Он с одинаковой силой рисовал родную Грузию — Мегрелию, Кахетию и Сванетию, вдохновенно воспевал мужество Олега Кошелева, героев Хасана, с особенной нежностью рисовал образ матери, посвящал теплые и дружеские строки братской Армении», — вспоминает его ближайший друг Реваз Маргнани.

В 1943 году я получил в станице Абинская Кубанской области письмо от Алеши Саджая:

«Нет больше несчастного нашего Ладо. Я приехал из деревни в день похорон. Смерть его так подействовала на меня, что я проболел целую неделю. Все никак не мог уснуть... Я ведь был на похоронах, а все еще мне кажется, что он живой. Когда я прохожу по Руставели, мне кажется, что я вот-вот встречу его. Я часто вижу юношу, очень похожего на него — то ли походкой, то ли одеждой. Знаю, что это не Ладо, и все-таки осторожно слеую за ним, от угла улицы Чавчавадзе до Бесики. Он входит в магазин вод. Я вхожу следом, становлюсь так, чтоб не было видно его лица, чтоб осталась у меня иллюзия того, что это Ладо... Он пьет залпом воду, лицо у него краснеет, краснеет ухо, как у Ладо... Но у него короткие пальцы, и руки — короткие... Нет, это не Ладо! И я возвращаюсь опечаленный той же дорогой, по которой так часто мы ходили вместе...

Кажется, Сервантес писал о своем герое, что был он гордым, но не надменным, щедрым, но не высокомерным. Это был верный и бескорыстный друг, остроумный, веселый, без назойливости... он был первым во всем, и в несчастье не знал себе равных...». Эти слова относятся к нашему дорогому Ладо. Разве он не был таким?

Если любишь, не заколачивай
Крышку гроба,
Поверь мне, клянусь тебе,
Ладо так будет лучше...

Это из одного стихотворения Ладо... Не знаю, заколоченным ли опустили гроб его в землю, но помню хорошо сло-

ва Георгия Леонидзе, когда мы бросали последние комья земли в могилу: «Ты счастлив, Ладо, ты лежишь в земле Грузии, и над твоей теплой могилкой рыдуют родные и друзья. А сколько твои друзья сложили головы на поле брани, и могил их люди не знают, и не можем мы так, как оплакиваем сегодня тебя, оплакать сынов Грузии, не вернувшихся домой».

Я чувствую, война эта скоро кончится.
Верю: темная, сеющая гибель
Исчезнет на небе туча,
Угмонится огонь, ветер,
Скрасится небо нежностью,
И на земле, где пролита кровь
рыцарей,
Зацветут цветы.

А это из моих стихов. Посылаю тебе эти стихи полностью.

«Саблитгами» издает книгу Ладо. Я должен написать его биографию. Эгей, мой Ника, такова жизнь! И вообще, «и скучно, и грустно на этом свете, господа!» — Видишь, как я связал в одно слова Лермонтова и Гоголя?».

Но Алеша Саджая не дожидая окончания войны, не дождался издания книги Ладо Асагиани. Следующей весной после смерти Ладо он умер, простудившись в горах Сванетии.

Эх, ничего мне сейчас не хочется,
Только песен — и ничего боле! —

это слова из одного стихотворения Алеши Саджая.

И как жаль, что не успел он допеть своих песен, что он недолюбил, недописал...

БОЛЬШОЙ русский поэт и прозаик Александр Яшин был связан с Грузией сердечной дружбой, посвятил ей немало стихотворений, в том числе широкоизвестные «На одной волне», «Просьба», «Не дразни меня». Ему принадлежат прекрасные переводы стихов Георгия Леонидзе.

Стало доброй традицией проводить в родном городе писателя Никольске «Яшинский праздник поэзии». По приглашению Вологодской писательской организации группа сот-

рудников Музея дружбы народов Академии наук ГССР участвовала в этом празднике. А недавно вдова поэта, Злата Константиновна, передала нашему музею интересный материал и, в частности, рукопись неопубликованного рассказа Александра Яшина «Открывать здесь», посвященного памяти Георгия Леонидзе. Его мы и предлагаем читателям «Литературной Грузии».

Манана НИНИДЗЕ.

Александр ЯШИН

„ОТКРЫВАТЬ ЗДЕСЬ“

Памяти Георгия Леонидзе

В ЖУРНАЛЕ «Наука и жизнь» Ольга Сергеевна прочитала статью «Табаку предъявлены новые обвинения», старательно очеркивая особо важные места, которые надо было показать мужу.

Она подчеркнула:

«Несколько месяцев назад специальная комиссия, в течение двух лет работавшая по заданию Министерства здравоохранения США, опубликовала большой и подробный отчет о действии табака. Этот категоричный доклад призывал правительство срочно предупредить об опасности семьдесят девять миллионов американских курильщиков... На этот раз положение становится драматичным. Это уже не обычные обвинения, которые известны с давних пор, а раскрытие совершенно неожиданных свойств табачного дыма... Всю свою жизнь, заявили американские ученые, мы взрываем в наших квартирах, автомобилях и бюро смертоносные «полониевые бомбы». Присутствие в табачном дыме радиоактивного элемента полония отодвигает на задний план никотин и бензопирин...»

— В автомобилях... в бюро... — повторила вслух Ольга Сергеевна. — Если б они видели, что делается в наших редакциях, в комнате моего муженька! — и продолжала очеркивать дальше.

«...Фильтр сигареты не может задержать атомы полония. Это же можно сказать и об атомах свинца и висмута... Главная опасность заключается в радиоактивности табачного дыма... Рак легких и других органов... язва желудка, цирроз печени, коронарные заболевания... Уровень смертности курильщиков на сто двадцать процентов выше, чем некурящих...»

— Напугаешь их уровнем смертности, как же!.. А то что вся жизнь уродуется — это не главная опасность? Вот накопление радиоактивности в организме — может быть, это подействует?..

Приступ долгого удушливого кашля, вначале беззвучного, заставил Игната Александровича поспешно наклониться над мусорной корзиной, и это было последнее, что он смог потом вспомнить.

Из трудного забытья он возвращался как с того света. Первое ощущение, что рывками отрывает голову от пола и никак не может оторвать.

— Отец! Что с тобой, отец! — слышались откуда-то издалека встревоженные голоса жены и дочери.

А они вовсе не далеко, они — рядом. Вот они неловко подхватывают его под руки и стараются поднять с пола. И он уже видит под собой планки паркета, сбоку угол письменного стола и, наконец, встает на четвереньки.

— Что с тобой, отец?

— А?.. Что?.. — спрашивает он и удивленно озирается. Голова тяжелая, сердце колотится — то в груди, то где-то под лопаткой, то в висках.

— Ты опять потерял сознание?

— Да... Потемнело в глазах. — говорит он и садится в кресло прямо на рассыпанные окурки. Брюки его в табачном пепле.

На столе опрокинута пепельница. Окурки валяются и на рукописях, и на полу, у ног. Несколько рукописных листов тоже на полу.

— Господи ты боже мой! — всхлипывает жена. — Неужели не можешь писать и не курить?

— Не могу! — отвечает он. — А что?

Жена, Ольга Сергеевна, еще бледная от испуга, растерянно смотрит то на него, то на дочь Наташу, словно просит у нее поддержки: «Ну скажи хоть ты что-нибудь, может, он тебя послушает!..».

Но дочь не знает, что надо говорить, и молча, тоже с недоумением и тревогой смотрит на родителей.

Она студентка. Почти все ребята, ее однокурсники, курят, и каждый мечтает когда-нибудь бросить курить, а никто не бросает. Всю жизнь мечтает бросить курить и ее отец. Она не помнит дня, когда бы он не проклинал своей страшной привычки и заодно всех, кто ее завел, и заодно всю табачную промышленность на свете... Каких только клятв не давал он, каких богов не призывал на помощь, каких пророков не принимал — все понапрасну. Что там боги! — даже гипнотизеры не помогли ему. Разве она может помочь? Нет у нее таких слов. И у матери нет. С каждым годом отец кашляет все чаще, все надрывнее. Давно не существуют для него запахи цветов, сена, леса. Почти каждая перемена погоды укладывает его в постель. Обкуриваясь, от теряет аппетит, желтеет, страдает бессонницей.

— У тебя кровь! — говорит наконец Наташа, заметив на отцовской скле около уха свежую ссадину и ясно проступивший синяк на лбу. — Я сейчас принесу йод.

Игнат Александрович ощущивает свое лицо, смотрит на пальцы — да, они в крови! — трет наморщенный лоб, залысины и соглашается:

— Да, больно!

Жена дрожащей рукой набирает из флакона пипеткой сердечных капель и подает ему в стакане с водой.

— Выпей!

Он пьет, не возражая.

— Пересядь на диван, если можешь, — просит она, — я приберу.

Игнат Александрович осторожно поднимается с кресла и, почти не разгибаясь, переходит на диван.

Жена собирает с полу исчерканные вкривь и вкось бумажные листки, складывает в пепельницу окурки, широкой ладонью сметает со стола в мусорную корзину табачный пепел, жженные спички.

— Как же мы дальше-то будем, батяно, батяно? — жалостливо упрекает она его.

Из кухни возвращается Наташа со стеклянной лопаточкой, на кончике которой вата, смоченная в йоде, подходит к отцу и вскрикивает:

— Ты горишь, папа! — и бросается тушить тлеющий на нем рукав пиджака.

Когда волнения улеглись, Игнат Александрович снова усаживается за письменный стол, ставит пепельницу слева от себя, и рука его привычно тянется за сигаретой.

Но мать и дочь не уходят из кабинета. Переглянувшись, они опускаются на диван, ждут чего-то. Мать поправляет седые волосы, дочь — высокая, черноглазая, в легком шелковом платье — напряженно выпрямляется.

Игнат Александрович щелкает зажигалкой, закуривает и опускает глаза к бумаге. Дым обволакивает его лицо.

— Я для тебя интересную статью нашла, — говорит Ольга Сергеевна и протягивает ему раскрытый журнал.

— Это я уже читал, — говорит он, мельком взглянув на страницу. — Вы уж извините, я скоро кончу, тогда и перестану курить. Откройте форточку!

— Папа! — говорит дочь. — Скоро праздник...

— Да, скоро праздник, вот именно. До праздника-то я и хочу успеть.

— Сделай мне подарок к празднику, папа!

— Почему тебе одной?

— И себе самому подарок, папа.

— Ну, ну?

— Брось курить совсем! Попробуй!

Игнат Александрович откладывает ручку в сторону и, глубоко затаившись, смеется. Дым толчками выходит из его рта.

— Чего ж пробовать, надо бросать сразу, раз и навсегда. Я сам давно этого хочу.

— Брось, папа! — умоляюще повторяет дочь.

— Конечно брошу, иного выхода нет. Но для этого нужно морально подготовиться, чтобы не перестать писать.

— Разве ты еще не убежден, что надо бросить курить?

— Убежден. А бросить не могу.

— Значит, характера не хватает?

Игнат Александрович решает отшутиться:

— и характера хватает. Если хочешь знать, у меня железный характер: давно все врачи говорят — пора бросить курить, сам вижу, что пора, а все-таки не бросаю. Это ли не характер? — Потом он добавляет: — У Черномора вся сила была в бороде, у меня — в сигаретах. Я могу не курить, пока не сижу за столом. Месяц, два, три, полгода, наконец. Но сколько же можно бездельничать... Ладно, оставьте меня!.. — заключает он.

Странное дело: с тех пор как Игнат Александрович почувствовал и понял, что табак ему не просто вреден, а совершенно противопоказан, привычка к курению стала для него особенно дорога, она доставляет ему и муки, и наслаждение.

Мать и дочь поднимаются с дивана. Дочь выходит из кабинета, жена встает на скамейку перед окном, открывает форточку. В комнату врывается холодный осенний воздух, его поток продирается сквозь сизый дым, как струя светлой ручейковой воды в стоячем мутном пруду.

Открыв форточку, Ольга Сергеевна снимает с себя широкую шерстяную кофту и набрасывает ее на плечи мужа.

— Не простудись! — говорит она и сообщает как бы между прочим, как о чем-то совершенно обыкновенном: — Мишка покуривать начал.

— Как, Мишка? — встревоженно вскидывает глаза Игнат Александрович.

— Так, Мишка!

— В двенадцать-то лет?

— Вот то-то, в двенадцать. Дети переимчивы.

— Брось чепуху говорить, не верю!

— Твое дело! — говорит Ольга Сергеевна и тоже выходит из комнаты. Оставшись один, Игнат Александрович долго перелистывает странички рукописи, но к работе не приступает. Он придвигает к себе перекидной календарь и записывает на листке от 20 октября: «Миша курит» и ставит жирный знак вопроса.

Время тянется медленно. Позвонил телефон — раз, и два, и три — он трубку не берет: в соседней комнате есть параллельный аппарат.

Но вот жена открывает дверь:

— Возьми трубку!

— Кто спрашивает?

— Юрий Семенович.

— Ты сама ему позвонила?

Ольга Сергеевна, не отвечая, закрывает дверь.

— Игнат, есть хорошая новость! — кричит в телефон Юрий Семенович, в прошлом его учитель, ныне друг. Кажется, он стоит где-то рядом.

— Ну?

— Что ну? Я перестал курить. Вот тебе и ну!

— Поздравляю! — с досадой говорит Игнат Александрович.

Знакомого щелчка в телефоне, когда на параллельный аппарат кладут трубку, не слышно. Значит, Ольга Сергеевна слушает разговор.

— Станулся с моей нянькой, да?

— Не в этом дело. Я тебе помогу, хочешь? Готов ты проявить характер?

— Значит, и у тебя вся надежда на мой характер? — издевается Игнат Александрович. — Нет у меня характера, понял?

— Я к тебе приеду сегодня! — кричит Юрий Семенович.

— Лучше не приезжай, не мешай мне. Все!

Перед глазами Игната Александровича опять перекидной календарь с надписью на листке от 20 октября: «Миша курит?». Он берет ручку, обводит несколько раз вопросительный знак, затем подрисовывает к нему жирную тень с левой стороны — знак увеличивается до размеров календарной цифры.

Работа не идет на ум.

Снова начинается приступ кашля.

Ольга Сергеевна открывает дверь в кабинет и пьитися от дыма, хлынувшего ей навстречу.

— Можно, я врача вызову? — спрашивает она.

В это время на лестничной площадке грохает лифт, словно шахтерская клеть. Миша пришел.

Игнат Александрович торопливо встает из-за стола и выходит в коридор, чтобы открыть дверь сыну.

— Пожалуйста, не горячись! — предупреждает его жена.

— Ладно, молчи!

Игнат Александрович распахивает дверь, не дожидаясь звонка, и видит на лестничной площадке группу школьников. Миши среди них нет. Из незакрытой кабины лифта клубами валит плотный, еще не перемешавшийся с воздухом, совсем синий, совсем свежий папиросный дым.

Ребятишки опешили от неожиданности, словно их поймали в чужом фруктовом саду, оробели, переглядываются, жмутся друг к другу, не зная, что говорить, что делать.

Игнат Александрович растерялся не меньше их.

— Что вам нужно? — наконец спрашивает он, произнося каждое слово раздельно и по слогам.

— Мы от школы, собираем бумажную макулатуру, — заикаясь, отвечает один и прячется за спины товарищей.

— Ах, вы от школы? — угрожающе тянет Игнат Александрович. — А это что?

Казалось, дверь лифта не закроется, пока из него не выйдет весь дым.

Ребята не выдерживают. Прыснув, они кидаются вниз по лестнице, сразу все, не касаясь перил, прыгая через три-четыре ступеньки, — шумные, озорные, счастливые, что напроказили и благополучно удирают.

Игнат Александрович с тоской смотрит им вслед, переживает, пока затихнут вскрики и топот на нижних этажах, и, захлопнув лифт, возвращается в квартиру. Из коридора он идет не в кабинет, а к бельевому шкафу в детской комнате, где висит Мишина одежка. Из шкафа вынимает все: пиджак и брюки от старой школьной формы, летний плащ, спортивную курточку, джинсы, рубашки-ковбойки с карманами, все перетряхивает, перебирает, выворачивает все карманы и, успокоившийся, довольный собою, победно смотрит на жену:

— Чепуха!

Из Мишиных карманов извлечены предметы немудрых мальчишеских увлечений: гайки, шурулочки, использованные капсулы «жевело» от стартового пистолета, почтовые марки в спичечной коробке, копеечки, сохраняемые «на счастье», карманный англо-русский словарь... Никаких признаков табака!

— Чепуха! Ты ошиблась.

Повесив одежду на место, Игнат Александрович с такой же тщательностью осматривает содержание Мишиного стола, его книги и папки. И там ничего предосудительного не оказалось.

— Чепуха все! — повторяет он.

Ольга Сергеевна молча стоит рядом, следит за мужем.

Возвращаясь в кабинет, Игнат Александрович замечает в коридоре на вешалке Мишино зимнее пальто, проверяет и его. Во внутреннем кармане он находит металлическую коробку с надписью «Велоаптечка», туго набитую табаком и листочками тонкой папиросной бумаги, а в другом кармане, тоже внутреннем, — окурки сигарет «Люкс», подобранные, вероятно, с его же, отцовского, стола.

Теперь все сомнения исчезли: Миша покуривает.

Ольга Сергеевна, видно, знала уже об этих тайниках сына, потому находка не удивила ее. А Игната Александровича начал душить гнев. Гнев такой силы, что у него ослабели ноги и задрожали руки.

— В двенадцать-то лет! — говорит он тихо, потому что кричать не может. — Что же будет потом? Курить начал, значит, и пить скоро начнет.

— А я о чем? — заглядывает ему в лицо Ольга Сергеевна. — Уж лучше бы ты пил, чем так курить!

— Не обо мне речь, — повышает голос Игнат Александрович. — Пить тоже не велика радость: где пьют, там и курят. О тебе речь!

Гнев Игната Александровича неожиданно обернулся против жены. Неожиданно для него самого, но не для Ольги Сергеевны. Ольга Сергеевна давно привыкла к тому, что, когда муж раздражается, он прежде всего в других ищет виновника всех своих бед и огорчений — так ему легче.

— Земля должна дрожать у нее под ногами, а она, видите ли, подходит и вдруг тихохонько сообщает: «Миша сегодня на урок опоздал». Это все равно что сказать: «Миша сегодня на урок опоздал».

Голос его наконец окреп.

Наталья, занимавшаяся до сих пор каким-то своим делом на кухне, услышав крик отца, вышла встревоженная и стала умоляюще упрашивать родителей:

— Пожалуйста, не ссорьтесь! Пожалуйста, не надо кричать!

— А ты тут при чем? — повернулся к дочери Игнат Александрович. — Тебе-то чего надо? Распустили мальчишку, проворонили, а теперь «не надо кричать». Мало, покуривать начал, он же обманывает отца с матерью...

Накричавшись, выговорившись, Игнат Александрович успокаивается, и перед глазами его встает собственное детство, когда отец оттаскал его самого за первую сигарку махорки. «Если бы меня не стошнило тогда, ничего отец не узнал бы, — вспоминает он. — Правильно сделал, что оттаскал!»

Хорошо, что Ольга Сергеевна умеет молчать. Если бы она не молчала, Игнат Александрович долго не смог бы успокоиться.

— Оттаскать надо стервеца, за уши выдрать! — говорит он уже совсем тихо и как о чем-то совсем обыденном, затем проходит в кабинет и усаживается за письменный стол. — Так выдрать, чтобы на всю жизнь думать забыл о табаке. На всю жизнь!

Ольга Сергеевна молча закрыла за ним дверь, она довольна: ничего страшного, слава богу, не произошло.

За столом Игнат Александрович первым делом берет сигарету — рука его еще дрожит. — чиркает зажигалкой и опять невольно вспоминает о первой своей сигарке. «Значит, отцовская порка все-таки не помогла? Выходит, что не помогла?».

После этого Игнат Александрович тяжело вздыхает и комкает в пепельнице едва разгоревшуюся сигарету. Больше он не ищет виновников своей беды. «Но что же делать, что делать?»

Отодвинув пепельницу, Игнат Александрович берет телефонную трубку, набирает номер Юрия Семеновича.

— Слушай, Юра, — говорит он уставшим большим голосом. — Что там у тебя есть? Я согласен на все. Помоги мне. Приезжай, пожалуйста, сейчас же!

Юрий Семенович торжественно выложил на стол коробку никобревина. Небольшая круглая мышиного цвета металлическая коробка вроде тех, в каких продается кинолента для любительских аппаратов типа «АК-8». В коробке пятьдесят янтарных шариков, желтеньких, как только что вылупившиеся цыплята.

Так вот он — никобревин! «Единственные в своем роде капсулы против курения!..».

К никобревину приложено объяснение о действии его на организм курильщика и подробнейшая инструкция, как пользоваться капсулами. Первые три вечера надо принимать по три таблетки сразу. Первые три утра также по три таблетки. В следующие четверо суток — по две таблетки утром и по две таблетки вечером. В дальнейшем — ежедневно по одной таблетке перед сном и лишь в самом конце — с пропуском трех суток.

Тридцатидневный курс лечения должен помочь любому самому отъявленному наркоману избавиться от своей вредной привычки.

Юрий Семенович почему-то приложил к этой печатной инструкции свое расписание, от руки, в котором особо подчеркивалось, что по утрам никобревин следует принимать натощак.

Это уж был его собственный опыт.

— От тебя требуется небольшое усилие воли, — убежденно говорил он, — и то лишь в первые дни. Сиди за столом, работай и не кури.

— Только-то? — горестно улыбнулся Игнат Александрович.

— Да, ничего больше. Не работаете — просто сиди за столом и с месяц не пускай в дом никого из курящих. Гони в шею даже друзей, если они курящие. Теперь они тебе не друзья, понял? Посидишь немного, встань и помаши руками; ляжешь — покрути ногами. И дыши, дыши! Понял? Так скорее из тебя вся мерзость выйдет. Черная дрянь ползет, понял? Ты на меня взгляни, я совсем другим человеком стал! — хвастливо добавил он.

Игнат Александрович иронически посмотрел на своего друга:

— Действительно, сияешь, словно тебя на Государственную премию пред-
ставили.

Перемены, происшедшие с Юрием Семеновичем за короткое время, впрямь бросались в глаза. Раньше он был худой, долговязый, с желтоватым лицом, с чуть прищуренными, правда, всевидящими и всепонимающими глазами и отличался необыкновенной нервной подвижностью. Сейчас раздобрел, уже не казался высоким, по комнате ходил неторопливо, солидно, и глаза его стали спокойными, сытыми. «Видишь, какой я!» — казалось, кричало все его дородное тело.

— Ты знаешь, что значит победить себя? Я победил себя и горжусь этим! — всерьез заявил он. — Как известно, это самая великая победа, какую может одержать человек!

Игнат Александрович иронизировал недолго, настолько искренне и велико было его собственное желание бросить курить.

Первые три капсулы никобревина он проглотил тут же, в присутствии Юрия Семеновича.

Весь вечер Игнат Александрович не курил. Более того, ему не хотелось курить. Правда, вечером он не садился за письменный стол, но это потому, что было уже поздно.

Ночь тоже прошла спокойно: курить по ночам он вообще не имел обыкновения.

Утром Игнат Александрович принял согласно инструкции три таблетки никобревина и пришел на кухню завтракать вместе со всеми. Ольга Сергеевна и Наташа поглядывали на него украдкой, они почти дышать перестали, но делали вид, что ничего особенного в их семье не происходит. Миша вовсе не поднимал глаз: предупреденный матерью, он боялся отца и ждал, что с минуты на минуту разразится гроза.

Но завтрак закончился спокойно.

После завтрака Игнат Александрович прошел в кабинет и сел за стол. Курить ему не хотелось, хотя сигареты со стола он не убрал.

Наташа, торопясь в институт, крикнула ему через дверь:

— До свиданья, отец!

Миша бесшумно прошмыгнул коридором.

Игнат Александрович сидел за столом и удивлялся, что ему совсем не хочется курить и что никакого усилия воли от него вовсе не требуется.

Так прошел день. Прошло два дня. Три. С каждым новым приемом никобревина нарастало ощущение, что он обкурился, обкурился так, словно только что сжег подряд целую пачку сигарет. Ему даже смотреть на них не хотелось.

По вечерам, возвращаясь с занятий, Наташа шепотом спрашивала мать:

— Не курит?

— Не курит! — так же шепотом отвечала мать.

— Сидит?

— Опять весь день сидел.

Семья ликовала: батюка перестал курить! И незаметно, чтобы нервничал, страдал. Сидит целыми днями за столом, значит, работает.

Ежедневно звонил Юрий Семенович, он спрашивал коротко:

— Курит?

— Не курит! — отвечали ему, захлебываясь от восторга, то Ольга Сергеевна, то Наташа. Так отвечают на звонки врача о состоянии больного, приговоренного к смерти, но неожиданно начавшего поправляться: «Ему лучше! Он выздоравливает! Он уже ходит!».

Дыма в квартире не было, хотя запах табака еще не выветрился. Табаком пахло от книг, от одежды, от постелей, от ковров, даже от стен — пахло кисло, прогоркло, вонюче. Но стоило открыть форточку, и этот смрад надолго улетучивался. Казалось, еще немного и он исчезнет совсем, навсегда. Все было удивительно!

Но самое, пожалуй, удивительное, что Игнат Александрович ни слова не сказал сыну о своем горестном открытии. Ни упрека, ни намека — ничего. И Миша, трепетавший значаще при каждой встрече с ним, постепенно перестал робеть, перестал ходить по квартире на цыпочках.

Больше всех ликовал, кажется, сам Игнат Александрович. В самодовольстве своем он даже стал немного походить на Юрия Семеновича.

Незадолго до праздника, получив стипендию, Наташа принесла отцу эспандер в четыре толстых прорезиненных шнура. Игнат Александрович тут же проделал несколько упражнений, растягивая резину во весь размах рук — прямо перед собой, за спиной и над головой.

— К батюке возвращается молодость! — сказала Ольга Сергеевна.

А Наташа достала еще из портфеля тяжелый продолговатый сверток и торжественно вручила его отцу:

— Это тебе к празднику, папа. Мое поздравление с твоей победой.

— Что ты говоришь о моей победе? Хочешь, чтобы и у меня глаза стали маленькими, чтобы и я раздобрей? — засмеялся Игнат Александрович.

Кинув эспандер на спинку стула поверх Наташиного пальто, он принял сверток и стал взвешивать его на руке:

— Что это такое?

— Разверни, оценишь. Мне сегодня подарил однокурсник.

Наташа не хотела говорить, что и этот подарок она купила в магазине по дороге из института.

— Зачем же даришь подаренное?

— Подарить всегда приятнее, чем самой... — она не договорила.

— Это верно, дарить приятно...

В свертке оказалась бутылка в совершенно невиданной, удивительной упаковке.

— Это же вино! — вскрикнул от неожиданности Игнат Александрович. — Что ты со мной делаешь, дочка?

— К празднику, папа.

— Но где вино — там и папиросы! — в голосе его был неподдельный испуг.

— Я верю в тебя, папа!

Игнат Александрович прошел с подарком в свою комнату и водрузил его на середину письменного стола. Все сгрудилось вокруг него. В кабинете было светло, не то что в коридоре, Наташин подарок выглядел здесь не простой бутылкой вина, а диковинкой, и ее начали рассматривать внимательно и неторопливо, как рассматривали бы произведение искусства.

Было что рассматривать! Черная, крупная, благородной формы бутылка в цветной рогожке с фигурными золотистыми наклейками, что тебе красавица в юбочке с воланами и оборками, заключена была в решетчатый деревянный футляр, сколоченный из тонких хорошо оструганных планок, не то платановых, не то кипарисовых. Планки эти, богатые и красивые сами по себе, были еще покрыты тисненными надписями на испанском и английском языках и бордовыми, тоже тисненными, изображениями бокалов. Шейку бутылки облегла особая мелкого плетения дерюжка вроде кофточки, отделенная от основной одежды, от юбочки, нешироким просветом.

Сверху и снизу, с четырех сторон на деревянной решетке вытеснены были надписи на английском языке: «Открывать здесь». Внизу на поперечных планках на испанском: «Сделано в Кубе». Посредине вертикальных планок, так же с четырех сторон, опять на английском: «Хрупкое, бьющееся» и «На экспорт». А на самой бутылке, на главной ее многоцветной этикетке, наклеенной на рогожку, стояло название вина: «Ликер «Кофейный», и крепость его, и емкость в кубиках.

Нет, не узницей в деревянной клетке выглядела эта заморская красавица, а царевной в расписном терему. И все — настоящая экзотика, во всем — дыхание экваториальных морей.

Игнат Александрович и Ольга Сергеевна мало что понимали в иностранных языках, они только с восхищением разглядывали любовную работу мастеров: «Как отполировано! Как чисто пригнано!». Зато Наташа и Миша принялись сообща разбирать и переводить испанские и английские слова — правда, основываясь тоже больше на догадках, на интуиции.

— «Элаборадо и энвасадо пор...» — читали они наперебой. — «Эмп. комс. де ликорес и винос»... Это, по-видимому, означает: где изготовлено, разлито и упаковано, каким заводом.

— Фирмой, фирмой! — закричала Наташа.

— А это адрес: «Увидад Н-003 Басаррате 102 Хабана».

— Не понимаю, что такое «Хабана»? — спросил Миша.

— Гава на же!

— А вот написано: «Марка регистрада». Регистрация, значит. А что это за рисунок?

— Заводская марка, вот что. Не регистрация, а патент. Продукт запатентован... Понимаешь?

— Верх. Правильно?

— Кажется, правильно. А вот внизу: «Открывать здесь», и сверху: «Открывать здесь». Значит, открывать можно и снизу, и сверху. Откроем?

— Подожди, дочка! — вмешался в разговор Игнат Александрович. — Жалко как-то... Нельзя сразу...

Ольга Сергеевна поддержала его.

— Откроешь, — сказала она, — и вдруг окажется, что в бутылке не вино, а дух, джин... Улетит еще!..

Кроме надписей на бутылке и на решетке футляра к подарку подвешена была еще бирка, тоже красочная. На ней следовало написать; кому направляется подарок и по какому адресу.

Наташа взялась за отцовскую ручку.

— Я сейчас впишу: «Москва, папе, за его великую победу над самим собой...».

Всем стало очень весело.

К тому же и низкое осеннее солнце вдруг, откуда ни возьмись, засияло над куполами Кремля, прямо против окон кабинета, и оттуда повеяло другой экзотикой, другой красотой, уже своей, родимой, русской, очень древней и очень новой, которую порой перестаешь замечать и чувствовать, если стоишь к ней слишком близко, а она нет-нет да и даст о себе знать в минуты большой радости и душевного просветления.

— Милые вы мои, родные вы мои!.. Уже праздник! — начал восторженно приплясывать Миша, целуя то одного, то другого, не зная, как управиться со своим счастьем.

Ольга Сергеевна распахнула форточку. Вечерняя прохлада вместе с шумом и звоном городской улицы хлынула в комнату. Зашелестела белая бумага на столе, чуть качнулся в углу расшитый рукоотерник — подарок старой вологодской бабушки, просияли переплеты книг.

— Так откроем или не откроем? За папину победу? — снова заговорила Наташа, берясь за бутылку.

— Подожди, дочка! — опять остановил ее Игнат Александрович — Но разве я ее одержал? Никобревин!.. И потом... приятнее подарить, чем самому выпить, ты же так сказала? Я думаю, что это сокровище будет достойно никобревина. Так?

На мгновение наступило замешательство: либо не сразу все поняли, что намеревается сделать отец, либо просто пожалели о Наташином подарке. Все-таки «дареное не дарят» — так принято было считать всегда.

Ольга Сергеевна первая поняла и поддержала отца:

— Звони!

В комнате снова наступило оживление, снова Миша ликовал, что в доме уже праздник, а Наташа неопределенно улыбалась.

Игнат Александрович взял трубку, набрал номер. К параллельному аппарату бросился Миша, захотел послушать, какой будет разговор.

Юрий Семенович не дал слова вымолвить, тотчас спросил: — Не куришь?

— Да не курю! — взъелся Игнат Александрович. — Что ты, ей-богу, все об одном и том же, словно других дел у тебя нет! Не курю! Спасибо, не курю! Слушай, друг, мы для тебя и твоей семьи подарок приготовили к празднику. Послать?

— Подарки люблю, присылай!

— Ну тогда все! — сказал он и положил трубку.

В тот же день диковинная бутылка была передана Юрию Семеновичу.

— Вот еще что надо сделать, — сказала после этого Ольга Сергеевна. — Пусть Наташа завтра же отвезет своему однокурснику хорошую бутылку нашего вина.

Наташа как-то смущенно и растерянно заулыбалась:

— Удобно ли это, мама?

— А ты от нашего имени. Или пригласи его на праздник к нам.

Наташа уже без улыбки зыркнула на нее черными глазами:

— Хорошо, я как-нибудь выйду из положения...

Вечером от Юрия Семеновича домработница принесла сверток неопределенной формы и записку.

«Не жалейте о бутылке, — писал он, — но у меня не хватило силы поднять руку на такое чудо. Пересылаю с попутчиком в Тбилиси моему старому товарищу Георгию Николаевичу, гостеприимством которого я пользовался не раз. К тому же там больше понимают толк в подобных вещах.

В качестве морального возмещения примите настоячку собственного изготовления...»

В свертке под десятком бумажных одежек оказался графинчик домашней рябиновки. К стеклянной пробке его была подвешена картонная бирка с надписью на английском: «Открывать здесь».

— Да уж графинчик-то мы знаем где открывать, — смеясь и потирая руки, сказал Игнат Александрович.

Они перешли на кухню, где обычно завтракали и ужинали.

— А бутылочка моя, кажется, счастливая! — радовалась Наташа. — Хорош ли хоть ликер-то был?

Перед глазами белый, белый лист бумаги. Чистый лист...

Как хочется не испортить его! Исписать и не испорчить! Игнат Александрович сидит долго сидит перед стопкой чистой белой бумаги и не может начать писать.

Растерянный, в тревожном ожидании чего-то, он бессмысленно смотрит по сторонам — на книжные полки, на стены, на серый от времени потолок кабинета, иногда выглядывает в окно, из которого виден город сверху — крыши, и купола, и перспектива дальних улиц. Потом взгляд его медленно и бездейственно скользит по столу, с одного предмета на другой. Две черных авторучки в держателях на мраморной доске. Ножницы и несколько цветных и простых карандашей в стакане, выточенном из самшитового обрубка. Перекидной календарь. Стопка газет и журналов, которые нужно читать. Часы на ремешке, снятые с руки и положенные ребром на краю стола.

Под толстым стеклом на зеленом сукне видна милая и понятная его сердцу открытка — репродукция с картины Яна Стыки: вконец измученный могучий русский старец в длинной белой рубахе, в простых сапогах припадает к плечу Христа, как брата: «Помоги!..». Но и эта открытка не оживляет взгляда Игната Александровича.

Чтобы занять себя чем-то, он достает из ящика стола склянку с чернилами, пипетку и начинает добавлять чернила в авторучки, но они и без того полны. Тогда он вынимает из кармана ножик и чинит карандаши — один, другой, скоблит графитные стерженьки, которые и без того тонки, как иглы... Ничего этого делать не нужно, но он делает — просто так, потому, что не может начать писать.

Чуть слышно тикают ручные часы. Он берет их, разглядывает, подносит к уху и снова кладет на место.

Пепельницы на столе нет...

Почему же все-таки не пишется?

Перед ним лежит незаконченный предпраздничный очерк. Перечитав его, Игнат Александрович убеждается, что и заканчивать его не стоит: все очень плохо, выпренно, фальшиво. Но и новое ничего не идет на ум.

Художник, прежде чем изобразить натуру, должен увидеть ее контуры, вообразить на белом поле ее живые очертания. Еще не прикоснется карандаш к бумаге, а из ватманской глубины листа для внутреннего зрения художника должен проступить весь рисунок как бы в готовом виде, иначе не будет ни достоверности, ни одухотворенности в нем.

Точно так же и для Игната Александровича необходимо, прежде чем начать писать, представить себе хотя бы приблизительно то, о чем он хочет рассказать людям, ощутить реальность припомнившегося или воображаемого события и поверить в него, и услышать его своим внутренним слухом.

Без этого не стоит приступать к работе. Без этого не будет правды.

Игнат Александрович часами сидит за столом, пытается сосредоточиться и не может. Воображение ничего не подсказывает ему. Воображение безмолствует, бездействует, нет его совсем.

Раньше бесконечные видения возникали из клубов табачного дыма — так Игнату Александровичу казалось. Бывало, Ольга Сергеевна посылала в кабинет Мишу узнать, что делает папа. Миша заглядывал в кабинет, возвращался и докладывал: «Папа курит!». А папа работал. Работал азартно, удачливо, с любовью.

Теперь на столе его нет пепельницы, в комнате не пахнет дымом. И курить ему не хочется, он только что принял две таблетки никобревина. Но и работа не идет.

«Вот она страшная сила условного рефлекса, — думает он, вспоминая обучения врачей. — Но ведь курение — только условный рефлекс и его легко преодолеть, изгнать. Курение — привычка чисто механическая. В организме курильщика не появляется неодолимой потребности в никотине, как в организме пьяницы потребность в алкоголе. Значит, можно одну механическую привычку заменить другой механической привычкой, и все пойдет по-старому. Многих, например, выручают четки...»

Игнат Александрович достает из ящика стола янтарные бусы на шерстяном шнуре, которые подсушила ему жена, и начинает перебирать их. Сначала передвигает по одному зерну, потом по два, все быстрее и быстрее... Считает: «Пара, две, три...». Янтарные зерна цветом похожи на капсулы никобревина. «Пятнадцать пар, шестнадцать пар.. двадцать... двадцать пять... Значит, всего пятьдесят бусинок. Пятьдесят капсул никобревина...»

Не помогает!..

Может быть, лучше прожить несколько лет меньше, зато сделать что-нибудь? Э, кого я обманываю?!

Он бросает четки в ящик стола и достает коробку скрепок. Берет в руки одну скрепку, разгибает ее, потом сгибает, стараясь придать ей прежнюю форму. Скрепка быстро ломается. Тогда он берет их несколько штук, наизывает одну на другую, цепочкой. Получается опять что-то вроде четок.

В голове уже совсем ничего нет... После этого Игнат Александрович сует целую щепоть скрепок в рот и начинает жевать их, жевать, жевать. Во рту появляется вкус металла. «Можно и к этому привыкнуть, — думает он. — Будто гвозди пережевываю!». И вдруг в голове его складывается потрсающая по своей нелепости стихотворная строка: «Гвозди бы делать из этих скрепок!..».

— Наконец-то, пошло! — смеется он над собой и выплевывает скрепки в корзину.

Не пишется!..

Странное это состояние: пишется, не пишется... Никогда нельзя знать заранее, что заставит тебя сидеть за столом день, два, десять, без перерыва, и упоенно, самозабвенно, отмахиваясь от всего постороннего, сочинять, писать. Откуда приходит это, какие причины вызывают необходимую для работы проясненность души, согласованную сосредоточенность мыслей и чувств? Материал? Доскональное знакомство с ним, близость к нему? А что это такое — вдохновение? Может быть, это оно и есть, оно и дает о себе знать?

Игнат Александрович берет блокнот, перелистывает его, перечитывает записи недавней поездки. Записей много... Может быть, что-то вдруг оживет, разволнует, разбередит душу?

«В колхозы отдаленного района по разнарядке сверху засылают несколько вагонов минеральных удобрений. До железнодорожной станции километров сто пятьдесят-двести, время осеннее, дороги непроезжи. Пока дозвонились до района, до колхозов, прошло несколько дней. Удобрения сваливают в тупик. Железная дорога посылает счета: штраф за простой вагонов, плата за разгрузку, и требует срочно освободить тупик. Отказываться от удобрений нельзя и вывезти их невозможно, да и свой навоз на поля еще не вывезен. Колхозы оплачивают все счета. На станцию с трудом пробиваются три самосвала и тайно, в течение двух суток перетаскивают удобрения в ближайший овраг и заваливают землей, чтобы не платить новых штрафов...»

— Ну и что же? — думает Игнат Александрович. — О таком уже писали как-то. Что изменилось? Напишу и я, донесу, и, если напечатают, отдадут председателю или трех водителей самосвалов под суд — и только. Какая польза делу?

Он читает дальше.

«В порт во время пугины возвращается рыболовецкий траулер. Берег рыбы не принимает, некуда. Судно направляют в соседний порт, но и там отказываются от рыбы, холодильников не хватает. А рыбакам нужно план выполнять, иначе не будет ни хорошей зарплаты, ни премиальных. Они выбрасывают рыбу в море и идут ловить новую...»

— Это материалец тоже не для праздничного очерка, — невесело думает Игнат Александрович. — И вообще ни для чего. Горечь одна. Где люди, где положительные характеры?

Сделав резкое движение, он кашляет. И снова глухой гул подымается из глубины его воспаленных бронхов, словно где-то поблизости безнадежно буксует застрявший грузовик. Лицо от напряжения наливается кровью, все тело сотрясается, как земля от вулканических толчков, предвещающих извержение.

«Нет, курить нельзя! — думает он. — Что угодно, только не курить. Опять частые гриппы, постель, больница... Все равно с курением один обман: пишется недолго, потом наступает утомление, апатия, мучают головные боли, бессонница. Нельзя курить! Курить нельзя! Может быть, я что-то еще сделаю в своей жизни».

С трудом сдерживая кашель, Игнат Александрович торопливо проглатывает таблетку антастмана, запивает водой прямо из графина, достает карманный ингалятор, заполненный эуспираном и дышит, дышит...

«Слава богу, сознания уже не теряю, и то хорошо!»

Перед самым праздником события с кубинской бутылкой стали разворачиваться весело и быстро.

Вдруг прямо из аэропорта, от самолета, Юрию Семеновичу привезли десятилитровый бочонок маджари, молодого виноградного вина. На дубовом, чуть выпуклом, как объектив телескопа, днище рука знаменитого тамады начертала мелом:

«За дружбу всех хороших людей! С праздником!».

Сопроводительное письмо было не короче древних пергаментов, цветисто и многоузорно, как орнаменты грузинской архитектуры. Опьянеть можно было уже от одного этого послания.

Приглашая Игната Александровича на встречу праздника, Юрий Семенович посоветовал принять таблетку никобревина вне расписания.

— А бутылочка-то кубинская счастливая оказалась! — опять похваляется Наташа, когда узнала о бочонке маджари.

— Да, неразмennyй рубль, — подтвердил Игнат Александрович. — По-едешь с нами?

— А Миша с кем останется? — встревожилась Ольга Сергеевна. — К тому же у Наташи завтра свой вечер, институтский...

Юрий Семенович и жена его, Евгения Федоровна, встретили гостей на лестничной площадке. Юрий Семенович не просто перестал курить, он пошел в город по службе и получил новую квартиру.

В новой квартире, несмотря на то, что хозяева переехали в нее совсем недавно, был уже полный порядок. Заново сооруженные книжные полки выселись с двух сторон от пола до потолка и в коридоре, и в кабинете, под который отведена была самая большая комната. Книги и в других комнатах занимали так много места, что вся квартира походила на библиотеку.

Но в квартире пахло табачным дымом, и Игнат Александрович это сразу почувствовал.

Первым делом хозяева познакомили друзей со своим новым гостем, председателем грузинского колхоза, который привез им бочонки вина, Григолом Арсентьевичем.

— Григол! — назвал он себя, пожимая руки Ольге Сергеевне и Игнату Александровичу. — Просто Григол. У нас так принято.

Это был пожилой человек крепкого сложения, не грузный, с широким красивым лбом, с узкими аккуратно подстриженными, но уже седыми усиками, с ясными черными глазами. В одежде его, не в пример многим русским председателям колхозов, ничего не было от деревенской небрежности: черный, ладно сидящий костюм с хорошо разутюженными брюками, снежно-белая нейлоновая сорочка, модный плетеный тщательно повязанный галстук, тоже черный...

— Вы из какого района? — спросил его Юрий Семенович.

— Хобский район. Если не слышали о Хоби — знаете Поти, Большой порт. Хоби, Поти — соседи.

— Я бывал в Хоби, — обрадовался Игнат Александрович, словно встретил старого знакомого. — В колхозах ваших бывал. Вы председатель?

— Я председатель.

— А колхоз? Может быть, я был в вашем колхозе.

— Колхоз «Гантиади».

— Не помню. А что это означает?

— Гантиади — заря. В Грузии много колхозов «Заря».

Женщины ушли на кухню, мужчины обосновались в кабинете.

Игнат Александрович стал ходить вдоль застекленных стеллажей, рассматривая корешки книг. Он позавидовал строгости, с какой были расставлены здесь собрания сочинений. В его собственной домашней библиотеке дети перетасовали все и никогда нельзя было сразу найти нужный том.

Юрий Семенович с удовольствием и неторопливо объяснял, в каком порядке расставлены на полках книги, где у него иностранная литература, где монографии по живописи, где особо ценные издания русской и мировой классики.

Григол попросил разрешения курить.

— Курите, пожалуйста, нам это уже не страшно, — сказал Юрий Семенович, мельком, искоса взглянув на Игната Александровича. — Пепельница на столе.

— Вы перестали курить? Я не курил, пока был учителем, но сейчас мне нельзя не курить. Весь мой колхоз курит, что же я — белая птица? А заседания в районе с утра до ночи? — Ни одного вопроса не решить без папирос.

— Вы были учителем? — заинтересовался Игнат Александрович.

— Был. Сняли.

— За что, если можно узнать?

— Это неинтересно! — Григол не захотел отвечать.

«Странно, — подумал про себя Игнат Александрович. — Все равно узнаю, надо узнать!»

— А в председателях вы давно?

— Больше десяти лет.

— Вот, вот, расскажите о колхозной жизни, — подхватил Юрий Семенович. — Игнату это нужно.

— Разная колхозная жизнь. Что вам рассказать про колхозную жизнь?

— Довольны вы своим колхозом? — спросил Игнат Александрович.

— Я недоволен собой.

— Ну, ну?

Григол посмотрел на Юрия Семеновича.
— Вы же интересно рассказывали про колхоз, — ответил на его взгляд Юрий Семенович. — Игнату расскажите!
— Я рассказывал про первый колхоз... Почему это нужно Игнату?
— Журналисту, Григол, все нужно. Мы журналисты.
— Дело это старое... — неохотно протянул Григол, — приезжайте, посмотрите на колхозную жизнь сами.

«До чего осторожен!» — подумал про него Игнат Александрович, но все-таки решил задать еще один вопрос:

— Вы работали уже в двух колхозах?

— В трех работал. С первого колхоза сняли. Колхозники сняли. Сами! Я на них давил, они перестали работать...

Сказав это, Григол замолчал, и, сколь ни любопытно было начало разговора, Игнат Александрович почувствовал, что настаивать на его продолжении он не может, неудобно было. Но Григол сам добавил еще несколько слов:

— На секретаря давило его начальство, секретарь давил на председателей. А я — учитель, я не умел давить, но, разозлившись, тоже стал командовать, и люди меня невзлюбили...

Разговор прервали женщины. Они вошли в кабинет, как заговорщицы, довольные проделанной работой, и пригласили гостей в столовую.

— Очень кстати! — обрадовался Юрий Семенович. — А то у нас тут без бутылки... без бочонка! — поправился он, — языки к небу прирастают.

Ольга Сергеевна, увидев дым, со страхом взглянула на мужа, но тут же успокоилась.

Маджари не отличалось хорошим цветом — мутноватое, оно не золотилось, не искрилось в бокалах, но вкус имело отличный.

Вместо первого тоста Юрий Семенович прочитал письмо своего тбилисского друга:

«...Счастья на земле все еще не хватает людям. Пора кончать с этим дефицитом. Пусть дружба хороших людей поможет нам. Реки сливаются в море, люди объединяются в дружбе. За дружбу правильных людей, за торжество правды!...».

— Я не вижу оснований возражать против такого тоста, — сказал Григол.

Выпив свой бокал, он снова закурил. А Юрий Семенович наклонился к Игнату Александровичу и, показывая глазами на табачный дым, спросил полушепотом:

— Ну как? Терпишь?

— Совершенно спокоен, — ответил тот.

— А работается без курения?

— Да ведь как сказать...

— Что — как сказать? Ты смотри на меня! Здоров и работаю, как вол, служу. И вот результаты квартиру дали! Это же не кооперативная...

— Ладно, об этом потом, — отмахнулся Игнат Александрович, как от дыма. — Мне чем-то нравится твой Григол. Но как осторожен! Попроси его сказать что-нибудь...

Григол согласился, встал.

— По нашим обычаям, — сказал он, — я должен говорить последним. Но, думаю, можно их и нарушить. Я тоже хочу говорить о счастье. Пока не будет хорошо всем в равной мере, нельзя быть счастливым никому. Стыдно быть счастливым, если соседи твои, земледельцы, нуждаются. Надо, чтобы всем было хорошо. Я верю, что так будет всюду. Мы всегда в это верили. По грузинскому обычаю за праздничным столом пьют за матерей. У нас одна мать — наша родная и великая. Выпьем за ее светлый разум, за то, чтобы она мудро вела наши дела.

Григол выпил, ни на кого не глядя, сел и снова задымил.

Игнат Александрович заволновался.

— Умница, черт! — шепнул он Юрию Семеновичу. Затем, обращаясь к Григолу, спросил:

— Вы были на войне?

— Всю войну был на войне. Однажды был в окружении, из окружения вышел. Вышло нас десять человек, остальные попали в плен. За этими остальными мы вернулись целой армией. И, лишь когда освободили всех, я почувствовал, что вышел из плена. Это я тоже говорю о счастье.

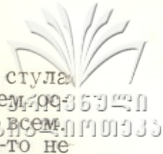
Игнат Александрович извинился:

— Простите, что я все время спрашиваю вас.

— Пожалуйста! — ответил Григол. — Когда выпьем, я тоже буду спрашивать вас. Я спрошу: «Вы всегда довольны собою?».

Игнату Александровичу Григол нравился все больше и больше. Нравился весь его облик, его манера говорить короткими фразами — резко и четко.

Понравилось, как он вставал — сразу и легко, словно сильные пружины стула подбрасывали его вверх, и как сидел — прямо, не сутулясь. Что-то в нем было талось от войны — молодцеватая подобранность, определенность во всем. Правилось, когда он смотрел в глаза своим собеседникам и когда почему-то не хотел смотреть им в глаза, понравилось даже то, как он чадил.

На Игната Александровича вдруг нахлынуло то самое волнение, которого он давно ждал, часами сидя за письменным столом с коробкой никобревина и стопкой белой бумаги под рукой. Давно молчавшее воображение его словно бы проснулось, ожило. В клубах табачного дыма, которые пускал Григол, перед ним стали возникать желанные видения, как если бы этот дым клубил он сам.

— Григол! — снова обратился он к председателю. — Что вы там начали говорить про какие-то события, из-за которых вас работы лишили? Может, до- скажете?

Григол засмеялся. Смех его — залистый, озорной, с хитринкой — тоже понравился Игнату Александровичу.

— Вам, наверно, трудно будет поверить, — сказал Григол.

— Во что?

— В то, что я расскажу.

— Попробуем поверить.

Евгения Федоровна налила в бокалы вино и ждала, когда они закончат разговор, но, убедившись, что конца не предвидится, с упреком сказала Игнату Александровичу:

— Вы не успокойтесь, пока не заполните анкету на нового человека. Пусть люди выпьют, хватит дел!

— Мы не про дела, мы про какие-то события, — возразил Игнат Александрович, но выпить со всеми не отказался.

— Мне дали хороший колхоз, — принялся рассказывать Григол, — но я боялся идти в председатели, у меня был мягкий характер. Мне приказали. Я рассердился, но пошел и тоже стал приказывать. Раз меня не уважал секретарь, я к колхозникам не прислушивался. Колхоз выращивал виноград, вино делал. И вдруг секретарь мне приказал выращивать овец, шерсть делать. Мне было очень трудно, и колхозу стало очень трудно. Колхоз был богатый, а за два года стал бедный. Я разорил колхоз, и тот же секретарь снял меня с работы.

— Колхозники или секретарь? — переспросил Игнат Александрович.

— Вы что, ребенок? — заулыбался Григол.

— Тогда расскажите, пожалуйста, подробнее.

На этот раз вмешался Юрий Семенович:

— Игнат! Тебя, как говорится, хлебом не корми...

— Хлебом можешь не кормить, а вино разливай, — ответил Игнат Александрович и первый поднял бокал: — За ваше здоровье, Григол! Я рад, что по- знакомился с вами.

Но самому Игнату Александровичу было уже не до вина. Он хотел знать как можно больше о своем новом знакомом, по возможности — все. Немало встречается в жизни интересных людей, но далеко не все встречи вызывают в душе необходимое для работы волнение — то, единственное, творческое волнение, которое заставляет человека садиться за письменный стол. Немало есть сюжетов на свете, они всюду, мы ходим по ним, как по траве, они вокруг нас, как воздух, вода, свет. Но надо найти такой сюжет, единственный, свой, который бы воспринимался как пришедший не извне, а изнутри тебя самого, из твоей внутренней сути, про который можно было бы сказать: вот это мое, это для меня, это все я сам пережил, сам передумал.

Встреча с Григолом взволновала Игната Александровича, он принял грузинского председателя в свою душу, почувствовал его как свою собственность и уже додумывал его. Это был его Григол. Теперь только бы не упустить полноты ощущения, не растратить время понапрасну, все выспросить, запомнить и согласовать со всем своим предыдущим опытом жизни.

Ольга Сергеевна, вероятно, поняла его состояние и пришла на помощь своему мужу.

— Я тоже была в ваших местах, Григол Арсентьевич, в Хоби, — сказала она. — Вместе с мужем была. Помню, все не верилось, что мы на земле, а не в раю. Куда ни глянешь — висят те самые апельсины, мандарины, которые я до той поры видела только на скалках весов да в кино. Поднимешь руку — и в руке у тебя лимон, поднимаешь другую — хурма.

— Субтропики, — ответил на это Григол.

— А поздней осенью, — продолжала, увлекаясь, Ольга Сергеевна, — на деревьях с хурмой ни одного листика. Висят эти плоды, сверткая на солнце, стибая ветки, крупные, сочные. действительно золотые, и просвечивают насквозь. А виноград! Где только он не красуется, куда только не забирается! На вершинах деревьев — гроздь, в небе — гроздь. Как в сказке.

Григоду понравились эти восторженные слова о его родном крае, увиденном со стороны, и он тоже заговорил о нем с увлечением:

— Виноград, который высоко на деревьях вьется, это домашний виноград «Изабелла», он очень сладкий. Много у нас винограда. Много и цитрусовых. А фейхоа знаете? Этакая японская клубника. Бальзам! А маслины? Но настоящее наше золото — чайный лист. Многие тысячи гектаров чайного листа. Вот где колхозное богатство! Каждый килограмм листа — червонец, новый червонец. Женщины собирают по двести, по триста килограммов чайного листа в день.

— Почему же вашему колхозу стало трудно? — спросила Ольга Сергеевна. — На что вы намекали?

— Зачем намекать? Намеками делу не поможешь. Было трудно. Я говорил о животноводстве. Сверху нам планировали животноводство, план железный, а животноводство для наших мест — то же, что кукуруза для Заполярья. Закупили мы сто пятьдесят коров в Западной Украине, а корма возили с Кубани. От одних коров терпели убыток в миллион рублей, старых рублей. Литр молока обходился колхозу в четыре рубля. Потом куры. Каждое яйцо стоило нам два рубля. Мы стали покупать яйца на Украине, на рынке, везли их на Кавказ, сдавали по плану и отправляли в Москву...

Юрий Семенович был почему-то недоволен, что разговор за праздничным столом опять принимал деловой характер, это портило ему настроение, но Ольга Сергеевна уже не хотела замечать этого.

— И вы не могли отстоять права колхозников? — горячилась она.

— Больше этого не будет! — решительно заявил Григол. — Сейчас все у нас пошло по-иному.

Юрий Семенович не выдержал:

— Довольно о делах!

— Больше этого не будет! — повторил Григол, глядя не на него, а на Ольгу Сергеевну.

Тогда Игнат Александрович встал из-за стола и увел Григола в кабинет. Там они просидели остаток вечера. Хозяйка дома, Евгения Федоровна, несколько раз носила им вино в бокалах.

Табачный дым вопреки заведенному порядку стлался по всей квартире, как в конторе правления колхоза.

В течение недели Игнат Александрович с утра закрывался в своей комнате, отключал телефонный аппарат, просил жену не стучать к нему понапрасну и не принимать никого посторонних.

— Не пускай в дом курящих! — особенно настойчиво повторял он.

В квартире было тихо. Наташа с утра уезжала в институт, Миша на время школьных каникул перебрался к бабушке. Игнат Александрович выходил из кабинета, только чтобы поесть, да дважды в день, как обычно, подолгу бродил по набережной. Спал он тоже в кабинете, а когда оставлял его, то захлопывал дверь и ключ брал с собою.

Ольга Сергеевна давно привыкла к этой его манере работать и не тревожилась. «Творческий запой» — так в шутку и сам он называл наиболее счастливые дни своей журналистской жизни. Ольга Сергеевна возилась на кухне, в коридор выходила на цыпочках и волновалась лишь, когда слышала, как мужа одолевает кашель.

За дверью сначала раздавались шипение и хрип, будто приходил в движение ржавый механизм старинных часов перед тем, как им начать бить. Затем со скрежетом отодвигалось кресло — это Игнат Александрович либо вставал, чтоб перейти на диван, либо наклонялся над корзиной. Воздух с трудом продирался через его сматые большие бронхи. Кашель налетал как вихревой порыв ветра на деревенскую улицу, когда скрипят и хлопают калитки, гнутся деревья, вслошленно кудахчут куры и с визгом и хрюканьем разбегаются по подворотням перепуганные поросята.

Все в душе Ольги Сергеевны в такие минуты замирало от страха и жалости. Каждый стон, каждый стук, доносившиеся из кабинета, отдавались болью в ее груди. Она припадала к двери, готовая в любое мгновение выдавить ее своей тяжестью и броситься на помощь. Время от времени она спрашивала:

— Подать тебе чего-нибудь, батюк?

— Ничего не надо, уйди отсюда! — хрипел Игнат Александрович, когда удушье и кашель понемногу отпускали его.

В дверную щель несло холодом, значит, форточка в кабинете опять открыта. «Простудится еще на сквозняке!» — беспокоилась Ольга Сергеевна, подозрительно приносясь к свежей осенней струе, идущей из кабинета.

— Не простудись, отец! — говорила она и отходила.

Экз. № 36333
Ин. № 110133

Наконец, Игнат Александрович принес на кухню готовую рукопись. Он выглядел усталым, но был доволен собой.

— Перепечатай, пожалуйста, — попросил он жену. — Я сейчас позвоню в редакцию, чтобы утром прислали курьера. Названия пока нет, может быть, ты подскажешь. Это очерк, но я думаю потом сделать из него повесть. Очень богатый материал подбирается.

Остаток этого дня и весь вечер он не работал и не заглядывал в кабинет: просматривал зачетные архитектурные чертежи и рисунки Наташи, звонил Мише, разговаривал по телефону с бабушкой, еще с кем-то...

Перепечатав и перечитав очерк, Ольга Сергеевна похвалила его:

— По-моему, получилось. Даже очень получилось! Ты сумел показать, на что способен сильный человек, если только пожелает и точно знает, чего он хочет. Все очень интересно...

— Спасибо! — обрадовался Игнат Александрович. — Давай так и назовем: «Сильный человек!» — Подумав, он добавил: — Обязательно в повесть разверну. Завтра же засяду. Ты уж не мешай мне, потерпи еще немного.

С утра он снова закрылся в своей комнате, Ольга Сергеевна не мешала ему.

Дня через три очерк был напечатан в газете, и на квартиру один за другим начали звонить друзья Игната Александровича. Но он уже работал над повестью, отключил свой аппарат, и на звонки отвечала Ольга Сергеевна. Очерк хвалили.

Пришло несколько телеграмм, он из кабинета не вышел.

— Хочешь, я прочитаю тебе, — предложила она через дверь, — а ты сиди, не вставай. Слушай: «Молодец Игнашка тряхнул стариной поздравляю — Виктор».

— Какой Виктор? — удивился Игнат Александрович и тотчас протянул: — А, понял...

— Слушай еще: «Спасибо за отличный рассказ зпт хорошо отобразили юг и север — ваши Люся и Эля».

— Ладно, хватит, — недовольно оборвал он. — Сам знаю. Не мешай!

Пришла еще телеграмма, Ольга Сергеевна мельком увидела на бланке пункт отправления и, не сдерживаясь, закричала во весь голос:

— Батько, телеграмма из Хоби! Из Хоби!

В тот же миг в кабинете громыхнуло кресло. Игнат Александрович вскочил и наотмашь распахнул дверь:

— Давай сюда!

— Из Хоби! — еще раз восторженно повторила Ольга Сергеевна и заглянула в открытую дверь кабинета.

Пока Игнат Александрович разбирал телеграмму, она стояла рядом и плакала: в кабинете было темно от табачного дыма.

Опомнясь и увидев ее слезы, Игнат Александрович сказал:

— Прости, родная! Но разве бы я смог написать это, если бы...

— Что если бы?... Очерк ты написал, а на большую вещь тебя же не хватит, задохнешься! — На нее жалко было смотреть. — Что теперь с сыном нашим будет? — шептала она.

Зазвонил телефон. Игнат Александрович поднял валявшееся на полу кресло, сел, включил свой аппарат.

Захлебываясь от самодовольства, говорил Юрий Семенович:

— Послушай, ты — молодец! Продолжай в том же духе. Ты — сильный человек! А бутылочки эти, оказывается, в любом магазине продаются. Я тебе сейчас пошлю точно такую же...

— Пошел к черту! — крикнул ему Игнат Александрович и бросил трубку.

Ноябрь, 1965.

Когда кришу павлин

● Роман

Гурам все спрашивал Эку, какая мебель ей больше нравится, и под конец вывел ее из терпения.

— Ни одна!.. — сухо отрезала Эка и, увидев на его лице огорчение, добавила: — А все-таки больше всего мне понравилась наша, грузинская.

— Ты правду говоришь или смеешься? — удивился Гурам.

— А что?! Посмотри, наша более добротная и массивная и не уступает в красоте!

— Для выставок мы умеем делать красиво, а вот для продажи..

— Тоже сумеем!.. — оставив Гурама, Эка пошла смотреть лебедей.

«А он начинает раздражать меня, — смотря на плавающих по глади воды гордых птиц, думала Эка. — То цинично высмеивает всех, а то как баба млеет перед вещами».

Потом подошел Гурам, они поехали на фуникулер.

Гурам, вероятно, неплохо правил, Эка в этом ничего не понимала, а вот сидел он за рулем немного сутулясь, и чувствовалось, что он был напряжен.

Не впервые она ездила с Гурамом, но раньше этого не замечала.

Они оставили машину в тупике у стены рядом с другими машинами и поднялись в сад.

С сентября Тбилиси начинает жить полнокровной жизнью, это чувствуется и на горе Мтацминда. Чересчур громко кричат, играя, детишки, еще не успевшие перестроиться с деревенского на городской лад, словно выставляя на конкурсе мод свой загар, прогуливаются девушки и юноши, мамы катают в колясках своих малышек, и степенно вышагивают на негибнущих в коленках ногах старики.

«Как хорошо, что много народа», — промелькнуло у Эки, не имеющей никакого желания гулять с Гурамом по пустынным аллеям.

Незадолго до наступления сумерек они пошли в ресторан и с трудом нашли свободный столик на громадной, обращенной к городу террасе.

Пока Гурам тщетно подзывал пробегающих мимо кельнеров, Эка смотрела на раскинувшийся внизу Тбилиси.

Продолжение. Начало в №№ 6 и 10.

В опустившихся на него сумерках город казался средоточием сливающихся между собой крыши, крон деревьев и прогалин.

Внезапно двойное жемчужное ожерелье опоясало город посередине и разлилось на водной глади Куры. Затем лампочки стали зажигаться повсюду, то прямыми, то петляющими или кругообразными гирляндами, появились мосты площади, улицы... и все это мигало отблесками разноцветных неоновых вывесок.

А далеко вдали, как празднично освещенная елка, светился разбросанными в беспорядке лампочками склон противоположной горы.

— Как красиво! — поделилась своими впечатлениями Эка с Гурамом, но он занялся подошедшим кельнером.

— Значит, так, закуски, зелень, шашлык... — диктовал кельнеру Гурам.

— Я хотела бы рыбу.

— Ну конечно... еще осетрину на вертеле!

— А что будете пить? — оценивающим взглядом окинул Эку кельнер. —

Вино, коньяк, шампанское...

— Шампанское, полусухое. Извини, может, ты хочешь коньяк, Гурам?

— О, нет. А почему ты куришь перед едой?

— Сегодня я в хорошем настроении и хочу развлечься.

К сожалению, развлечения не получилось, несмотря на вкусную еду. Разговор у них как-то не клеился, а вдобавок ко всему сидящая за соседним столиком компания очень шумела.

В этом многоголосом, полным развлекающихся людей месте Эка почувствовала себя удивительно одинокой. Гурам и все окружающие казались ей где-то очень далеко со своими мелкими, ничего не значащими заботами о выборе меню, торжественными тостами или пенем, а сосредоточенно шмыгающие от столиков на кухню и обратно кельнеры и кельнерши вызывали у нее чувство жалостливого раздражения.

«Как все в жизни до глупости просто и примитивно... — думала она, стараясь отыскать в глубинах памяти что-то, что можно было бы противопоставить всему этому... и не находила. — Неужели я так же безразлична и пуста, как все эти?...»

На востоке далекая, утопающая в ночном тумане вершина горы в одном месте стала светлеть, потом в серебряном ореоле появился край луны, а затем и вся она, неправдоподобно большая и бледная.

Посветлели обращенные на восток вершины гор, еще темнее и глубже стали овраги и низины, и серебряной лентой заблестела Кура.

— Посмотри, как красива полная луна!.. — обратилась восхищенная Эка к Гураму.

— Да... по ней уже ходили люди, — ответил прагматик Гурам.

Компания за соседним столиком затянула песню. К сожалению, обладающий очень сильным голосом запевала совершенно не обладал слухом и из-за этого старался вовсю.

— Господи, никогда нельзя по-человечески поужинать?! — возмутился Гурам.

— Почему, меня это забавляет! — только из чувства противоречия сказала Эка.

Когда теноровая партия запевалы перешла в вопли, подошел метрдотель и сказал им, что петь в ресторане запрещено.

Новоявленный Карузо сперва протестовал, потом обиженно вытащил толстую пачку денег, чтоб расплатиться. Метрдотель подозвал кельнера.

— Уф, слава богу!.. — вздохнула Эка, забыв, что не так давно ее это забавляло.

За освободившийся столик сразу уселись двое элегантно одетых молодых людей и жестами стали подзывать еще кого-то.

Эка машинально повернулась и посмотрела. Это был Гиви. Не заметив ее, он прошел и сел.

Теперь Эка могла сравнить сидящих против нее в каком-то метре друг от друга обоих мужчин.

— Тебе надо чаще пить шампанское, ты вся разругалась... и тебе это очень идет!

— Спасибо за комплимент. Но я думала, что этот период в наших взаимоотношениях уже прошел...

— Он никогда не пройдет... — Гурам положил на ее руку свою.

Эка молниеносно одернула руку, Гиви поворачивал голову в ее сторону.

— Что с тобой?..

— Ничего... — не отводя глаз от Гиви, ответила она.

Потом их взгляды встретились, и Эка улыбнулась ему... но не получила ответа и заметила, как постепенно стала сходить краска с лица Гиви.

— Ты, кажется, уже пьяна, деточка..
— Очень прошу, никогда не называй меня «деточкой»!..
Гиви уже не смотрел в ее сторону.
— Пожадуйста!.. Я не знал, что это тебе не нравится..
Эка не ответила, смотря куда-то мимо Гурама.
Затем, чтоб развеселить Эку, Гурам начал рассказывать какую-то смешную историю, сам много смеялся, чистосердечно удивляясь, почему Эка ни разу даже не улыбнулась.

— Боже праведный, я тебя обидел чем-нибудь?
— Да нет!
— Может быть, тебе плохо?.. Тогда поедем домой.
— Мне очень хорошо.

Но это была неправда. Гиви ни разу не посмотрел в ее сторону. Он что-то говорил своим товарищам, а те не соглашались с ним. Потом Гиви встал и с окаменелым лицом направился к выходу.

— Правда, что у него тетя нездорова? — спросил один из оставшихся у другого.

— И он только сейчас об этом вспомнил?! Нет, он просто очень неумело соврал.

— Для того чтоб умело врать, нужна практика, а он..
Тонкий слух Эки не потерял ни одного слова из этого диалога.
— Я хочу еще шампанского!.. — сказала она Гураму.
— Пожадуйста!.. Только лично я больше пить не буду. Я правлю машиной, а автосинспекторы..
— Не люблю мужчин, которые всего боятся!..

* * *

Гиви проснулся от крика продавца яиц. Старик с деревянной ногой был одним из самых ранних уличных продавцов.

— Яйцеби!.. Яйцеби!.. — кричал он каждый раз под их окнами, с тех пор как тетя имела неосторожность купить у него яйца.

Раньше это склоняемое по-грузински русское слово смешило Гиви, но с годами все приедается, а потом даже и раздражает.

Закурив, Гиви стал думать о происшествии вчера на фуникулере. После их телефонного разговора она не имела права так вызывающе улыбаться ему!.. «Да, она была очень красива... и знает и пользуется этим... и почему я не могу выкинуть из головы эту избалованную куклу?».

Дверь тихонько приоткрылась. Прищурив глаза, тетя Нина присматривалась, спит он или нет.

— Что-нибудь надо?
— Ты не спишь, Гиви?
— Нет.
— Я иду на базар... — она вошла и, придвинув стул, села. — Ты утром никуда не идешь?
— Меня вызывали в Министерство здравоохранения, но могу пойти и позже. А что?
— Ничего... Завтрак на столе, только отдельно подогрей молоко и отдельно кофе.

— Хорошо. — Гиви догадался, что тетя хотела поговорить с ним и не решалась.

— Гиви....
— Знаю, отдельно подогреть.
— Гиви, ты же знаешь, что для Георгия и меня... дороже тебя..
— Конечно, знаю!.. — перебил он ее с надеждой, что еще сможет уклониться от этого разговора. — А на базаре так рано ничего не будет. Лучше пойди немного попозже...

— Таким, как вчера вечером, мы тебя никогда не видели... Скажи, что произошло?

— Со мной? Абсолютно ничего!..
— Я всю ночь не спала... Ну поделись со мной, мой мальчик, что случилось?..

— У меня ужасно болела голова!.. Мне казалось, что она лопнет.
— Голова?.. — в ее больших, полных тревоги глазах сквозило недоверие..
— Да, да!.. У меня несколько раз бывало так в Африке..
— Ну хорошо, я пошла в Африку... то есть на базар.
Тетя встала и ушла, немного обиженная и очень грустная.

В десять часов Гиви был уже в министерстве. Секретарша сказала ему, чтоб он прошел к начальнику отдела кадров.

— Поздравляю с возвращением на родину! — начальник отдела кадров вышел из-за стола и пожал ему руку. — Я должен поблагодарить вас за то, что вы достойно поддержали честь нашей республики... и медицины в целом!.. Вот благодарственная аттестация министра здравоохранения Алжирской Народной Республики.

Гиви взял бумагу и, сложив, положил в карман, решив просмотреть ее дома.

— Это, наверное, вообще так полагается, — сказал он.

Начальник отдела кадров исподлобья смотрел на Гиви, стараясь определить, не наигранная ли его скромность, так некстати снизившая всю торжественность обстановки.

— Так, а теперь о главном, — с деловитой сухостью сказал он.

— Я вас слушаю.

— Как я знаю, вы до отъезда специализировались на операциях в грудной полости и ваша диссертация была на эту тему.

— Да, но в Алжире я занимался общей хирургией. А тема моей диссертации была по топографической анатомии.

— Понятно, хирургу сегодня нужны глубокие теоретические знания. Так вот, на коллегии министерства было решено послать вас...

— Подождите... — перебил его Гиви, — ведь по закону за мной сохраняется мое старое место!

— Разумеется!.. Но позвольте мне закончить. Принимая во внимание ваши, — начальник отдела кадров многозначительно приподнял пашку с его делом, — заслуги и данные... министерство хочет послать вас в клинику, которой руководит профессор Шалва Михайлович Муджири.

— Муджири?

— Предполагается, начальником отделения. Там сейчас ведется очень серьезная и ответственная научная работа. Лично профессор Муджири ничего не имеет против вашей кандидатуры.

«Отец Эки... Господи, неужели мир так мал, что она, так незаслуженно оскорбившая его, будет постоянно...»

— Я думаю, что лучшего и пожелать нельзя! — продолжал начальник отдела кадров. — Разумеется, вы можете отказаться и попросить у министра что-нибудь другое.

— Я согласен. А когда я должен начать?

— Хотите завтра. Профессор Муджири с первого же дня, как стал заведовать клиникой, постарался избавиться от некоторых не устраивающих его врачей.

— Как это так — «избавился»?..

— Он это поставил условием. А нам-то каково было?.. Но мы постарались сделать это более или менее этично.

— Да, понимаю.

— Он делает ставку на молодых, и я где-то считаю это правильным...

Гиви ушел, не зная, доволен он или нет, хотя для дела, всего дела его жизни, это был серьезный шаг вперед.

Когда Гиви пришел домой, тетя сказала ему, что два раза звонила какая-то женщина и она позвонит еще.

— Какая женщина?

— Она мне говорила «тетя Нина», но я не узнала ее и постеснялась спросить. — Кажется, это твоя школьная подруга, которая вышла замуж за художника.

— Манана Цискаришвили?

— Да, да, она!

Через полчаса позвонили, это была Манана.

— Алло!... Алло, Гиви?

— Да, это я. Здравствуй, Манана. Ты мне звонила?

— Да. Как тебе не стыдно, сколько времени, как приехал, и ни разу не зашел ко мне?!

— Но я же видел тебя...

— На улице. А моих дочек не видел. За два года, ты знаешь, какие они стали большие!.. Сегодня к семи часам приходи на ужин!

— Манана, дорогая... чикак не могу! Завтра я начинаю работать на новом месте, и у меня столько дел...

— Гиви, очень прошу тебя! Иначе я кровно обижусь!..

И Гиви пришлось согласиться...

Поехав в «Детский мир», Гиви купил две одинаковые куклы для девочек-близнецов, Ниночки и Тиночки.

Манана жила в Сабуртало, в небольшом коттедже, весь второй этаж которого занимало обращенное витражом на север ателье художника.

— Наконец-то приехал!.. — поверх шелкового, отороченного кружевами платья на ней был передник.

— А где девочки? — желая поскорее избавиться от двух громадных коробок с куклами, спросил Гиви.

— Они с отцом пошли к дедушке и бабушке. Заходи, заходи!.. Положи это сюда.

В гостиной стол был накрыт на три персоны, а в дальнем углу вокруг ломберного столика стояли вольтерьянские кресла, и из-за одного из них подымался, извиваясь и расплываясь в воздухе, дымок сигареты.

— Познакомьтесь!.. — подвела его туда Манана. — Ой, на кухне что-то горит!

Манана убежала на кухню, а Гиви стоял перед виновато улыбающейся Экой, не знающей, протянуть ему руку или нет.

Все это было подстроено и довольно наивно. Лицо Гиви, видно, явно выразило эту мысль, потому что Эка покраснела и опустила голову.

— Да, все это подстроено... — глухо сказала она, рассматривая свою сигарету. — Я все рассказала Манане, и она...

— Зачем?.. Для чего?! — Гиви опустился в кресло рядом с ней, не отрывая взгляда от ее лица.

На точеном носике виднелись едва заметные очаровательные веснушки, которые под глазами прикрывали полукруги опущенных длинных ресниц, пухлые, прекрасно очерченные губы, безупречный овал лица... «Господи, какая она красивая», — подумал Гиви.

— Вчера на фуникулере я по-настоящему поняла, как вас обидела. Прости-те меня, Гиви!

Теперь большие изумрудно-синие глаза смотрели на него... и он чувствовал, как что-то очень теплое и радостное заполняет его сердце вместо лежащего тяжелым камнем оскорбленного мужского самолюбия.

— Да нет, что вы! Я сам виноват... стал рассказывать, что сидел в тюрьме...

— Манана мне все рассказала. Я только еще больше уважаю вас за это!.. — ее взгляд бежал по его лицу с гордой, почти материнской любовью.

— Да нет... что вы!.. — совсем растерялся Гиви.

— Значит... вы больше не обижены на меня, Гиви?.. — она протянула ему руку.

Он взял ее маленькую руку и держал в своей, ничего не говоря.

Внезапно он понял, что не уступит ее никому на свете. Ведь это для нее он жил, учился, работал... Все, что было до этого в его жизни, было для нее!..

Появившаяся в дверях Манана хотела что-то сказать, но затем повернулась и снова исчезла. Эка и Гиви даже не заметили ее.

— Не знаю... как это объяснить... — наконец переборол себя Гиви, — но я очень переживал. Где-то было и самолюбие... но... ведь любовь с первого взгляда невозможна...

Он высвободил ее руку, но она не сразу оттянула ее.

— Почему «с первого взгляда»?.. Ведь было столько общего во взглядах на искусство!.. А потом этот троглодит с ножом, который чуть не убил вас!.. — почувствовав, что она чуть ли не объясняется ему в любви, Эка покраснела и смолкла.

К счастью, вошла Манана.

— Дети, к столу!.. Да, сперва идите мыть руки!..

Когда Эка вернулась, пошел Гиви.

— Ух ты... старая сводница!.. — сказал он ожидающей со свежим полотенцем Манане. А когда та с удивлением посмотрела на него, нагнулся и нежно поцеловал ее в щеку. — Ты не знаешь, что ты для меня сделала!..

Такие излияния чувств не были в характере Гиви, и Манана оценила все это по достоинству.

— Вот я скажу Зурабу, что ты меня поцеловал!.. — шутливо пригрозила она.

— Подумаешь, испугался!.. Сегодня я властелин мира!.. Ну и, конечно, сильнее твоего Зураба...

— Неправда! Мой Зураб самый сильный, самый красивый и самый умный на свете!.. А таких детей, как у меня, нет во всей солнечной системе!..

— Это да! — согласился Гиви.

Во время ужина гости понемногу разошлись. Гиви был в ударе, много шутил. Эка слушала, как завороченная, не сводя с него глаз.

К десяти часам пришел Зураб с девочками. Шестилетние, круглолицые девчушки хотели спать и были в плохом настроении. Они были так похожи друг на друга, что отличить их можно было только по родинкам. У Тины они были на левой щеке, а у Нины на правой.

— Ниночка, Тиночка... здравствуйте!..

Но они, не ответив Гиви, побежали здороваться с Экой.

— Два года для них целая вечность... — извинялся за дочек Зураб, а потом с плохо скрытой улыбкой спросил: — А твои дела как, Гиви?

— Ничего... — Гиви догадался, что он в курсе всего.

Подождала Эка в обнимку с девочками, а затем Манана, которая налетела на мужа:

— Я тебе сказала приехать в девять, а сейчас сколько?.. Пока они лягут спать, будет одиннадцать.

— Это моя вина, извините!.. — сказала Эка.

— Ну при чем тут вы?.. По телевизору был бокс, и пока он не кончился, я не смог уйти... — сказал Зураб.

— Бокс — это ужасный спорт! — сказала Тина.

— Не повторяй, пожалуйста, бабушкины слова! — безапелляционно сказала Нина, и все засмеялись.

Поддержанная старшими, Нина довольно улыбалась, а обиженная Тина упорно смотрела на отца.

— А почему Нине можно говорить папины слова, а мне бабушкины нельзя? — спросила она.

Манана с укоризной посмотрела на профана в педагогике, мужа.

— Да, я вам что-то принес, девочки!.. — вывел Зураба из неловкого положения Гиви.

Обеим девочкам понравилась кукла с черными волосами, и они поссорились.

— Подождите... — чистосердечно удивился Гиви, — а почему вам не нравится кукла с волосами, как у тети Эки?..

Тогда обе девочки захотели куклу шатенку, и дело дошло до слез.

Манане пришлось отнять у девочек куклы и насильно потащить их спать. Воспользовавшись этим, Эка и Гиви распрощались и ушли.

Гиви вел машину очень медленно, но через несколько минут они были у ее дома.

— Я в жизни так не уставала, как сегодня... — уже у лифта сказала Эка. — Позвоните мне, если не забыли мой номер телефона.

— Вы же сами меня просили все забыть, — пошутил Гиви.

— Тогда я сама вам позвоню. Вы же не злопамятный, не будете мстить?..

— О, нет! Я не враг сам себе..

— До свидания...

Продолжение следует

...И В БЕДЕ, И В РАДОСТИ

«Победа Октября ознаменовала исторический поворот в судьбах народов нашей страны...

Крепки и монолитны братская дружба и единство всех наций и народностей, составляющих великий и могучий Союз Советских Социалистических Республик. Его образование и успешное развитие являются триумфом ленинской национальной политики КПСС, ярким свидетельством ее подлинно интернационалистического характера, великим завоеванием социализма».

Из постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

В САМОМ НАЧАЛЕ проспекта Руставели есть здание — жемчужина центра столицы — уютно простое, теплое и гостеприимное. Это хранилище материальных памятников истории Грузии, неприкосновенный сейф документов, которые многоотрадальный народ пронес сквозь века. И так естественно, что летопись, свидетельствующая о духовном богатстве грузинского народа, об изначально присутствующем ему могучем и добром таланте дружбы, всегда помогавшем выстоять, начинается именно отсюда. На правом крыле этого здания появилась лаконичная надпись: «Музей дружбы народов».

Разумеется, на небольшой площади, отведенной сегодня под музей, не вместить всех документов этой огромной летописи. Полностью она развернется где-то в другом месте. Но на ее титульном листе навсегда, чтоб знало и помнило потомство, останется первый адрес — проспект Руставели № 3.

Музей дружбы основан во имя утверждения и отражения высоких идей

человеческой гуманности и благородства — специальным постановлением ЦК КП Грузии и Совета Министров республики в июле 1973 года. Создан он при Академии наук Грузинской ССР, сутью своей приравнен к научно-исследовательским учреждениям.

В основном молодежный коллектив музея с чувством ответственности, с огромным энтузиазмом, увлеченно и любовно взялся за дело. С подлинно научно-исследовательской целеустремленностью ищут они документы, свидетельствующие о дружбе и братстве между народами во всех областях жизни, будь то промышленность, сельское хозяйство, строительство или наука, литература, искусство, были ли они проявлены в мирное время или в годы великих испытаний. Это трудное, очень трудное дело. Истоки взаимоотношений людей, связанных узами дружбы, то теряются в дебрях истории, то сбываются на стыке столетий — и обнаружить их порой бывает нелегко. Но следопыты музея, преодолевая трудности, упорно ищут и нередко находят подсказанные интуицией исследователя стертые следы, стремясь как можно полнее отобразить ту или иную страницу летописи дружбы народов.

По решению ученого совета музея, состоящего из ученых и специалистов всех отраслей, в первый период своего существования музей развернул

экспозицию, посвященную дружбе народов Советского Союза. На втором этапе экспозиция расширится показом дружбы советского народа с народами социалистических стран. Третий же этап завершится показом взаимоотношений советского народа с народами капиталистических стран, сотрудничества и дружбы представителей науки, культуры, искусства всех стран мира.

Музей уже располагает огромным количеством интересного материала: документами, муляжами, фотографиями, фонозаписями, личными архивами, оригиналами и копиями переписки, созданными в разное время и на разных языках статьями о Грузии и статьями, написанными на грузинском языке о труде и творчестве других народов. Можно смело сказать, что в рекордно короткий срок коллектив музея сумел полностью укомплектовать и систематизировать материал, отражающий дружбу народов Советского Союза, но, поскольку площадь музея не позволяет полностью развернуть экспозицию, ученый Совет постановил в первую очередь показать материалы, посвященные нерушимому единству советского народа в годы Великой Отечественной войны.

И в день 30-летия Победы над фашизмом, 9 мая 1975 года, двери музея открылись для первых посетителей.

Наверно, в жизни каждого человека есть минута, час или день, которые остаются с ним навсегда. Скоро музей перейдет в новое помещение, и полная экспозиция на общепонятном языке дружбы расскажет о взаимоотношениях миролюбивого советского народа с народами всех континентов. И это будет прекрасный, волнительный день. Но тот первый день открытия музея, день 9 мая 1975 года, никогда не сотрется ни в памяти его первых посетителей, ни «хозяев», предложивших нашему вниманию собранные их усилиями замечательные реликвии.

Экспозиции в выставочном зале предварены слова:

Верный друг, спеша на помощь, не дрожит перед напастью,

Посвятит он сердце сердцу, ведь любовь — дорога к счастью.

Эти слова Руставели необычайно точно объясняют духовное состояние миллионов людей, в едином порыве строящих свою молодую социалистическую Родину и как один встающих на ее защиту в дни великого испытания.

Эти слова делают понятной и близкой высшую силу чувства, заставившего многонациональный советский народ единым духом выпалить в тот грозный час:

— Все для фронта!

— Все для победы!

Но прежде я хочу рассказать об огромном количестве материала из фондов музея, пока еще не отраженного на стендах и ожидающих своего места в новых просторных залах будущего музея. Речь идет об экспонатах, рассказывающих о взаимной помощи братских республик в разрешении программных проблем в развитии народного хозяйства Советского социалистического государства. Собранный отделом промышленности и сельского хозяйства музея материал 20—30-х годов отмечен романтическим пафосом тех лет и особенно привлекателен тем, что непосредственные участники тех великих преобразований — наши современники, и сегодня они с нами — те, кто с юности своими руками закладывали фундамент нашего сегодняшнего дня.

Здесь у каждого экспоната — своя история, своя судьба... Аттестаты, дипломы, приказы, грамоты, награды, памятные подарки, фотографии, письма, предметы личного пользования воспроизводят героический дух строительства и строителей новой жизни. Растущая промышленность Грузии нуждалась в собственных квалифицированных технических кадрах, и в самом начале 20-х годов в различные края нашей страны, главным образом в высшие учебные заведения России и Украины, техникумы, рабфаки, спецкурсы посылались на учебу молодежь. Часть обучалась в отраслевых институтах, которые постепенно рождались в самой Грузии и где поначалу лекции читали известные специалисты, приглашенные из России и Украины. Закончившие курсы молодые специалисты уже в 20-е годы возглавляли руководство молодой промышленностью республик, они создавали новую, отечественную технику и уже сами помогали другим республикам в подготовке кадров для развития различных отраслей промышленности.

...Инженер Спиридон Чомахидзе. Уже в 1925 году сконструированные под его руководством и изготовленные серийно на Тбилисском заводе имени 26 комиссаров шелкмотальные стани и чаны посылались в Туркмению, где в то время интенсивно развивалось шелковое производство. И вот документ: по решению Всесоюзной правительственной комиссии Тбилисский завод имени 26 комиссаров обязуют обеспечить этими машинами все существующие в стране придельные комбинаты. Машины, отправленные в братские республики, сопро-

вождали грузинские специалисты, на месте монтировали их и вводили в эксплуатацию.

Александр Мачарадзе, окончив Кутаисский индустриальный техникум для повышения квалификации отправился в Москву, на завод «Госзнак». В 1931 году молодого специалиста оттуда же командировали в Азербайджан руководить монтажом Нухинского шелкового комбината.

Молодая социалистическая республика Грузия с первых же дней включилась в головокружительный темп народного строительства и преобразования страны. Мощным рычагом возрождения отсталой промышленности и сельского хозяйства республики явилось использование ее водных ресурсов. Инициатором этого дела стал Виссарион Чичинадзе. В первые годы после окончания Петербургского гидротехнического института ему приходилось работать на различных стройках. В полную меру его знания, опыт проектирования и строительства, блестящий талант ученого проявились в осуществлении ленинского плана ГОЭЛРО. В соответствии с этим планом 10 сентября 1922 года был заложен фундамент строительства Земо-Авчальской ГЭС. Фото материалы того исторического дня рассказывают: на закладке строительства будущей ГЭС присутствовали тысячи рабочих из Тбилиси, других городов и районов, что свидетельствовало о высоком уровне идейно-политического сознания грузинского пролетариата.

Автор проекта ЗАГЭСа и начальник строительства В. Чичинадзе превратил строительство в кузницу, где ковались кадры инженеров, техников и рабочих — бетонщиков, бурильщиков, слесарей, взрывников и других. Здесь зарождался квалифицированный состав коллектива, столь необходимый республике.

Запроектированный своими, советскими специалистами, построенный руками своих рабочих и на 90 процентов оснащенный собственными, советскими электромеханическими установками, первенец социалистической индустрии Грузии — ЗАГЭС торжественно дал дорогу электрическому току 26 июня 1927 года. Это была победа всего рабочего класса, всего советского народа, ибо это была первая в Грузии и вторая в Советском Союзе гидроэлектростанция, построенная по плану ГОЭЛРО. Строительство это было практически выражением ленинской национальной политики, поэтому-то ей было присвоено имя великого Ленина. И сегодня, проезжая мимо ЗАГЭСа, невозможно без волнения и гордости смотреть на органично вписанный в пейзаж памятник Ленину — тоже один из первых в Советском Союзе.

В. Чичинадзе, строя ЗАГЭС, одновременно руководил и строительством Абашской ГЭС, следил за строительством Аджарской, Алазанской ГЭС, Севанского каскада в Армении. Исполняя одновременно множество сложных и ответственных должностей, он в своих перспективных планах всегда предусматривал необходимые для развития экономики всего Закавказья вопросы. На страницах прессы он широко освещал вопросы гидроэнергетики молодого Советского государства, горячо защищал преимущества арочных плотин на строительстве ГЭС в горных республиках. Он был одним из инициаторов создания в Тбилиси политехнического института, автором учебников, которые и сегодня не потеряли своей актуальности. Неотценима его заслуга в создании грузинской технической терминологии. В подготовке же строительства второй мощной электростанции в Грузии — РионГЭСа, ее технической документации, проектировании и организации дела В. Чичинадзе принадлежало решающее слово. За особые заслуги в развитии электрификации ему, одному из первых в Советском Союзе, было присвоено звание Героя Труда, дважды он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1931 году его, без прохождения кандидатского стажа, приняли в ряды Коммунистической партии. Благодарный грузинский народ воздвиг на территории ЗАГЭСа памятник основоположнику гидростроительства в Грузии и присвоил Ладжанурской ГЭС, первой ГЭС в Советском Союзе, построенной с использованием арочной плотины, имя Виссариона Чичинадзе.

На третий день после пуска ЗАГЭСа, 28 июня 1927 года было начато строительство РионГЭСа. К этому времени был утвержден план первой пятилетки. На стройке рождались ударные группы, бригады. Коммунисты и комсомольцы возглавляли социалистическое соревнование между рабочими, бригадами, строительными участками и строителями братских республик. В ответ на призыв Тульского механического завода на строительстве РионГЭСа развернулась борьба за экономию строительного материала и сырья, за трудовую дисциплину, профессиональное мастерство. И всюду рядом с рабочими находился заместитель начальника строительства Владимир Джигия. Он закончил в Петрограде сначала физико-математический факультет, затем артиллерийское училище. Член большевистской партии с 1917 года, в грозные Октябрьские дни и в годы гражданской войны участник боев против белогвардейцев и интервентов и участник героической защиты Петрограда, он был награжден орденом Ленина и почетными грамотами. На работе он был взыскателен и строг, но никогда

не забывал об улучшении условий труда и быта рабочих, своим неутолимимым энтузиазмом вдохновлял других на героический труд.

13 июля 1933 года Риони изменила русло и залила окрестности сияющей электрических звезд.

Грузинские электрики продолжали строительство ГЭС в Закавказье. Одна за другой становились в строй ТкибулиГЭС, ХрамГЭС-I и Храм-ГЭС-II, Аджар-ГЭС, ДзораГЭС, ЛаджанурГЭС, МингечаурГЭС, Севанский каскад. Подходит к концу строительство Вардизской ГЭС, и строится ГЭС на Ингури... И каждая новая электростанция — новый шаг к социализму. Каждая новая электростанция — капилляр, связывающий строителей дальних и близких строек в братских республиках. Особенно велика в этом роль треста «Кавказэлектросеть-строй». Функция треста — электрификация Кавказа и южных районов России и включение их в общую энергосистему. В Советском Союзе это единственный специализированный трест — строитель высокогорных передаточных линий. С использованием новейшей техники были построены высоковольтные линии: Мингечаури — Тбилиси, Акстафа—Ереван, Рустави — Зестафони, Сочи—Терская. В особенно сложных условиях проводятся линии и строятся подстанции Буршти—Мукачево, Чирюрт—Махачкала—Дербент. Об этой трудной, напряженной, связанной с риском, интересной работе рассказывают многочисленные материалы музея.

Диаграммы дают ясное представление о постепенно нарастающей мощи энергосистемы Грузии, об общем количестве киловатт и киловатт-часов, предусмотренных планом к концу десятой пятилетки.

1932 год. Начинается строительство Московского метрополитена. Почти из всех республик шли к Москве эшелоны со строительным материалом, приглашены лучшие специалисты.

Перед нами галерея пионеров строителей метро. Почетное место в ней занимает Илья Гоциридзе. Закончив Московский инженерно-транспортный институт, молодой специалист своим первейшим долгом счел участие в этом значительном для страны строительстве. Начал работать прорабом, но вскоре знания, организаторский талант, самоотверженный труд привели его на пост начальника метростроя. Лауреат Государственной премии, награжденный орденами, медалями, почетными грамотами, благодарностями, во время войны генерал-полковник технических войск, а после войны первый заместитель министра всесоюзного транспортного машиностроения — таков славный путь коммуниста И. Гоциридзе, скончавшегося в 1967 г.

Брат Ильи — Виктор Гоциридзе по комсомольской путевке был направлен на учебу в Москву. Еще студентом начал он работать на строительстве станции метро «Киевская».

Николоз Эсакия. После окончания Тбилисского политехнического института для повышения квалификации тоже был направлен в Москву. В 1932 году начал работать на строительстве метро. Был главным инженером на разных участках. Во время войны руководил в Москве строительством оборонительных сооружений, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, он сегодня главный консультант Тбилисского метростроя.

Вот большая группа других пионеров строительства Московского метрополитена: братья Шалва и Владимир Нижарадзе, Шалва Дanelия, О. Канделак, Г. Урушадзе, К. Дидебулидзе, И. Сарджиwеладзе, Д. Брелидзе, В. Шерwашидзе, В. Бокерия и много других наших соотечественников. На строительстве Московского метрополитена они в течение десятков лет воспитывали для Родины высококвалифицированных специалистов.

С новых страниц перед посетителями предстанут герои первых пятилеток, имена которых вписаны в историю социалистического строительства.

Нарастает темп и первая пятилетка. Во многих отраслях народного хозяйства пятилетний план выполняется в четыре, в три, а то и в два с половиной года. Ударным темпом, в рекордно короткий срок построен и стал выдавать продукцию один из мощных объектов тяжелой промышленности Грузии — Зестафонский завод ферросплавов. Он создан по инициативе известного ученого, инженера-металлурга Георгия Николадзе и при активной поддержке бывшего в то время председателем проектного бюро ферромарганцевого завода Высшего Совета Грузинского народного хозяйства Виссарiona Чичинадзе. В первую же пятилетку специалисты-металлурги, достигшие высшего мастерства на своем заводе, для консультации посылались на заводы братских республик, где шло производство химических сплавов.

31 августа 1935 года молниеносно разнеслась по всей стране весть о том, что в Донбассе шахтер Алексей Стаханов за шесть часов вместо утвержденных нормой шести тонн угля добыл 102 тонны каменного угля и установил мирской рекорд. У Стаханова тотчас появились многочисленные последователи. В стахановское движение включились трудящиеся всех отраслей народного

хозяйства. Значительно возросла производительность труда. Это было эпохальное явление — разрушение устаревших норм и всеобщее стремление к техническому прогрессу.

Стахановское движение развернулось и по всей Грузии.

Пригол Горгидзе. Уже 9 сентября шахтер ткибульской шахты вместо 9 тонн угля добыл 70 тонн, дневной план выполнил на 800 процентов. В том же месяце вся его бригада стала стахановской. Возросшая производительность труда значительно улучшила экономическое положение рабочих. Месячный заработок от двухсот поднялся до 1900 рублей (в старом исчислении). На производствах республики и на плантациях первые новаторы повели за собой коллективы к новым трудовым достижениям.

Имена, лица, судьбы...

На одной из чхатарских шахт горняк Василий Самхарадзе дневной план выполнил на 561 процент.

Отличился шахтер тварчельской угольной шахты комсомолец Николоз Хунтуа, прошедший школу мастерства на шахтах Донбасса.

Хелвачаурец Мамед Пагава, освоивший в Ваку сложную технологию нефтепереработки, принес славу своему коллективу на Батумском нефтеперерабатывающем заводе.

Добился славы также плавильщик Зестафонского ферросплавного завода Владимир Саладзе, в дальнейшем — руководитель авиационного завода.

Прядильщик Тбилисской суконной фабрики Георгий Хуцишвили, овладевший профессией в России на Шелковской текстильной фабрике, весь свой коллектив зажег энтузиазмом работы по новым нормам.

Добился успехов в работе токарь Тбилисского машиностроительного завода имени 26 комиссаров Мирдат Акопов.

Далеко за пределами республики прославились ткачиха Тбилисской шелкоткацкой фабрики Этер Мазанашвили и вязальщица Тамар Биркадзе — впоследствии заместитель министра легкой промышленности Грузинской ССР.

Кузнец Тбилисского паровозо-вагоноремонтного завода Давид Чичинадзе за одну смену вместо установленных нормой двух брусев выковал восемь, следуя его примеру, на заводе через месяц по-стахановски работало уже около ста человек. Вновь введенная прогрессивно-премиальная система еще более повысила экономическое положение рабочих.

Кузнец того же завода Константин Илуридзе возглавил в годы войны успешный выпуск главных частей для «катюш», за что получил звание Героя Социалистического Труда.

Звание Героя Социалистического Труда было присвоено и новаторам-машинистам железнодорожного транспорта, возглавившим скоростное движение, Андрею Цислаури и Шалве Кохреидзе.

Стахановцы появились на чайных и свекольных плантациях. На кукурузных полях, на животноводческих фермах.

Колхозник Алахадзевского совхоза Гагрского района Бостанджян вместо 18 ниток табака нанизал 75. Его последовательница, работающая на лагодехской табачной плантации Тося Ломидзе победила в социалистическом соревновании и удостоилась звания Героя Социалистического Труда.

Новые технические нормы труда твердо вошли в сознание трудящихся, в их жизнь и быт.

Особенно хочется остановиться на одном волнующем и значительном «открытии» Музея дружбы народов.

В историю нашей страны золотыми буквами вписано множество гигантских строек, геологических открытий, великих преобразований, и среди них сложностью, масштабностью, значимостью первейшее место занимают изыскания и освоение бесчисленных богатств Дальнего Востока и Крайнего Севера. Развитие еще в недалеком прошлом крайне отсталой окраины страны до уровня передовых республик и создание там «валютного цеха» государства требовало от советских людей крайнего напряжения физических и моральных сил, нередко и жертв.

Освоение тех далеких районов, начатое в тридцатые годы, продолжается по сей день. Среди первопроходчиков, первых геологов-исследователей, первых строителей немало наших соотечественников. Этим «открытием» музей обязан Борису Чукатели — человеку, который 32 года бесценно стоял на трудовой вахте на Крайнем Севере, ныне председателю Организационного комитета ветеранов Крайнего Севера и Дальнего Востока.

В тридцатые годы выпускники различных технических вузов страны по распределению или же по комсомольским путевкам уезжали на Север Родины. Посланные Грузии, прибыв в край вечной мерзлоты, в непривычно суровых для них климатических условиях селились в палатках и с романтической одержимостью отважно приступали к освоению открытого для себя нового мира.

Поначалу всем приходилось трудно, но не было случая, чтоб кто-либо проявил слабость, отступил, убежал от трудностей. Постепенно привыкали и проникали в тайны белого безмолвия. Обжили «край света», где прежде не ступала нога человека. Привыкли и к пятидесятиградусному морозу (при более низкой температуре были запрещены геологические поиски и наружные строительные работы), к полдрным ночам, и к концентратам, и к замороженной картошке, луку, чесноку. И к тому, что письма из дому приходят редко — тогда навигация с декабря по май была закрыта. Я говорю в первую очередь об их личных качествах потому, что, возможно, именно эти качества помогли им выстоять. Они любили петь и танцевать, они умудрялись из замороженных продуктов готовить вкусные обеды. Любили охотиться и рыбачить, любили смех и шутку. И обладали талантом дружбы. Вокруг них мгновенно образовалась интернациональная семья. Русский и украинец, осетин и армянин, белорус и эстонец — все легко усваивали грузинские традиции, обычаи, грузинские песни и даже мастерство тамады. Но главным было то, что их личные качества сочетались с их деловыми качествами. Технически грамотные, одержимые жаждой познания и открытий, неутомимые в труде, они пользовались всеобщей любовью, быстро мужали, достигали мастерства в своей специальности и скоро сами руководили сложнейшими участками работ. Имена многих грузин — геологов, инженеров, строителей, моряков, летчиков, связистов, врачей стали известными на огромной территории того далекого края, многие из них заслужили высокие правительственные награды и почетные звания. Имена многих из них были присвоены населенным пунктам, институтам, улицам, производствам, научным учреждениям.

...Невозможно даже просто перечислить имена всех наших прославленных соотечественников, работающих на Крайнем Севере и Дальнем Востоке, их много. Я назову лишь нескольких. Конрад Барнабович Маджеплидзе... Он закончил Московский горный институт и по распределению уехал на Крайний Север. Вскоре он стал главным инженером Горнорудного управления Якутии — Магадана. За развитие производства золота и алмаза ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, не раз он был награжден почетными грамотами. Сейчас он начальник одного из отделов «Главзолото» в Москве...

Шалва Георгиевич Надибаидзе, инициатор технической революции в рыбной промышленности Дальнего Востока, начальник «Дальрыбы», депутат Верховного Совета РСФСР. Он скончался в 1964 году и похоронен во Владивостоке. На Сахалине имя его присвоено рыбному комбинату, в Находке — рыбному заводу, во Владивостоке — одной из центральных улиц. Он воспитанник Тбилисского университета. Закончив экономический факультет, продолжал учебу в Ленинграде, отсюда был послан на Дальний Восток. Его жена и пятеро детей и сегодня живут во Владивостоке.

Рядом с Ш. Надибаидзе на владивостокском кладбище похоронен капитан дальнего плавания, известный на всем Дальнем Востоке своим мужеством Георгий Антадзе. Кавалер ордена Красного Знамени, он стал жертвой слепой случайности в 1967 году. Имя его присвоено океанскому лайнеру. Его семья — жена и двое детей тоже живут во Владивостоке.

Георгий Михайлович Чхеидзе — также капитан дальнего плавания, ныне председатель морского флота Советского Союза в Японии

Горный инженер А. Гомелаури, в прошлом директор алмазно-перерабатывающего комбината, ныне директор научно-исследовательского института.

В. Бучукури — главный врач Анадырского района.

И. Дзабидзе закончил Грузинский политехнический институт и по комсомольской путевке отправился на Север. Работает главным инженером на Магаданских приисках, почетный гражданин г. Омьяково.

Г. Пирвели — директор судоремонтного завода на Камчатке.

Г. Тавадзе — начальник стройуправления Курильских островов и Южного Сахалина.

А. Гугешавили — начальник приисков «Большевик».

А. Чанкветадзе — главный инженер магаданского управления «Вторчермета».

Б. Чкуасели — тридцать два года был начальником строительства и эксплуатации объектов связи на Колыме и Чукотке. Сейчас он пенсионер и живет в Тбилиси.

Список этот можно продолжать и продолжать... Ибо жизнь и дела этих людей, их моральная стойкость, материальные ценности, накопленные талантом братства и интернациональной дружбы, любовь к своему делу и примеры трудового героизма должны стать предметом гордости и подражания для всей нашей молодежи.

Не менее значителен материал о первостроителях Байкало-Амурской магистрали. Не многие из нас знают сегодня, что в начале в тридцатые годы гигантское строительство большой вклад внесла грузинская молодежь. Сравнится техническая оснащенность и условия быта сегодняшних строителей условиями тех первых лет строительства в материально еще не окрепшей стране, когда примитивной технике в безлюдной и суровой тайге приходилось помогать буквально руками и зубами.

Сандро Далакишвили окончил Московский горный институт в 1930 году и по распределению поехал строить будущую магистраль. Мужественно схватился комсомолец с неприветливой для пришельцев тайгой и одолел ее. Пролегла железная дорога от Тунгуски до той точки, где должен был родиться город — Комсомольск-на-Амуре, город, построенный славной молодежью Советской страны. Алекси Шаламберидзе, Г. Цискаришвили, Р. Берадзе, тбилисец Костя Ларионов, В. Кохреидзе, Ш. Канкава — имена их внесены в первую главу летописи строителей Байкало-Амурской магистрали. Их должен знать наш народ. Должен знать Самсона Кутателадзе — директора Института теплофизики Сибирского отделения Академии наук СССР. Под его руководством на гейзерах Камчатки были построены первые тепловые электростанции. Наш соотечественник, известный ученый продолжает разрабатывать значительные и интересные технические проблемы.

Невозможно описать всю экспозицию, посвященную Великой Отечественной войне, так же как невозможно описать все, что связано с участием грузинского народа в Великой Отечественной войне. А коротко об этом сообщает таблица:

Ушли на войну до 700 тысяч человек, в том числе 16 тысяч женщин (т. е. пятая часть грузин).

Из них 23 тысячи офицеров, 43 генералов и адмиралов.

Высокие правительственные награды получили 244.700 человек.

Звания Героя Советского Союза удостоены 148 человек.

На различных фронтах погибло 230 тысяч человек (т. е. каждый третий).

В этих «данных» слышится голос живого, как бы присутствующего в зале Галактиона:

**Земля моя родная,
Клянусь священным именем твоим,
Что отстою я братство народов,
Что клятву дружбы не нарушу.**

В этих «данных» — дыхание всех поэтов Грузии и каждого грузина. Здесь повесть о семистах тысячах рыцарей. Живых и мертвых. У каждого своя история. У Мирзы Геловани. У Форе Мосулишвили. У Тины Иосебидзе. У тысяч их сверстников, оставшихся в вечной неувядаемой юности.

У каждого своя судьба: и у генерал-лейтенанта В. Джанджгава, и у солдата К. Аробелидзе, и у медсестры Мананы Мchedлишвили, и у тысяч их сверстников — седых ветеранов войны. Живых связывает пройденный путь однополчан и кровью скрепленное братство. Погибших — вечный огонь, полевые цветы, стакан поминального вина и снова голос Галактиона:

**Слава рыцарям, павшим за народ,
Память о тех, кто погиб, кто пролил кровь,
Будет светиться вечным огнем.**

В тихих залах грохочет война. И свидетельствуют документы. Вокруг лица живых и погибших. Их личные вещи, награды, грамоты. Их одежда и написанные ими письма. Их любовь. Их стихи. Их жизнь, и смерть их. Здесь нет деталей большей или меньшей значимости, здесь все говорит о патриотизме, о преданности Родине, о любви. Здесь и смерть говорит об этом...

...Герой Советского Союза Владимир Канкава. Студент Тбилисского государственного университета. В 1941 году, в середине июня, сдал государственные экзамены, а 22 июня встал в ряды защитников Родины. На подступах к Кавказу жизнью своей преградил дорогу вражеским танкам.

...Под стеклом комсомольский билет с бурыми пятнами запекшейся крови. Билет рожденного в 1922 году Георгия Келептришвили. Дома для родных все еще «мальчишка Гогна» пал в предгорьях Кавказа.

...Восемнадцать раз встречал весну Васо Петриашвили из Болниси, а девятнадцатой весной грудью заслонил огнедышащую амбразуру вражеского дзота и телом своим укрыл от смертоносных очередей фашистского пулемета однополчан. Через 25 лет писатель Василий Ломсв из Калинина в архиве ди-

бизин, сражавшейся в окрестностях его родного города, обнаружил рапорт командира одной из рот, узнал из него о героическом подвиге паренька из Грузии и поехал в Болнисси, чтоб познакомиться с его родными. На обратном пути он зашел в Музей дружбы рассказать о своем тезке.

...Гоги Майсурадзе груду заслонил вражеский огонь. Но случайно (столь нередкая на войне и невообразимая в мирное время) иначе повернула его судьбу. Когда Гоги, навалившийся телом на пулемет врага, изрешеченный упал на землю, его боевые товарищи продолжали атаку и преследовали гитлеровцев. А возле взорванного фашистского дзота санитары нашли тяжелораненого, умирающего солдата. В госпитале к нему медленно возвращалась жизнь. И месяцев через пять (очевидно, время, необходимое для того, чтоб рапорт командира части прошел надлежащие инстанции) Гоги Майсурадзе прочитал в газете Указ о присвоении ему «посмертно» звания Героя Советского Союза.

...В июне 1941 года в Тбилиси формировался бронепоезд № 5. Его начальник Александр Джахиев, комиссар Николай Смирнов и дозорный Алекс Мнатобишвили с боевым заданием на одну сотню километров прошли вместе. В редкие свободные часы Алекс доставал любимую книгу «Великий Моурави» Анны Антоновской и с увлечением принимался читать. Командиры посмеивались: книгу эту Алекс уже знал наизусть, но каждый раз с таким сожалением закрывал ее, словно с любимой прощался. И однажды по дороге к Москве фашистский пулеметчик обстрелял ехавшего на дрезине впереди бронепоезда Алекси. Потрясенный гибелью дозорного, командир ускорил ход бронепоезда, огнем прочесывая обе стороны дороги. Нагнав дрезину, они увидели: истекавший кровью солдат печально ласкал изрешеченную книгу. Сейчас все трое живут в Тбилиси, все трое — члены Совета музея и, приходя в музей, обязательно «навещают» книгу, спасшую-таки жизнь Алекси Мнатобишвили...

...С жизнерадостной улыбкой смотрят в зал с фотоснимка одессит Костя Терновой и тбилисец Тенгиз Узнадзе. В 1943 году в ожесточенных боях на Миусс-фронте их одновременно ранило. Познакомились они в госпитале. Оказалось, что батарея лейтенанта Тернового своим огнем поддерживала фланг батальона капитана Узнадзе. Потом оказалось, что Тенгиз мечтает после войны стать врачом, а Костя — художником. Мечтали парни, а состояние Тенгиза все ухудшалось. И врачи послали письмо в Тбилиси, вызвали его родителей. Приехавшему отцу Тенгиз решительно заявил: «Если не заберешь Костю, один не поеду». «Почему бы не забрать?» — удивился отец, с трудом уговорил чересчур скромного и стеснительного Костю и увез обоих в Тбилиси. Через месяц Тенгиз скончался. Все еще пригвожденный к постели, Костя решил, что его пребывание обостряет боль от утраты сына, и надумал уйти в госпиталь. Но родители Тенгиза и его две сестры и слушать его не стали. Они окружили Костю заботой, согрели своей любовью. Выходили его, поставили на ноги. Жил тут Терновой как родной в родительском доме, делил с ними горе и был их утешителем. И вовсе бы он остался, но вызволенная из оккупации родная мать настойчиво звала сына в Одессу. Он уехал. Память о Тенгизе, любовь и признательность к его семье привели Костю в медицинский институт. Он стал хорошим врачом, защитил диссертацию. А потом профессор К. Терновой стал заместителем министра здравоохранения УССР. Но как бы ни складывались обстоятельства, чего бы это ему ни стоило, каждый год 21 сентября — в день рождения Тенгиза — он в Тбилиси. Он всегда рядом с родными Тенгиза, во всех горестях и радостях семьи Узнадзе. Увидев недавно в музее фото «Профессор К. Терновой с сестрами на могиле Тенгиза», этот мужественный человек не смог сдержать слез.

....Золотая Звезда Героя Советского Союза, множество боевых орденов и медалей, именной кортик. Все это принадлежало Аркадию Гегешидзе. Он одним из первых воинов-грузин получил Золотую Звезду героя. Командир батальона 7-й бригады морской пехоты, он защищал Севастополь, когда вокруг любимого города сомкнулось огненное кольцо. В азарте рукопашного боя сзади к нему подкрался фашист с нацеленным автоматом. Вот-вот вражеская очередь сразит любимого командира... И рядовой Петро Егоров, заслонив комбата, принял на себя автоматную очередь. В день десятилетия Победы на торжественной встрече защитников Севастополя Аркадий Гегешидзе с трибуны рассказывал об этом. Вдруг в зале поднялся человек... К трибуне бросился Петро Егоров! Воистину с тех горьких дней 1942 года большей радости, наверное, не испытывал Аркадий Гегешидзе.

С какой обаятельной улыбкой встречает входящих в зал пионеров портрет Вахтанга Чиковани! Ради их жизни, их счастья на земле ушел воевать студент Тбилисского государственного университета. Воевал на Ленинградском фронте, на Украине, освобождал города, села. Его не раз награждали, и сам Верховный Главнокомандующий объявлял ему благодарность. Вся дивизия любила беспредельно смелого, доброго, веселого и великодушного парня из

Грузии. Он погиб при форсировании Днепра, и Родина посмертно присвоила 24-летнему Вахтангу Чиковани звание Героя Советского Союза.

В предвоенные годы в нашей стране широко развернулась сеть Осоавиахима, в которых юноши и девушки без отрыва от учебы и производства овладевали летным делом. Хотя и не всегда ведали, что их увлечение скоро пригодится Родине, что скоро они превратятся в подлинных мстителей для воздушных пиратов с черной свастикой на фюзеляжах. Воспитанники летной школы Тбилисского аэроклуба, как только пробил час испытания, в полной боевой готовности разлетелись по разным участкам фронта.

Каким трудным было начало! Обнаглевшие от легких побед в Европе гитлеровцы, оснащенные первоклассной боевой техникой, имели поначалу явное преимущество и на земле, и в воздухе. Но и в то трудное время о мужестве советских летчиков складывались легенды и их имена золотыми буквами вписывались в историю Великой Отечественной войны. Золотыми буквами вписались в историю также имена многих соколов, взлетевших из Тбилисского аэроклуба.

...Герой Советского Союза Давид Джабидзе, летчик-истребитель, командир эскадрильи. С 1941 г. до конца войны сражался в Ленинграде, Сталинграде, на Кавказе, Украине, на Белорусском фронте. Уже Героем Советского Союза участвовал во взятии Берлина. 24 сбитых вражеских самолета. Семь раз был сбит сам. Тяжелые ранения, госпитали и вновь воздушная эскадрилья. В неравных боях не раз спасал друзей и не раз друзья спасали его. Таков боевой путь Давида Джабидзе, ныне доцента Тбилисского государственного университета, кандидата исторических наук.

...Увлеченный авиацией, Гоги Тваури по окончании Тбилисского аэроклуба для усовершенствования знаний поехал в Тамбов. Здесь и застала его война. Было Гоги тогда девятнадцать лет. От Сталинграда пролегал боевой воздушный путь отважного летчика, которому почти сразу доверили звено истребителей. Прозвище «кавказский орел» следовало за ним в боях за Чернигов, Киев, Рогачев, Конотоп, Гомель. На счету гвардии лейтенанта было 35 вражеских танков, 50 тяжелых автомашин, 15 зенитных орудий, 5 эшелонов, 3 фашистских понтона. За высокие боевые заслуги, самоотверженную службу Родине звание Героя Советского Союза было присвоено гвардии старшему лейтенанту Г. Тваури в 20 лет. Сейчас он работает в Научно-исследовательском институте защиты растений и без устали внушает молодежи любовь к авиации.

...Михаил Мачабели воевал на Ленинградском фронте в эскадрилье Алексея Батурина. Вскоре они стали неразлучными — в боях и во время отдыха. Взлетит в небо Батурин, возьмет курс на расположение врага и кричит в микрофон:

— Мишико Мачабели, за мной!

— Иду, мой капитан! — отвечает Мачабели.

А в 1944 году случилось вот что: Алексей Батурин, увлекшись преследованием вражеского самолета, не заметил подкравшегося к нему «мессершмитта». Мачабели своим самолетом заслонил Батурина, принял удар на себя. С горящего самолета он только и успел сообщить по радио: «Прощайте, товарищи! Бейте врага!».

Батурин никак не смог примириться с гибелью друга. И в конце концов он отыскал молодого смутлого летчика Д. Образцова, который чем-то напоминал ему Мачабели.

Взлетит в небо Батурин, возьмет курс на расположение врага и кричит в радио:

— Мишико Мачабели, за мной!

— Иду, мой капитан! — словами Мишико отвечает Образцов.

А полгода спустя объявился настоящий, живой Мишико Мачабели! Партизаны спасли его. До самого конца войны летали они вместе — Алексей Батурин и Михаил Мачабели. Сейчас Алексей Батурин живет в Актобинске, а Михаил Мачабели — диспетчер Тбилисского аэропорта. Но не видят друг друга — по долгу они не могут.

...Закро Хиталишвили тоже воспитанник Тбилисского аэроклуба. На фронт ушел добровольцем. И где только не оставал он фашистским захватчиком свою «визитную карточку»? В воздухе у него был свой, отличный от других почерк... Не раз фашистские истребители преследовали его, но, сбитые с толку неожиданными маневрами его боевой машины, предпочитали не принимать боя. Особенно отличился Закро в освобождении Полтавы. За беспримерное мужество грузинскому соколу было присвоено звание Героя Советского Союза. Но близ деревни Михайловка Полтавского округа самолет его был сбит. Оставшиеся в Михайловке женщины и старики спрятались по домам и детей не выпускали на улицу. Но кто мог удержать дома восьмилетнего Гришку Панасенко? Любознательному мальчугану хотелось видеть все собственными глазами, знать,

что происходит на селе. Так вот он и увидел, как и куда упал советский самолет, и рассказал об этом родителям. Дождавшись темноты, женщины пробрались к разбитому самолету и нашли летчика, потерявшего сознание. Они в течение месяца прятали Захро в лесу и, когда он немного окреп, переправили в дом Екатерины Шляпкиной. Екатерина и ее дочь — комсомолка Наташа выходили его, потом помогли переправиться к своим. Когда наши войска очистили полностью Украину, Захро узнал, что какой-то подонск донес на Шляпкиных, Наташу замучили гестаповцы. Потом Гриша Панасенко написал ему, что поле, на которое упал его самолет, жители деревни назвали «Захарино поле»... После войны Захро послал в подарок жителям Михайловки комбайн. Потом сам приехал вместе с дочкой Натальей к «бабушке Екатерине». Нити дружбы навсегда связали деревню Захро с Михайловкой.

Экспозиция знакомит и с другими воспитанниками Тбилисского аэроклуба, Героями Советского Союза Георгием Инасаридзе, Шота Шурга, Ефимом Удальцовым, пилотом бомбардировщика Магубой Шхиртлановой, мужеством своим соперничавшей с мужчинами, с Георгием Абрамишвили из Боржоми, который повторил героический подвиг Гастелло. У него была возможность воспользоваться парашютом, но он направил факел своего горящего самолета на фашистский склад боеприпасов. Было это под Сталинградом...

Почетный гражданин Сталинграда — командир дивизии, генерал-майор Николоз Таварткиладзе, командир той самой 51-й гвардейской Краснознаменной Кутузовской имени Ленина стрелковой дивизии, которая вместе с 13-й гвардейской стрелковой дивизией и другими соединениями замкнула кольцо вокруг армии фельдмаршала Паулюса.

...Родина несколько раз салютовала блестящей победе стрелковой дивизии генерал-лейтенанта Владимира Джанджава: сперва на Курском кольце, потом в боях за освобождение Белоруссии, потом за победу на Нарвском плацдарме, наконец — за участие в штурме Берлина...

3 июля 1941 года во всех газетах был опубликован текст выступления по радио Председателя Государственного Комитета обороны. Он призывал народ создавать на оккупированных землях партизанские отряды, вести против оккупантов беспощадную партизанскую войну.

Молниеносно создавались отряды. Пришла в движение могучая сила народа, оказавшегося на временно оккупированной советской земле. Были созданы крупные партизанские соединения Ковпака, Вершигоры и другие. Белорусские и украинские леса заполнились партизанами. Народные мстители взрывали мосты, дороги, транспорт, повреждали телефонную и телеграфные сети, уничтожали склады боеприпасов, пускали под откос эшелоны. Грозные партизаны приводили в ужас оккупантов: всюду наступала их карающая рука. Обезумевшие от страха, они не знали, в какую минуту и куда ударит их невидимая безошибочно разящая сила.

И здесь, в лесах Белоруссии и Украины, сражались грузины, мужеством, смелостью своей и бесстрашием снискавшие уважение, любовь и признательность.

...Димитрий Иоселиани — известный своей смелостью на всей Украине из отряда Сидоренко.

...Иванэ Шубитидзе — командир интернационального отряда, воевавшего в Белоруссии, почетный гражданин Пинска.

...Тенгиз Шавгулидзе — побратим белорусских партизан.

...Давид Баградзе, Герой Советского Союза, командир одного из отрядов соединения С. А. Ковпака. Член ученого совета музея, он часто встречается ныне в выставочных залах с посетителями. Глядя на висящий в рамке один из документов войны, Д. Баградзе рассказывает: ...16-летний паренек Карло Патарая, единственный сын родителей, удрал из дому, добровольцем пошел на фронт. Узнав об этом, отец продал дом, участок, перебрался к родственникам, а на вырученные деньги послал вслед сыну на фронт танк. На стене, в рамке, благодарность от Верховного Главнокомандующего. Боевой путь привел паренька к партизанам. Он даже среди взрослых выделялся своей сообразительностью, смелостью. У станции Волотная он минировал полотно железной дороги, когда достигла Карло пуля фашистского снайпера. Охваченные яростью партизаны жестоко отомстили за своего любимца.

...Одна из частей партизанского соединения Ковпака оставляла позицию. Отступавшую часть в арьергардных боях прикрывал пулеметчик Ванэ Рехвиашвили. Осколком снаряда ему раздробило коленный сустав, кровь хлестала из раны, но он все стрелял, пока не потерял сознание. Тогда другой боец — тбилисец Баграт Галустян взвалил его на спину и несколько километров ползком тащил на себе, пока не вывез в безопасное место. Сейчас, приходя в музей, крупный крепкий Ванэ и щупленький, юркий Баграт с улыбкой смотрят на свои фотографии молодых лет.

Духовный дар грузинского народа — талант дружбы, мужество и готовность помочь в беде — poznali, достойно оценили и за пределами нашей Родины.

Петре Члаидзе — техник водного хозяйства Телавского района — же дни войны встал в ряды защитников Родины. Участник керченской и феоодсийской десантных операций, он по воле судьбы оказался в горах Югославии. Воин батальона македонской третьей ударной бригады, он сражался за освобождение Югославии. Кончилась война, Петре возвратился домой и продолжил прерванную работу. Но македонцы не забыли мужественного грузина. Долго искали и наконец нашли его. Они и принесли на родину Петре весть о его героических подвигах в Югославии.

Ираклий Кандарели из Гори сражался в Чехословакии. Особенно проявил себя в освобождении шахтерского города Острава и заслужил имя почетного гражданина этого города. Вернувшись после войны на родину, в Гори, он у себя дома организовал музей дружбы Грузии и Чехословакии. Чехи из Остравы — частые гости Ираклия. С радостью помогают они ему обогащать музей экспонатами, отражающими дружбу советских и чехословацких народов.

...И Тариэл Курхули сражался в Чехословакии. В тяжелой борьбе за освобождение города Лучино рота молодого лейтенанта Курхули спасла детский дом от варварского уничтожения фашистами. Тариэл погиб в этом сражении. Когда закончилась война, лучинцы отыскивали мать Тариэла, преподавателя латыни Тбилисского государственного университета. Они пригласили Нино Ивановну в Чехословакию, показали могилу сына, бережно ухаживаемую лучинскими пионерами. С тех пор каждый год в день гибели сына она — в Лучино. Лучинцы встречают ее как почетного гражданина их города. Пять тысяч рублей из своих сбережений отдала Нино Ивановна на строительство нового детского сада в Лучино.

...Александр Манагадзе воевал в Югославии. Бесстрашие, беспредельная ненависть к оккупантам, боевое мастерство всегда отличали этого военного летчика. Югославские военачальники поручали ему самые ответственные задания. С победой и с высшей наградой СФНРЮ — почетным званием народного героя Югославии вернулся он на родину.

...Но не вернулся домой национальный герой Италии, парень из села Мачхаани Форэ Мосулишвили. На родину вернулось имя его, овеянное неувядаемой славой, имя героя, награжденного высшей военной наградой Италии, золотой медалью «За военную доблесть». Сам он лежит в могиле в городе Арона, в Новарской провинции (Северная Италия), где вечный покой обрели народные мстители, погибшие в боях с оккупантами. Именно там в ожесточенном бою 3 декабря 1944 года пал Форэ, там о его мужестве сложены легенды.

В музее «уголка Форэ» всегда многолюдно. Подолгу стоят люди перед фотографиями. Вот — могила Форэ с его портретом на мемориальной доске. Вот фотографии приехавших в Грузию итальянских патриотов и воевавших вместе с ними в Италии грузин-партизан (среди них награжденный «Золотой звездой Гарibaldi» Шалва Мунджишвили), вот групповые снимки, сделанные в Тбилиси и Кахетии, в родном селе Форэ Мосулишвили. А на этом — итальянские гости с матерью Форэ, с его братьями и близкими.

Словно сама история создала символ.

Великой Отечественной войны день первый. Брестская крепость, многонациональный гарнизон защитников твердыни, посланцев всей страны. Первый залп войны на рассвете и первый рукопашный бой защитников крепости с вооруженными до зубов ордами захватчиков. И первыми в неравной, героической борьбе пали Вано Зедгендзе и Иван Матюхин.

Последующие дни. Месяцы. Годы. Бок о бок воюют русский и грузин — и на земле, и на море, и в воздухе, и в лесах оккупированных районов, и за освобождение поработанных фашистами стран. И на далеком аронском кладбище рядом лежат национальные герои Италии: Форэ Мосулишвили и Федор Полетаев...

Великой Отечественной войны день последний. Поверженный рейхстаг. Два знаменосца, возвещающих о Великой Псбедe: Мелитон Кантария и Михаил Егорев....

Да, в трагедии войны и радости победы история сама выковала этот символ нерушимой дружбы народов...

История оставила народу и горькую память войны. Над входом в зал надпись:

Не горюй, мама, родная,
Огорчил я тебя своей смертью,
Я — твоя плоть и кровь —
Прославил имя светлое твое...

Сопровождаемые негромко звучащим реквиемом, входите вы в галерею портретов матерей, чьи сыновья не вернулись домой.

— В нашей стране двенадцать семей, вырастивших по два Героя Советского Союза, — тихо рассказывает экскурсовод. — Среди этих двенадцати семей — одна грузинская. Вот Нино Леселидзе. Она отправила на фронт четырех сыновей, трое не вернулись. А из троих — двое — Герои Советского Союза. В соседнем зале вы уже видели фотографии известного полководца, генерал-полковника Константина Николаевича Леселидзе. Брест — Смоленск — Тула и Калуга. Кавказские годы. И Новороссийск — 18-я десантная армия. Здесь зародилась боевая и личная дружба генерал-полковника Леселидзе и начальника политотдела армии полковника Леонида Ильича Брежнева. Рожденная в боях за освобождение Новороссийска и Таманского полуострова, дружба эта была скреплена в легендарной эпопее осуществления этой операции, продолжалась в их совместных боях на Первом Украинском фронте, в кровопролитных боях за освобождение Житомира, Бердичева...

— Второй сын, Герой Советского Союза, полковник Виктор Николаевич, — продолжает экскурсовод, — командир батальона минометчиков, погиб на Ленинградском фронте... А еще раньше на крымской земле пал третий сын — артиллерист сержант Валерия Леселидзе.

— Это Тамар Гудумидзе, — снова тихо говорит экскурсовод, — на разных фронтах у нее погибли шестеро сыновей и муж...

— Это Барбале Бахтадзе, мать двенадцати детей. С фронта получила шесть «похоронок»...

— Это Нино Читаишвили... У нее погибло пять сыновей...

Тяжело смотреть на неутолимое горе материнское...

О, какое счастье, что те трудные годы, те щемящие душу проводы на войну, те сложенные треугольником письма с фронта, те раны, те «похоронок» и та неутихающая боль остались в нашей биографии — биографии старшего поколения, а дети наши знают лишь чистое небо. Естественно, что для них из края в край открыты все дороги и на земле, и в море, и в воздухе. Они могут посылать красивые открытки сверстникам, с которыми сдружились в пионерских лагерях. Но у них одна обязанность: «Учиться, учиться и учиться». Какое счастье, что эти дети не знают удрушающего запаха пороха, не видят дыма пожара, не слышат адского грохота войны... Они знают, что была война, но дед, который пал на этой войне, кажется им сказочным героем, сразившимся с сорвавшимися с цепи чудовищами. Пусть же останется в нашей биографии и уйдет с нами та горькая действительность. Детям же, их детям, внукам и правнукам пусть во веки веков останется сказкой все более и более уходящая в прошлое история деда...

Должна признаться, ничто не давалось мне так трудно, как эта работа. С самого начала мешала мне навязчивая мысль, что описание экспозиции музея не создаст полного представления о выставке, как пересказ не может создать полного впечатления об увлекательной книге. А еще удивляло меня, что, оказывается, обилие материала тоже может затруднить задачу. На чем мне остановит внимание? Пусть никто не думает, что выставленные сегодня экспонаты более значительны и интереснее того огромного количества материала, которое из-за ограниченной площади музея ждет своей очереди. Через все фонды красной нитью пролегает тема дружбы, не только личной, но дружбы сел, городов, районов, тема дружбы и братской бескорыстной взаимопомощи народов.

Кто не слышал о дружбе села Шрома Махарадзевского района с селом Ровно Генического района Украинской ССР, насчитывающей четвертый десяток лет. Или же о дружбе Натанеби с Октомберян Армянской ССР. Зугдиди с Талалаевкой, Чумлахи с Усть-Лабинской, Гори и Раменского Московской области, Гудаутского и Херсонского районов. И кто знает, сколько эвакуированных осиротевших детей обрели в Грузии кров, и сколько людей, сколько семей много лет спустя породнили неутомимые следопыты?!

Я хочу поведать лишь одну «маленькую» историю, свидетельствующую о нерушимой дружбе советского народа и его непоколебимой вере в победу.

...Донбасс еще не был освобожден, когда министр угольной промышленности СССР тов. Вахрушев и заместитель министра Элизбар Миндели обратились с просьбой к советским специалистам с призывом помочь в восстановлении разрушенных донецких шахт.

7 сентября 1943 года наши войска освободили Донбасс. В его окрестностях все еще продолжались ожесточенные бои, а восстановительные группы, прибывшие из братских республик, были уже в Донбассе. В грузинском отряде из 45 человек была одна женщина — Тамар Джапаридзе. О Тамар Джапаридзе пишется книга, но я хочу познакомить с ней читателей журнала. По про-

исхождению, воспитанию и внешне она была настоящей грузинкой. По желанию отца-педагога окончила Тбилисский педагогический институт, но педагогика не была ее призванием, и она поехала в Ленинград, чтобы поступить в юридический институт. Она не владела русским языком и провалилась на первом же экзамене. Стояла она в дверях института, утирала горькие слезы, когда рядом остановилась машина. Мужчина, который вышел из машины, спросил ее, в чем дело. Выслушав, он повел ее к декану и попросил принять ее в институт под его личную ответственность. Сам же, прощаясь с Тамар, сказал ей: «Слышали, я за вас поручился, не подведите меня». Растерянная девушка не успела даже поблагодарить его. И только когда его и след простыл, она узнала, что это был шеф института, секретарь Ленинградского областного комитета партии Сергей Миронович Киров... Тамар с отличием окончила институт, категорически отказалась от аспирантуры и попросила направить ее работать на самый трудный участок, на Крайний Север. Десять лет проработала она в шахтах Камчатки — Магадана — Якутии. Знаниями своими, мужественным трудом и скромностью заслужила всеобщее уважение. Опытным, закаленным в сложных условиях Севера горным инженером вернулась она в родные края и тут услышала призыв донбассцев. И поехала. Одна из первых спустилась во взорванную, затопленную шахту...

А вот герои послевоенной пятилетки.

Елена Натрошвили из Тибани. Она прошла курсы трактористов и стала работать на Алазанской МТС. Поначалу это было лишь только ее увлечением. Но, проводив на фронт мужа и двух сыновей, она взвалила на себя и их долю работы. Ни днем, ни ночью не слезала она с машины, словно гул мотора помогал ей заглушать боль разлуки с родными и тревогу за них. А потом на селе появились дети из оккупированных районов, и она взяла в дом четверых мальчуганов, обучила их, сделала из них трактористов. С войны вернулся только один сын. Горе велико, но сын вместе с мальчишками-побратимами скрашивали ей жизнь. У нее множество правительственных наград, и в районе установлен призв ее имени лучшему в районе трактористу.

Шелковод из Кистаури новатор Осана Айвазашвили в годы войны обратилась с призывом к женщинам-шелководам. На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке она получила золотую медаль, а за внедрение нового метода в выращивании шелковичного червя заслужила звание лауреата Государственной премии.

Широко освещена в музее история Руставского металлургического завода — со дня рождения до наших дней. Это один из ярких примеров братства и взаимопомощи народов, особенно многолетней дружбы грузинских, русских, украинских и азербайджанских металлургов...

Подкралась незаметно старость к еще вчера молодым сталеварам, которые, как дети, радовались первой пробе. Проводили на заслуженный отдых ветеранов. В музее же остаются их фотографии, грамоты, награды, подарки, вымпелы. Остается красная лента, на которой написаны фамилии участников плавок дружбы, проводимых в нашей стране и в братских нам странах. Ленте этой не будет конца, так же как не будет конца достойной смене, занимающей место старшего поколения.

* * *

...Вот и завершён рассказ. Рассказ о духовной летописи советского народа, который в максимально возможных пределах вещественно и образно представлен в экспозиции, открывающейся словами гения грузинского народа Ш. Руставели, сказанными им 800 лет назад:

**Верный друг, спеша на помощь, не дрожит перед напастью,
Посвятит он сердце сердцу, ведь любовь — дорога к счастью.**

Неисчерпаемо содержание этих слов, не будет конца страницам этой летописи, ибо неисчерпаема повесть о победной поступи советского народа дорогой творческого труда, о нелегкой и славной победе над врагом. Неисчерпаема повесть, рожденная братством, дружбой и бескорыстной взаимопомощью советского народа, благодагну по чужу которым уготовила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Писатель и
пятилетка

Большая нефть Грузии

С ВЫСОКОЙ три у н ы
XXV съезда Коммуни-
стической партии Советского
Союза первый секретарь ЦК
Компартии Грузии товарищ
Э. Шеварднадзе заявил: «Осо-
бенно радостно было для нас
открытие в Грузии крупных
нефтяных месторождений».

Высококачественная грузин-
ская нефть сразу же волилась
в сложнейшую систему индус-
триальной жизни Советской
страны, поддержала энергетиче-
ский бюджет многих зару-
бежных государств.

Казалось бы, сам факт открытия в нашей республике нефтяных место-
рождений не может не радовать. Ведь кому сегодня не известно, что такое
нефть. Однако далеко не все сразу вдохновились перспективой нефтяных раз-
работок в Грузии. Возникло немало сомнений.

«Грузия — курортная зона, — говорили иные скептики. — Тут прежде
всего должны развиваться туризм, пищевая и легкая промышленность. Нужно
ли Грузии развитие тяжелой индустрии?» (Вопрос ставился с явным опозда-
нием: в республике давно уже процветает тяжелая промышленность). «Сумеет
ли обеспечить Грузия кадрами эту новую для республики отрасль? Конечно же,
опять будет отдаваться деревням», — утверждала другая группа скептиков.
«Погибнут сады и виноградники Картли и Кахетии, чай и цитрусы Западной
Грузии, пострадает морское побережье», — твердили третьи...

Толков и соображений было великое множество, и все они, проникнутые
заботой о родной земле, об охране природы, заслуживали всяческого внимания.
Казалось, действительно, зачем развивать такую отрасль индустрии, которая
будет лишь обременительной для республики и не послужит благополучию
народа?

Но насколько обоснованы подобные соображения, какими данными под-
крепляются, служат ли серьезным поводом для сомнений, для того, чтобы бить
тревогу? Чем они аргументированы?

Я убежден, что многими сомневающимися руководит истинная любовь к
родной земле. Однако в этом скептицизме есть и немалая доля обывательских
досужных толков, вводящих в заблуждение тех, кто по незнанию существа про-
блемы готов принять за чистую монету разные слухи.

Но ведь общеизвестно, что у лжи короткие ноги. Никакая дамба не удер-
жит животворную силу правды. Честь и слава подлинным патриотам грузинской
земли, нашим славным геологам, открывающим в подземных кладовых Сакарт-
вело несметные богатства, необходимые для процветания Родины, во имя бла-
гополучия родного народа. Любовь к родной стране грузинских нефтяников,
вливших новую силу в тяжелую индустрию и промышленность республики, не
нуждается в подтверждении.

Предполагать, что Грузия не сможет обеспечить нефтяную промышлен-
ность собственными кадрами могут только люди, плохо ориентирующиеся в этой
проблеме. Позволю привести одну экономическую выкладку. Подсчитано, что
нормально обслуживать в курортной зоне одного отдыхающего должны два че-
ловека. Два — на одного отдыхающего! В маленьких зарубежных странах, сла-
вящихся своими курортами, я наблюдал зачастую, как большие семьи от мала-
до велика обслуживают одну гостиницу. В таких странах, где нет собственной
индустрии, где нет сильно развитого рабочего класса, инженерно-технических

работников, крупных специалистов и ученых, крайне снижен интеллектуальный уровень народа, подчас утрачена самобытность, национальное самосознание, все, что составляет главную силу, объединяющую народ.

В разное время мне пришлось дважды побывать в Ливане. Тогда в этой маленькой, с налетом щегольства стране, царило спокойствие. Ее столица Бейрут, как и вся страна, напоминала одну огромную гостиницу, а население всего государства — служащих этой гостиницы. Они обслуживали туристов, съезжающих сюда со всех концов мира. И главным побуждением служащих этой гигантской «гостиницы» было выжать из туристов как можно больше денег. «Бейрут — жемчужина Востока, оправленная в западную медь, это жемчужина, брошенная в грязь», — эти слова принадлежат арабскому поэту Эмину Рейхану. В них — вся горечь и душевная боль прогрессивной части Ливана, которая видит, как теряется и идет чужими путями самобытная культура народа. Они видят, как духовная жизнь нации охвачена лихорадкой поиска денег. Но кто же в состоянии остановить сорвавшуюся лавину?

Талант и энергия народа должны вторгнуться в космос и достичь звезд! Интеллект народа и трудолюбие должны открывать новые страницы в науке. Талант и способности нации должны служить созданию все новых и новых творений искусства.

Неодолимая в своих поисках человеческая натура должна быть направлена на освоение природы и открытие чудес света.

И все это не может произойти в странах, похожих на грандиозные гостиницы, выкачавшие из народа всю энергию и силу, необходимые для национального развития.

Наверное, далеко не всем известно, что на среднем хлопчатобумажном или ткацком комбинате работает шесть тысяч рабочих — ровно столько, сколько сегодня занято разведкой и добычей нефти во всей Грузии.

Должен сказать, что сегодняшние буровые скважины ни на йоту не загрязняют окружающую среду. А вышки, изящно возвышающиеся нынче в садах и виноградниках Восточной Грузии, уже органически вписались в ее пейзаж.

Новейшая техника добычи нефти не влечет за собой загрязнения и засорения не только наших садов и виноградников, но и всей окружающей природы. Находящаяся в руках заботливых людей, добыча нефти не представляет никакой опасности загрязнения среды.

Но, как говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Не прислушайтесь к обывательским разговорам, и если вас тревожит судьба наших садов и виноградников, поезжайте в Самгори, чтобы собственными глазами осмотреть каждую буровую. И сразу же убедитесь, как бережно относятся нефтяники к каждому квадратному метру земли. Вы увидите, какое ничтожно малое место занимает каждая вышка и как аккуратно все они огорожены.

Ну, а плюсы? Какую конкретную пользу приносит нефтяная промышленность республике? А если еще конкретнее — какая выгода от добычи нефти для тех районов, где она непосредственно ведется?

Прежде всего мне хочется напомнить лишний раз о непреходящей ценности нефти в жизни человека, о том, что представляет собой ее удельный вес в мировой энергетике.

«Нефть — не топливо, топить можно и ассигнациями», — говорил великий русский ученый Д. И. Менделеев. Профессиональные политики и государственные деятели считают, что тот, кто сегодня имеет большие месторождения нефти, может навязать миру свою политику. Когда в 1973 году мир пережил энергетический кризис, когда сегодня с такой остротой возросла для каждого человека потребность в энергии (а с течением времени потребность в ней будет возрастать почти в геометрической прогрессии), это высказывание звучит необычайно актуально.

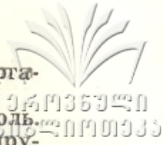
Например, сегодня на душу населения за год расходуется 1,4 тысячи киловатт-часов электроэнергии.

К концу нынешнего века, то есть через 23 года, это количество возрастет в 5,2 раза. Специалисты предполагают, что к концу XX века оно достигнет фантастической цифры — семь миллионов киловатт-часов!

Ну, а если взять нынешние данные, скажем, о годовом потреблении электроэнергии за 1971 год в развитых странах мира, то получим такую картину: в Советском Союзе годовой расход электроэнергии на душу населения составляет 3.300 киловатт-часов, в Соединенных Штатах Америки — 8.700, Англии — 4.500, Японии — 3.600, во Франции — 3.030 киловатт-часов.

Читатель вправе удивиться: причем тут электричество, когда речь идет о нефти? Дело в том, что гидроэлектроэнергия в среднем составляет 16—17 процентов от всей вырабатываемой в мире электроэнергии. Например, в США на долю гидроэлектроэнергии приходится 16 процентов всей электроэнергии, атомные электростанции дают 3—3,5 процента. 80 же процентов электроэнергии вы-

работывают теплоэлектроцентрали. А теплоэлектроцентрали работают на органическом горючем — нефти, торфе, каменном угле.

Таким образом, в выработке электроэнергии нефти отведена огромная роль. Добавим ко всему этому еще и ее использование в виде бензина, керосина, других нефтепродуктов. Достаточно вообразить, сколько миллионов автомобилей приводит в движение это изумительное вещество, сколько самолетов ежедневно пересекает пятый океан планеты, двигателям скольких кораблей она дает жизнь. Заодно присовокупим к этому, что из нефти изготавливают более 2.500 видов продукции!

Но разве запасы нефти в недрах матери-земли неисчерпаемы? В 1950 году в мире было израсходовано 8 миллиардов тонн органического топлива. В 2000 году, то есть через 23 года, этот расход достигнет 25 миллиардов тонн.

Из органического топлива на долю нефти приходится 50 процентов. И это в то время, когда запас нефти составляет всего лишь 6—7 процентов от всех запасов органического топлива. Это объясняется тем, что использование жидких видов топлива технически легче и выгоднее.

По подсчетам специалистов, мировой экономический запас органических видов топлива исчисляется в 3.500 миллиардов тонн. А нефть составляет лишь 6—7 процентов этого количества. По данным экономической комиссии Организации Объединенных Наций, человечество в год потребляет 3 миллиарда тонн нефти. Через 23 года (к 2000 году) ее использование возрастет втрое. Значит, к концу XX века будут исчерпаны 87 процентов мирового запаса нефти.

Специалисты подсчитали, что запас нефти будет израсходован полностью за 30—40 лет, по более оптимистическим данным — в 50-х годах будущего столетия. Отсюда ясно, какое значение имеет нефть для человечества и какую силу на международной арене представляют страны, располагающие значительными запасами нефти.

Сегодня Соединенные Штаты Америки завозят из заграницы 25 процентов ежегодно потребляемой нефти. За четыре-пять лет это количество возрастет до 50 процентов. А такие государства, как ФРГ, Япония, Франция, Италия, Голландия и другие, либо вовсе не имеют нефтяных и газовых месторождений, либо располагают ее ничтожным запасом, которого может хватить лишь на две недели, максимум, на месяц.

Пока атомная энергия займет положенное место в мировой энергетике, пока в более отдаленном будущем ученые смогут подчинить термоядерную реакцию и заставить ее служить энергетике, нефть останется для человечества одним из важнейших и самых выгодных источников энергии.

Вот почему открытие мощных месторождений нефти в Грузии не может не восприниматься как явление очень масштабное и значительное.

Никто не станет утверждать, что нефть Грузии представляет собой месторождение сказочных запасов — это не так. Но те запасы, которые хранят недра республики, достаточно велики, чтобы занять одно из заметных мест в индустриальной и экономической жизни Советского Союза.

Исторические источники свидетельствуют о том, что в XI—XII веках в соседних странах уже знали грузинскую нефть. Тогда Грузия вела оживленную торговлю с Персией, Ираком, Сирией, Египтом, Византией, Россией, с половцами и с еще более далекими странами. Среди грузинских товаров, считавшихся в то время основными предметами торговли, называют руту и нефть.

К сожалению, не существует каких-либо письменных источников о том, где и каким способом происходила добыча нефти. Я обратился с просьбой к известному ученому, главному геологу «Грузнефти», самому оптимистически настроенному и неутомимому исследователю грузинской нефти — профессору Александру Лалиеву:

— Думаю, — сказал он, — что добыча грузинской, в частности колхской, нефти происходила еще до нашего летосчисления. Известный «греческий огонь», думаю, как раз и был «милостью» колхской нефти...

Понятно, добыча велась в тех местах, где нефть сочилась на поверхности. Такие месторождения встречаются в Восточной Грузии в Байда и Патара Шираки, в окрестностях Навтлуги, в Мирзаани, а в Западной Грузии — в Супса и Натанеби.

Со второй четверти девятнадцатого века мы уже располагаем письменными сведениями о добыче нефти, согласно которым она кустарными методами велась на следующих «нефтяных площадках»: в Мирзаани — с 1846 года, Патара Шираки — с 1861, Земо-Ходашени — с 1913, Навтлуги — с 1845, Супса — с 1886 года и т. д. Всего же нефть добывали на одиннадцати «площадках».

Добытая на всех этих «площадках» (исключая Патара Шираки) нефть едва превышала по своему количеству сотню тонн. А из Патараширакско-

го месторождения в 1872—1877 годах нефти было добыто больше всего 18.935 тонн.

Были построены и три нефтеперерабатывающих завода, которые перерабатывали нефть кустарными методами. Это были Цителцкаройский (1869 год), Набомбревский (1878 год) и Патараширакский (1883 год) заводы. Кроме того, был и один битумоперерабатывающий завод в Натанеби (1884 год).

В последующие годы вновь обратились к производству нефти в Грузии, но велось оно такими черепашьими темпами, что разговор о его объемах был бы просто несерьезным. Вот, примерно, такую нефтяную промышленность приняла Советская Грузия.

Специалисты не сомневались. Геологи искали. А годы шли. Многие уже проницательно относились к проблеме нефти в Грузии, кое у кого опускались руки.

Но были и энтузиасты, твердо верившие, что в благодатных недрах нашей земли скрываются большие запасы нефти. Во главе этих оптимистов и стоял профессор Александр Лалиев.

Многие известные советские специалисты разделяли идею существования грузинской нефти. Еще в 1934 году основоположник советской нефтяной геологии академик И. Губкин сказал на Всесоюзной геологической конференции: полные и разведочные данные Мирзаани и Патара Шираки, несмотря на небрежное проведение разведки, обещают надежную основу для создания в Грузии самостоятельной нефтяной базы. «Отец» нефтяной геологии Азербайджана профессор Д. Голубятников считал, что проведенные в последние годы геолого-разведочные работы в области грузинской нефти выявили столько нового, что продолжение поисков в этом направлении представляется обязательным. И если геолого-разведочные работы вновь будут продолжены такими темпами, станет ясным наличие непременно существующих благоприятных структур и появятся все новые и новые районы, которые заменят Бакинское и Грозненское месторождения.

— Мы верим, что скоро Грузия будет новым и, возможно, очень крупным нефтяным районом, — говорил министр нефтяной промышленности СССР товарищ В. Д. Шашиш.

Прогноз союзного министра, высказанный до 1973 года, оправдался значительно позже.

До 1973 года, то есть на протяжении 43 лет существования треста «Грузнефть», энтузиасты этого дела не имели случая порадоваться бьущему нефтяному фонтану, хотя в течение всего этого периода оптимистически смотрели в будущее.

Постепенно росла и армия скептиков. Всему этому еще сопутствовали небрежность и имевшие место крайне серьезные недостатки в работе. Многие из скептиков уже считали, что, кроме совершенно незначительных запасов, никакой нефти в Грузии найдено не будет. Они требовали полностью свернуть нефтяную промышленность в республике.

Но были и те, кто настойчиво ставили вопрос о продолжении геолого-разведочных работ. 1973 год был поворотным в деле открытия и добычи грузинской нефти.

Новое руководство нашей республики с самого же начала уделило величайшее внимание поискам новых месторождений нефти в Грузии и добыче этого ценного продукта. Сразу же пришли и первые успехи. Одно за другим были открыты новые мощные месторождения грузинской нефти.

Сегодня уже смело можно сказать: «большая грузинская нефть» у нас имеется!

Вот что заявил в беседе со мной генеральный директор «Грузнефти» Герой Социалистического Труда Реваз Тевзадзе:

— Не могу сказать, что перевод из Маднеули в «Грузнефть» привел меня в хорошее расположение духа. Это было в июне 1973 года. Через три месяца мне предложили — согласно союзному постановлению — сделать смету ликвидации треста. Уже и в союзном министерстве махнули рукой на грузинскую нефть и сочли бессмысленным отпускать в дальнейшем капиталовложения.

Но нас поддерживало руководство республики, и это обнадеживало, наполняло энергией, укрепляло веру. Неутомимый труд принес плоды...

Реваз Тевзадзе говорил возбужденно, будто переживал радость большой победы.

И тогда я вспомнил, как делился своими впечатлениями старший мастер буровой № 29 Абрам Мухиашвили.

— Когда нефть забила впервые, я, взрослый мужчина, прыгал от радости как ребенок. Передо мной в изумлении остановился наш краснодарский коллега. «Что с тобой?» — спросил он.

«Я ждал этого дня с 1947 года», — был мой ответ.

Разве мог понять меня этот юноша, который со студенческой скамьи работал на вышках, не тающих в себе ничего неожиданного, не ведал сомнений, мучивших нас так долго...

Итак в истории грузинской нефти начался новый период — период большой грузинской нефти.

...Перезезжаю из села в село, от одной буровой к другой. Вот вышка № 7, мощный первенец грузинских нефтяников. С какой гордостью говорят о ней заместитель генерального директора «Грузнефти» Мамия Онашвили, главный инженер бурового управления глубокой разведки Леван Санадзе, начальник ремонтного управления «Грузнефти» Гурам Мгалоблишвили, мастер Марткопской буровой № 2 Бидзина Шиошвили, которые взяли на себя роль наших экскурсоводов. Особенно подчеркнуто они обращают наше внимание на то, как чисто идет сооружение и бурение новой разведочной буровой, монтаж уже действующей скважины.

Запрятанное в глубинах национальное богатство забило высокими фонтанами нефти, поставленной на службу народу...

Что касается сегодняшней картины добычи грузинской нефти, ее объема, удельного веса в промышленности, перспективы, то следует сказать, что геологические поисковые работы по нефти и газу в Грузии ведутся более полувека. За период проведения этих работ в республике были открыты семь месторождений нефти (Патара Шираки, Мирзаани, Гарибани, Сацхениси, Норно, Супса, Чаладиди), но ежегодная добыча нефти в Грузии всегда была на низком уровне.

Максимального годового уровня добычи нефти республика добилась в 1941 году (57 тысяч тонн), а в дальнейшем, до 1976 года не могла достигнуть и этого уровня. Добыча нефти в республике в 1973 году составляла 22,2 тысячи тонн, и в топливно-энергетическом балансе Грузии нефтяная промышленность занимала незначительное место.

Существующие на сегодня данные смело говорят о том, что недра Грузии таят в себе большие ресурсы нефти и газа, освоение которых обеспечит дальнейшее развитие народного хозяйства республики.

Коллектив производственного объединения «Грузнефть» глубоко проанализировал принятые Центральным Комитетом Компартии Грузии, Советом Министров Грузинской ССР и Министерством нефтяной промышленности СССР решения, мероприятия по дальнейшему развитию в республике нефтяной и газовой промышленности. В результате наступил значительный перелом в организации геологических изыскательских и эксплуатационных работ по нефти и газу, что и обеспечило определенные успехи, начиная с 1974 года. Именно в тот год при проведении геологических изыскательских работ в Западной Грузии на участке Шромисубани — Цкалцинда при опробовании буровой № 42 в начале февраля из расположенных на глубине 3.600 метров горных пород было получено за сутки сто пятьдесят тонн нефти. А в конце августа в Восточной Грузии скважина № 7 на Самгорском участке дала начальный суточный дебит в 123 тонны нефти с глубины 2600—3000 метров. Поступление нефти из этих скважин, носящее стабильный характер, обусловило усиление геологических и геофизических изыскательских работ в этих и расположенных по соседству районах.

В настоящее время в окрестностях Шромисубани — Цкалцинда производственные объединения «Грузнефть» и «Краснодарнефтегаз» ведут поисковые бурение с целью изучения залежей, обнаруженных буровой № 42. На Самгори-Патардзеульском участке осуществляется прокладка как разведочных, так и эксплуатационных скважин для подготовки к разработке нефтеносных пластов, обнаруженных буровой № 7, а также для проверки на нефтеносность и содержание газа более глубоко залегающих горных пород палеоцена и нижнего эоцена.

Геолого-изыскательские работы ведутся также в юрских и меловых отложениях на участках Шуагори, Очамчире и Земонатанеби. Эти работы осуществляются также на участке Тарибани, в окрестностях Варкетили и Марткопи, на участке Леса. В этих районах проектная глубина скважин достигает четырех с половиной километров.

За очень короткое время производственные показатели объединения «Грузнефть» резко улучшились. В 1974 году добыча нефти по сравнению с 1973 годом возросла вдвое, а в 1975 году — во много раз. Государственный план добычи нефти в девятой пятилетке выполнен на 145 процентов. Промышленные запасы нефти за это время увеличились почти в три раза.

В результате улучшения геолого-изыскательских и эксплуатационных работ, а также повышения их эффективности на Самгорско-Патардзеульском участке еще недавно нерентабельная для народного хозяйства отрасль нефтедобычи стала высокорентабельным производством. Фактическая прибыль в девятой

пятилетке составила 3,9 миллиона рублей, в том числе сверхплановая — 1,6/ миллиона рублей.

Разведчики недр республики и нефтедобытчики хорошо начали пятилетку. Они с превышением выполнили соответствующие планы и обязательства. В перспективе намечено значительное развитие этой отрасли народного хозяйства республики. Грузинские нефтяники уже ведут борьбу за то, чтобы еще более увеличить это количество. Вместе с тем промышленные запасы нефти должны возрасти в конце десятой пятилетки на десятки миллионов тонн.

— Какие конкретные блага несет эта отрасль промышленности тем районам, где идет добыча нефти? — спросил я Реваза Тевзадзе.

— Открытие в Грузии нефти промышленного значения оказало коренное воздействие на рост объемов строительства в системе «Грузнефти», — сказал он. — В 1977 году заметно возросли капиталовложения на строительномонтажные работы. Например, на эти средства идет строительство такого важного объекта, как телефонная линия Тбилиси — Сагареджо — Цители Цкаро. Эта линия заметно улучшит связь Тбилиси с районами Восточной Грузии.

В этом году в Чаладиди вошло в эксплуатацию благоустроенное современное школьное здание на 536 учащихся, которое производственное объединение «Грузнефть» передало в дар Хобскому районному отделу просвещения. В нынешнем же году в Чаладиди будет закончена реконструкция автомобильной дороги. Войдут в эксплуатацию сто квартир на проспекте Важа Пшавела в Тбилиси. В 1977 году начинается строительство жилых домов в Лило, Ланчхути, Цители Цкаро, проектируется реконструкция пионерского лагеря в Кикети, которая позволит обслужить будущее поколение нефтяников на уровне современных требований.

По решению вышестоящих органов Тбилисский городской Совет народных депутатов выделил на территории района имени 26 комиссаров площадь для строительства микрорайона нефтяников. Этот микрорайон, в котором должны жить шесть тысяч человек, будет запроектирован в будущем году...

Из промышленных объектов наибольшее значение имеет строительство Самгорско-Батумского нефтепровода. Нефтепровод Баку—Батуми был построен еще до революции и обеспечивал транспортировку бакинской нефти на протяжении ряда лет. Но открытие нефти в Грузии сделало необходимым увеличение его пропускной способности. Сейчас закончено строительство нефтепровода на участке Самгори — Гачнани, и нефтепровод уже направляется к Сурамскому перевалу. Здесь же следует отметить, что сооружение нефтепровода значительно повлияет на благоустройство тех районов, где пройдет его трасса, — там будут построены дороги, мосты и другие сооружения.

Проектом нефтепровода Самгори—Батуми предусмотрена прокладка по его трассе и трехотпарной системы телефонной кабельной связи. Этого будет вполне достаточно для прямой телефонной связи нашей столицы с районами Западной Грузии, включая и город Батуми. В 1977 году должно начаться строительство газопровода Самгори—Гардабани, что позволит поставить на службу народу вместе с нефтью и ее естественного «спутника» — самгорский газ.

В будущем году начнется сооружение комплексных баз «Грузнефти» в Лило. В нынешней пятилетке предусмотрено также строительство общежитий в Лило и Цители Цкаро, оздоровительного комплекса на побережье Черного моря, профилактория и жилого дома в Сартичала.

Все это — только начало. Большая грузинская нефть набирает богатую силу изо дня в день!

ДЕТИЩЕ ОКТАБРЯ

1977 ГОД — год юбилейный. Прошло шестьдесят лет со дня основания первого в мире социалистического государства. Великая Октябрьская социалистическая революция не была неожиданностью, не была разрывом в цепи исторических событий, как об этом часто и назойливо пишут всякого рода «теоретики» из лагеря так называемых советологов. Октябрьская революция была выстрадана всем предшествующим опытом человечества, она явилась осуществлением тех высоких социальных идеалов, к которым стремились в течение долгих десятилетий и столетий люди труда, люди демократических взглядов, мечтавшие о создании такого общества, в котором не будет классовых антагонизмов, угнетателей и угнетенных, избранной элиты и так называемой черни, богатых и бедных.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции началась новая страница в истории культуры народов бывшей Российской империи. Революция коренным образом изменила жизнь наций и народностей, населяющих СССР, объединив их в единый коллектив. Впервые в истории человечества перед народами открылась возможность свободного существования, возможность совместной дружной жизни в системе единого социалистического государства. Литературы народов СССР стали развиваться как единые по своим идеалам и устремлениям, взаимно общаясь друг с другом. Процесс сближения разноязычных национальных литератур начался уже на первом этапе существования Советского государства.

Разумеется, в первые годы Советской власти оказывались еще некоторые препятствия, препятствовавшие упрочению тесных духовных связей между литературами, их интенсивному и всестороннему, открытому развитию. Прежде всего это оставшиеся от прошлого пережитки национальной отчужденности и недоверия между народами. Новый социальный и психологический климат способствовал преодолению множества укоренившихся предрассудков, разлому национальных перегородок, рождению и укреплению у множества людей чувства взаимной близости, взаимного понимания.

Стена отчуждения, взаимной вражды и недоверия, которая воздвигалась между народами реакционной буржуазией, рухнула окончательно. Само рождение Советской власти было плодом усилий различных народов бывшей царской России, выражением их коллективной воли и чаяний, их вековых порывов.

Социалистическая революция разбудила чувства прекрасного, возвышенного у народов, ранее влачивших жалкое существование, полностью погруженных в тьму. Социализм расковал все сферы сознания, несказанно обогатил, говоря языком живописцев, эмоциональную палитру человека. Мир человеческих чувств стал тоньше, глубже, многостороннее.

Социализм вернул народам чувство исторической устойчивости, полноценности, спокойствия. В прошлом народы трагически щедро расходовали энергию в борьбе за свое национальное самосохранение, в битвах с классовыми угнетателями, врагами нации. Эту энергию, подчас безжалостно иссушавшуюся и dribившуюся, социализм собрал воедино, превратил ее в фактор роста, умножения всех сторон народной жизни. Социализм существенно изменил соотношение радости и печали, уверенности и разочарования, добра и зла, дав перевес добрым началам.

Укрепление чувства социалистического патриотизма, выработка интернационалистского сознания, налаживание дружественных, основанных на добром взаимном уважении и взаимной любви отношений между народами, дальнейшее завоевание советского общественного строя, социалистического образа жизни.

Было бы наивно считать, будто интернационализм, патриотизм рождаются и крепнут сами собой, будто в условиях зрелого социализма исключены всякие возможности проявления шовинизма и национализма. Чтобы интернационализм стал мировоззрением, нормой поведения человека, социальной и психологической сущностью его образа мыслей, необходима неустанная, кропотливая, мудрая работа.

В укреплении интернационалистского сознания народов, в расширении их духовного, нравственного, эстетического горизонта важную роль играют художественная литература, взаимные контакты и общение между национальными культурами.

Победа Октября не влекла за собой механически торжества идей социализма и в психологии, представлениях, нравах, мироощущении людей. Чтобы окрепло и утвердилось новое сознание, сознание социального и исторического единства людей, независимо от их национальных различий, требовалось время, накопление невиданного опыта человеческих взаимоотношений.

К Великой Октябрьской социалистической революции литературы народов СССР пришли с различным художественным опытом, с различным качеством и продолжительностью письменных художественных традиций.

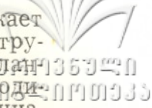
Мы являемся свидетелями примечательного исторического процесса, не имеющего прецедента. Непрерывно рождаются, выпархивают из гнезд все новые литературы, обретают голос, заявляют о себе народы, у которых раньше не было традиций письменного художественного слова, не было возможности эстетически познать и утвердить себя. Рождение и неудержимый рост молодых литератур в советском обществе нельзя понять без уяснения характера особенностей тех факторов и импульсов, которые вызвали их к жизни. Так много прекрасного, необычного, привлекательного, подлинно гуманистического в социалистической действительности, так все это благоприятно для развития всех сторон человеческого существования, что незрячие становятся ясновидцами, хранившие вынужденное молчание в течение долгих десятилетий зычно возвещают мир о своем появлении. Опыт рождения молодых литератур в Советской стране свидетельствует о возникновении новой закономерности, новых особенностей в развитии национальных культур вообще. Молодые литературы не проходят стадии младенчества и юности. Они сразу же при своем рождении предстают перед нами как литературы зрелые, красочные, оснащенные всем арсеналом современного художественного творчества. Причину зрелости, возмужалости в юном возрасте, основу мудрости и проницательности молодых литератур надо искать в условиях общественных, духовных, исторических, человеческих, в которых они зрели и набирали силу. Новая историческая общность советских людей, взаимная близость, «слышимость» социалистических народов, их равенство и дружба, отсутствие мрачных расовых предрассудков и национальных перегородок явились надежной колыбелью для быстрого, нормального роста молодых литератур. Без скрещивания светящихся лучей разных культур, без постоянного, ничем не регламентированного обмена художественными ценностями молодые по возрасту литературы не смогли бы осилить за короткий срок столь длинную дорогу.

С первых же дней своего существования Советская власть провозгласила мир, дружбу, равенство между народами, национальное равноправие. Пролетарский интернационализм стал единственной основой, на которой должны были строиться взаимоотношения людей во всех сферах их деятельности.

В социалистическом обществе снимается противоречие между желанием видеть собственную нацию сильной, гордой, идущей в авангарде прогресса и между невозможностью осуществить все это, не поступаясь непреходящими ценностями прошлого и грядущего. Желаемое и должное образуют единую нить. Устойчивое национальное чувство, свободное от крайностей — национальной исключительности и национального нигилизма. В понимании и осознании больших, важнейших проблем жизни между трудящимися стран социализма нет ни противоречий, ни расхождений. Корни единства людей разных народов находятся в реальной, земной, первоизданной глубине, в том необыкновенном сплетении наций, что зовется социалистической страной.

Увеличение запаса знаний о людях, о нациях, о землях, дальних и незнакомых, благотворно воздействует на эстетические представления, вкусы, мышление, характер человека. Свое кровное, освоенное сызмальства он невольно сравнивает с тем, с чем соприкоснулся впервые. В отдаленном от него многими тысячами километров он с изумлением обнаруживает знакомое, родственное, кото-

рое ожидало этой столь нужной для обеих сторон встречи. Встреча эта выражает властное требование самой жизни. Все дороги, ведущие к знакомству людей труда разных национальностей, освоению их опыта, — это и собственные, желанные дороги. В социалистическом обществе объем близкого, «своего», необходимого становится многовместимым. В этом состоит большая духовная сила социалистического интернационализма.

Еще не высохло материнское молоко на губах у советской литературы, как началась беспокойная возня вокруг нее за рубежом. Советская литература — детище Октября, детище социалистического общества — поведала человечеству о возникновении новых взаимоотношений между людьми, о победе разума, коммунистической нравственности, духа коллективизма, братства, интернационализма между народами. Оплеванное, цинично втопанное в грязь буржуазными писателями имя человека было очищено от клеветы, недоверия, мутной плесени. В произведениях советской литературы человек социалистического общества предстал крупной, незаурядной, многогранной, талантливой личностью с высококоразвитым разумом, тончайшим чувством гармонии мира, неколебимым борцом против зла и несправедливости, неумным строителем, тружеником, воином, до последнего удара сердца преданным своей партии, своему народу, своему социалистическому Отечеству.

Советская многонациональная литература существует и развивается как литература нового социального и эстетического типа. Советские национальные литературы сближает единство цели, единство коренных идейных устремлений. Оставаясь национальными, не утрачивая национальной первоосновы, национальной самобытности, они одновременно выступают как культуры интернациональные по духу своему, по своим нравственным и социальным устремлениям.

Социализм доказал всем народам доступность художественных вершин. Все народы наделены талантами, неисчерпаемыми возможностями бесконечного усовершенствования. Различные уровни культур народов, как это доказано опытом социалистического общества, объясняют не субъективными, не психологическими и прочими факторами, а разными условиями исторического, экономического и культурного существования наций. Свободное же, бескорыстное общение между социалистическими национальными культурами, помощь развитых литератур отсталым и вновь рождающимся литературам дали им возможность в короткий срок обрести самую себя, миновать мучительный путь замкнутого, герметического саморазвития.

Не подсчитано точно, но к октябрю 1917 года количество высококоразвитых национальных литератур не превышало двадцати. Кажется странным: за многие десятилетия, даже столетия литературы рождались так долго, редко, мучительно. Спустя же 60 лет со дня свершения Октябрьской революции они сделали прямо-таки поразительный шаг в своем движении.

Неверно предполагать, что духовные, эстетические накопления народов не находили в прошлом никакого выхода. Величественное по своим масштабам и значению народнохудожественное творчество — это философия, ум, нравственность народов, выраженные в сгущенном, концентрированном виде. Однако, несмотря на энциклопедичность и универсальность народного литературного творчества, оно было не в силах выявить все стороны народного духовного гения.

Обновляющая и возрождающая сила социалистических общественных отношений, помимо прочих условий, состоит в том, что при социализме происходит естественное включение культуры каждой, даже самой малочисленной нации в общемировой культурный процесс. Непрерывное увеличение количества литератур — это следствие качественного изменения экономической, социальной, культурной базы развития национальных культур. Социализм разомкнул уста многим народам, дотоле пребывавшим в состоянии глухоты и онемения. Социализм создает наиболее благоприятные условия для существования наций, их языка, культуры.

Равенство, равноправие народов не означает, что они уже стали полностью одинаковыми по своему опыту, традициям, краскам, особенностям. Эта разница, по-видимому, останется и в ближайшем будущем. Но произошло событие, чрезвычайно знаменательное для судеб национальных культур в социалистическом обществе. Сократились историческое расстояние, дальность между литературами, существовавшая между ними в сравнительно недавнее время. Литературы, обретшие жизнь в условиях социалистической действительности, достигли вершин художественного творчества. То, что они не прошли, казалось, обязательные для «нормальных» европейских литератур этапы развития, не отразилось на их эстетических качествах, на полноте, силе художественного мышления. Отсутствие необходимых, по мнению некоторых теоретиков, исторически последовательных звеньев не нанесло литературам почти никакого ущерба, не создало ощущения недоразвитости, прерывистости, дисгармоничности национального искусства слова. Если бы, к примеру, читатель произведе-

ний М. Ауэзова, Р. Гамзатова, Ч. Айтматова, Г. Мусрепова, А. Кеночкова, Ю. Шесталова, Ю. Рытхэу, В. Санги, С. Курилова, Г. Ходжера не знала об историческом прошлом их литературы, то он навряд ли догадался бы о том, что в этих литературах сравнительно недавно не было художественной прозы, жанров эпического повествования.

Высокая, стабильно чистая температура духовной жизни социалистического общества способствовала быстрому созреванию художественной энергии, обнаружению тех плодородных сторон творчества, которыми столь щедро одарена каждая нация. Главным стимулятором развития советского многонационального искусства была историческая общность советских народов, сложившаяся в СССР, о чем глубоко и исчерпывающе говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС на XXIV съезде Коммунистической партии.

Взаимные связи между различными национальными литературами существовали с давних времен. Художественная литература не в силах плодотворно развиваться в узком, замкнутом кругу, не общаясь с другими литературами, не осваивая, не переосмысливая все лучшее, что накоплено историей культуры. Понятие «взаимообогащение» означает, что общаются культуры самобытные, зрелые. Взаимообогащение подразумевает существование разных по своим конкретным эстетическим качествам литератур, иначе момент взаимообогащения исключается.

Коснемся еще одного важного вопроса. Для определения характера советской многонациональной литературы часто применяют формулу явно ошибочную. Пишут так: советская многонациональная литература — это океан, куда впадают реки отдельных национальных литератур. О несостоятельности этой формулы мне уже приходилось говорить на шестом Всесоюзном съезде советских писателей в прениях по докладу Н. П. Бажана. Отчего же эта формула неточна, мало обоснована? Когда реки впадают в океан, то они исчезают и растворяются в нем, теряют свой вкус, свой цвет, свой характер, свои особенности. Океан поглощает и обезличивает их. Разве соотношение советской многонациональной литературы и образующих ее отрядов национальных литератур напоминает эту безотрадную картину? Разве в советской многонациональной литературе исчезают и гибнут отдельные национальные литературы? Нет, конечно. Духовное, идейное, мировоззренческое единство советских национальных литератур не ведет к их унификации, утрате собственного лица. Идейное единство не исключает, а подразумевает многообразие, сияние неповторимых национальных красок.

22 апреля 1977 года на собрании литературоведов Таджикской республики в городе Душанбе я вновь раскритиковал эту формулу как неверную. Один весьма уважаемый ученый, правда, не филолог, а экономист, подошел ко мне после собрания и сказал, что он не согласен со мной. Реки, впадая в океан, — говорил он, — не исчезают в нем полностью. С помощью научных изысканий несложно установить, в каких слоях океана находится вода реки, влившаяся в него. Кроме того, — продолжал ученый, — Волга, например, впадая в Каспийское море, не гибнет физически, она прибавляет морю свою воду! Я возразил своему оппоненту: единство советской многонациональной литературы не носит такого характера, при котором в этом единстве следует путем химического анализа обнаруживать существование отдельных национальных литератур. Единство не вырастает из такой почвы, в которой перемешаны 76 национальных литератур. Если литературы должны исчезнуть в одном большом океане, то к чему тогда им появляться на свет? И потом — общечеловеческое ведь не есть наднациональное, очищенное от всех примет и особенностей конкретного реального мира той или иной нации? Общечеловеческое вырастает из национального путем масштабного художественного обобщения примет и особенностей национальной жизни. Да, правильно, Волга, впадая в Каспийское море, физически как масса воды не исчезает, а пополняет водные ресурсы моря. Но с того рубежа, где Волга впадает в Каспийское море, она уже перестает быть рекой Волгой. Единство — идейное, социальное, мировоззренческое — социалистических национальных литератур не ведет к такому обезличиванию, к такой потере своего оригинального лица. В тонких, необычайно сложных и щепетильных вопросах национальных культур иногда допускаются невинные, на первый взгляд, ошибки и неточности, приносящие вред.

В новой Конституции СССР законодательно закреплены великие завоевания нашей страны в области национальных взаимоотношений советских народов, в утверждении социальных, духовных основ интернационализма. Конституция признает высокую историческую ценность каждой нации, равенство, единство народов.

В статье 36 сформулированы существенные в Советской стране принципы национального равноправия, взаимного уважения между людьми разных национальностей. В Конституции сказано о том, что всякая проповедь расовой

или национальной исключительности, вражды или пренебрежения наказываается по закону. Статья 64 считает долгом каждого гражданина СССР уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей Советского многонационального государства. Новая Конституция СССР — это манифест реального, живого, притягательного по своей духовной сущности социалистического интернационализма.

Произведения советской многонациональной литературы изучают в социалистических странах — в Болгарии, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Польше. Группа немецких ученых из Института истории литературы Академии наук ГДР при содействии Института мировой литературы имени Горького АН СССР подготовила капитальный труд на немецком языке «Советская многонациональная литература».

Книга издана в июне 1975 года в Берлине. Появление подобных фундаментальных трудов о советской литературе в странах социализма не может не вызывать чувства удовлетворения. Исследовательская работа по изучению закономерностей развития тех или иных национальных социалистических литератур, расширение объема знаний, информация о том, что и как делается в странах социализма, способствуют взаимному обмену художественными ценностями, пробуждают в читателе интерес к другим национальным литературам, совершенствуют его социальное, художественное сознание.

Большим завоеванием советской многонациональной литературы последнего времени следует признать и заметный рост эстетического уровня, появление многих талантов в различных республиках. Художественная литература всегда считалась тончайшей сферой человековедения. В условиях зрелого социализма возрастают роль, значение человеческого в человеке, ценность духовная, нравственная. Литература социалистического реализма производит строгий осмотр человеческого материала, отбор тех качеств, тех черт личности, которые выковываются общественными условиями развитого социалистического общества. Литература стала намного взыскательней, требовательней к человеку, ко всем сферам его деятельности. Зрелое социалистическое общество должно быть зрелым и в материально-техническом отношении, и по уровню производства, и по высоте человеческой «стесимости». Те, даже небольшие огрехи, несовершенство поведения и поступков в семье, обществе, вообще среди людей, которые раньше, возможно, не были бы и замечены, ныне не могут быть прощены человеку: они выносятся на строгий общественный суд. Возрос критерий человечности, измеритель нравственной полновесности. Советская многонациональная литература смело, решительно, неотступно борется за лучшее в человеке. Не требует особых доказательств тот неоспоримый факт, что ныне во всем мире на литературу социалистического реализма возложена основная функция культуры — отстаивать и создавать истинные гуманистические ценности, бороться за человека, утверждать его величие, огромную притягательность его деяний, его ума и сердца. Человек нуждается в защите. В реакционной буржуазной художественной литературе его образ опошлен, почти полностью разрушен, оплеван. Литература же стран социализма постоянно подтверждает, доказывает, что только социализм способен сохранить, развить человеческое в человеке.

Отличительное качество многих художественных произведений советской многонациональной литературы, появившихся за последнее время, не сводится к однозначному определению. Говорить об обостренном внимании к нравственным, духовным проблемам как о главном их признаке явно недостаточно. Вторая особенность — пристальное, взыскательное исследование так называемого психологического микромира личности тоже важно, но и оно не дает еще полного представления о характере литературного процесса.

Единство нравственного и социально-психологического аспектов, раскованность мысли, формы, проблемная масштабность... Возможно, именно эти понятия приблизили бы нас к пониманию того, по каким путям движется советская литература наших дней.

Советская многонациональная литература встретила 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции в полном расцвете своих поистине неисчислимых, все возрастающих и умножающихся творческих сил. Она не только отражала величайшие процессы, происходившие в первой стране социализма, но и помогала созданию новых форм жизни, нового типа человеческих взаимоотношений. Советская многонациональная литература — это литература нового социалистического мира, высоко поднявшая ценность, значение, величие человека, могущество его мысли и деяний, красоту его чувств, раздумий, переживаний. Это жизнеутверждающее большое многогранное искусство, живое, вечно развивающееся и обновляющееся.

Великий Октябрь и грузинская литература

Период индустриализации и коллективизации в литературе был отмечен дальнейшим развитием и укреплением пролетарской литературы. В ее ряды влились талантливые молодые силы. Выросли новые кадры, постепенно повысился престиж и вес пролетарской литературы в грузинской советской литературе в целом. Продуктивную творческую работу вели такие представители этого поколения, как А. Машавили, К. Каладзе, К. Лордкипанидзе, Э. Полумордвинов, П. Чхиквадзе, И. Лисавили, Г. Мдивани, С. Эули, И. Вакели, Н. Зомлетели, Б. Чхеидзе, К. Бобохидзе, Г. Качахидзе, П. Нароушвили и другие. Советская действительность, социалистический образ жизни составляли главную тему их произведений.

Другую литературную группу этого периода составляли представители старшего поколения, которые встали на путь сотрудничества с Советской властью и были известны в те годы под именем «попутчиков». С развитием социалистического строительства, с упрочением экономического положения страны все более очевидной становилась беспочвенность и обреченность надежд, которые некоторые литераторы питали, руководствуясь буржуазно-националистическими идеями. Именно на этой почве происходила дифференциация таких писателей и переход их лучших представителей на магистральный путь советской литературы.

Начался раскол и распад таких литературных групп, как «Голубые роги». Ее передовые представители, такие как Г. Леонидзе, П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, Р. Гветадзе, С. Клдиашвили, К. Надирадзе, Ш. Апахидзе, постепенно отмежевывались от традиций декадентской литературной школы и все ближе подходили к реалистическому отображению социалистической действительности. Стала распадаться также и группа «академических» писателей — Л. Кначели, Н. Лордкипанидзе, Ш. Дадиани, И. Мосашвили, С. Шаншиашвили и другие.

Все более уверенный курс на сближение с социалистической новой Советской Грузией взяли и бывшие футуристы С. Чиковани, Д. Шенгелая, А. Белиашвили, Д. Гачечиладзе.

Но даже массовый поворот в этот период представителей старшего поколения в сторону советской литературы еще не обозначал того, что старые идеи и литературные воззрения были окончательно изжиты. Не случайно именно в эту пору на обломках старых, подвергшихся критике и осуждению литературных группировок возникла новая группа — «Арифони». Вошедшие в нее писатели не стояли твердо на платформе Советской власти, испытывая колебания между старым и новым. Именно поэтому они примыкали то к одной группе, то к другой. Так, к примеру, возглавлявшие «Арифони» Геронтий Кикодзе, Михаил Джавахишвили, Константин Чичинадзе на каком-то этапе вышли из состава Всегрузинского Союза писателей и примкнули к «голубороговцам» в рамках «нового» Союза писателей. Во всяком случае, их представители были делегатами на I Всегрузинском съезде писателей. Своей практической творческой деятельностью они как будто тоже поддерживали новую власть, боролись за создание искусства, созвучного новой эпохе. В связи с этим достаточно вспомнить «Обвал» и «Белый воротник» Михаила Джавахишвили, «А. Т. Э.» и «В самое сердце» Шалвы Дадиани и другие произведения. Однако, несмотря на это, позиция журнала «Арифони», первый номер которого был выпущен в 1928 году, была непоследовательной, что отразилось и в открывавшем его литературном манифесте.

Окончание. Начало в №№ 3, 4, 5, 7, 9.

Это заявление не противоречило кредо «Академической ассоциации» и «Голубых рогов», и как обычно в ту пору, в нем не декларировалось отмежевание от этих литературных групп. Но в декларации «Арифони» речь — и весьма позитивная — идет о революционной Грузии. Некоторые из напечатанных здесь произведений также вошли в фонд советской литературы: «Княжна Майя» Лео Киачели, «А. Т. Э.» Шалвы Дадиани, «На перевале» Ило Мосашвили и другие. В частности, стихотворение Ило Мосашвили, которое предварялось словами Ильи Чавчавадзе: «Мы должны следовать сейчас за иной звездой, мы должны созидать грядущее, мы должны дать будущее народу», — заканчивалось так:

**Явился рыцарь со стальной дланью
И на новый путь увлек меня...**

Эти строки написаны поэтом, который раньше был типичным представителем «Академической ассоциации». Попытками приблизиться к революционной Грузии следует считать также «Стену» Давида Сулашвили, «Большевика» Левана Метрели и другие произведения. Все это, безусловно, следует занести в актив советской литературы.

Но правы были также и грузинская критика 20-х годов, и II Всегрузинский съезд писателей, когда осудили некоторые опубликованные в этом сборнике произведения, в том числе «Дампатижэ» Михаила Джавахишвили и «Арифони в Эрети» Геронтия Никодзе. Критика была суровой, но не бесосновательной. В этих произведениях, хоть они и отмежевывались решительно от взглядов националистов, можно было увидеть вневременной, внесоциальный подход к происходящим событиям, некритическую идеализацию прошлого.

Передовые же грузинские писатели того времени вели ожесточенную борьбу против любых проявлений безыдейности, аполитичности, осколков литературной групповщины. То был период, когда эта борьба в определенном смысле вступила в решающую стадию. Именно в эти годы Галактион Табидзе написал свои знаменитые строки:

**Твой стих с тобой брал века высоту,
Решал бесстрашно и судил пристрасно.**   **Не оставляй его, как сироту,
Вне времени и вне пространства!**

Эту же мысль поддерживает Георгий Кучишвили:

Считите —   **Нам заново надо**
    что требует слова,   **и снова**
Кто красками   **Воспеть**
    выразит век?   **индустрии бег.**

Поднимал свой голос против аполитичности и безыдейности Алио Маша-швили:

**Нет! Жизнь не тихая байдарка,
вы забываете притом:
одно — когда гулять по парку...
Другое — если жить стихом!
А я — поэт, и это значит,
я должен людям свет добыть.**   **И должен сам тройне быть зрячим,
иначе и не может быть...
Жизнь ощущая каждым нервом,
ударами подставляю грудь.
Певцу положено быть первым,
найти непроторенный путь!**

Другой пролетарский поэт — Карло Каладзе — в стихотворении, датированном 1927 годом, возглашал:

**Одолела б нас кручина,
Истомила б нас печаль,
Если б мы в бою геройском**   **Не сражались вместе с войском,
Если б нам для гор высоких
Динамита было жаль!**

В эти же годы против «затворничества» от эпохи, против комнатного уединения выступил Симон Чиковаки:

**Поэты, не тратьте на опись чернил.
Изменим страну и обрушим гранит.**   **Но комнатный демон лицо сохранил.
И комната рухлядь свою сохранит.**

Процесс перехода грузинской литературы на рельсы творческого сотрудничества с Советской властью приобрел в этот период массовый характер.

20 — 30-е годы характеризовались последовательной борьбой передовой части грузинских писателей за утверждение и укрепление социалистического искусства, таких его основополагающих принципов, выдвинутых В. И. Лениным, как народность и партийность.

Грузинская ассоциация пролетарских писателей в этот период представляла собой филиал РАППа, искажавшего политику партии в области литературы. Позднее партия специальным постановлением исправит вульгаризаторские левацкие ошибки рапповцев, которые, в частности, выступали также и против ленинских положений о национальной культуре. Рапповцы утверждали, что лозунг национальной культуры является реакционным лозунгом, что создаваемая пролетариатом новая культура — не национальная, а наднациональная. Они нападали на представителей старших поколений за каждое упоминание слова «родина», не щадили также и молодых пролетарских писателей, если обнаруживали в их произведениях хотя бы малейший намек на национальный мотив.

Сохраняя верность своему пресловутому лозунгу: «Или союзник, или враг!», рапповцы подвергали последовательной и постоянной травле таких писателей старшего поколения, как И. Гришашвили, Л. Киачели, А. Абашели.

Вульгаризаторские «левацкие» оценки, дававшиеся рапповцами творчеству лучших грузинских писателей, несомненно, тормозили развитие литературы, мешали искреннему стремлению литераторов всех поколений к совместному единому сотрудничеству, к сближению с советской действительностью. Именно этим и объясняется резкий отпор, который был дан подобным вульгаризаторским наскокам выступлениями Л. Киачели, Р. Гветадзе, а также Д. Сулиашвили на одном из литературных диспутов.

Не избежала нападок рапповцев и классическая грузинская литература. Грузинские писатели, руководствуясь партийными документами и постановлениями, преодолевали трудности, созданные ошибками РАППа и других литературных группировок. Несмотря на все препятствия и сложности, грузинская советская литература неуклонно шла по пути прогресса и развития, все более тесного сближения с социалистической действительностью. Грузинские писатели по мере сил старались достойно отразить ее в своих лучших произведениях.

* * *

В грузинской литературе рассматриваемого периода основное место занимают темы индустриализации и колхозного строительства. Грузинские поэты, прозаики, драматурги, естественно, откликнулись на эти социальные процессы, имевшие целью коренное преобразование страны. Первенцем этого строительства — ЗАГЭС — нашел широчайший отклик в творчестве грузинских писателей. Он вдохновил поэтов на создание множества стихотворений, среди которых для иллюстрации можно назвать несколько наиболее интересных, написанных А. Абашели, А. Машашвили-Мирцхулава, И. Мосашвили, С. Шаншашвили... Они сопоставляют новое возрождение страны, индустриализацию и электрификацию, первые огоньки электрических лампочек с беспросветным прошлым, которое напоминает о себе лишь в виде серых развалин Микета и Армази.

Даже такой в недавнем прошлом правоверный представитель грузинского символизма, как В. Гаприндашвили, под влиянием преобразований, происходящих вокруг него, публикует одно за другим стихотворения реалистического характера, проникнутые революционной патетикой, вдохновенные настроением «прощания с далекими призраками и миражами» и сближения с реальной жизнью («Ответ», «Баку», «Антология и бетон» и др.). Этот пример показывает благотворность воздействия социалистического переустройства жизни на сознание представителей художественной интеллигенции.

В грузинской поэзии 20-х — начала 30-х годов широко отразилась тема наступления «века индустриального», причем поэты искали высокопоэтическую, высокохудожественную форму для воплощения ритма и пафоса революционного созидания. Так, образ нового города, вставшего на путь обновления и возрождения, дает Р. Гветадзе в стихотворении «Новый рабочий дом на улице Чонкадзе». Поэт описывает, как застраивается и хорошеет Тбилиси, как осветили «лампочки Ильича» квартиры рабочих, как кипит металл, чтобы «завтра встала цемента цитадель».

Величественный гимн индустриальному веку прозвучал в стихотворении Г. Табидзе «Эпоха родилась и крепла...»:

Эпоха родилась и крепла,
В гражданских бурях крещена,
Из грома битв, огня и пепла
Пришла в смятенный мир она...

...Еще вокруг немало шепок
И бревен, годных лишь на слом.

Но остов дома прям и крепок,
Хоть много рухляди кругом.

Еще шагать у стен не просто,
Еще лесами скрыта даль,
Но дом растет, стремится к звездам,
И труд с бетоном вяжет сталь.

А человек, как дерзкий зодчий,
Разметив заново года,
Провидит все ясней и зорче
Торжественный венец труда —

Страды великой завершенье,
Воспламеняющее взор.
И недругам наперекор —
Отечества преобращенье.

Строительству нового мира, героическому труду советских людей посвятит А. Машавили-Мирцхулава одно из лучших своих стихотворений этого периода — «Ударные бригады». В этой песне, славящей энтузиазм и самоотверженность советской молодежи, объединились романтика и патетика.

Среди наиболее примечательных стихотворений и рассказов, посвященных грузинскими писателями теме индустриализации и социалистического строительства, следует упомянуть также «Стихи о Тбилиси» И. Вакели, «На трудовом фронте», «ЗАГЭС» К. Каладзе, «Радиомолния феррогиганта» и другие Г. Кучишвили, «Герой и поэт», «На паровозоремонтном заводе имени Сталина» Г. Леонидзе, «Шахтные прелюдии», «Рабочий-изобретатель» К. Лордкипанидзе, «Сказка и быль» С. Эули и другие.

Итак, можно сказать, что эпоха социалистического переустройства хозяйства в нашей стране вызвала также и благотворные перемены в процессе идейно-творческого перевооружения литературы. Грузинские писатели укрепили связь с советской действительностью, обогатили свое творчество новым содержанием, новыми изобразительными средствами, новыми чувствами и настроениями.

* * *

Значительнейшим историческим процессом, наряду с индустриализацией преобразившим облик страны и народа, был переход сельского хозяйства на коллективные рельсы. Разумеется, он также не мог не найти своего отражения в грузинской советской литературе. Колхозная тема заняла в ней одно из ведущих мест. Грузинские писатели постарались отобразить в своих произведениях те грандиозные социальные перемены, которые возникли на селе в результате коллективизации. В ходе этих перемен преобразились облик и экономика села, коренной перелом произошел в сознании и умонастроениях крестьян.

Эта тема обогатила грузинскую литературу многими выдающимися творениями. Из их числа в первую очередь следует назвать «Долой кукурузную республику!» К. Лордкипанидзе, «Тревогу» А. Машавили, «Пробуждаются горы» Э. Полумордвинова, «Революционную Грузию» Г. Табидзе и другие произведения, объединенные общим тематическим кругом, посвященным коллективизации села. В целом произведения этого типа, несомненно, следует признать ценным вкладом в грузинскую советскую литературу.

Их значение определяется не только тем, что они непосредственно откликнулись на процесс колхозного строительства, воссоздавали образы людей, осуществлявших коллективизацию, их самоотверженность и героизм. Главное было в том, какую роль они сыграли в воспитании сознания советских людей в духе коллективизма, как показывали им перспективу новой жизни, в силу чего произведения этого ряда превратились в серьезную воспитательную силу, в фактор могучего воздействия на сознание масс. Разумеется, не все из перечисленных выше произведений обладали одинаковыми художественными достоинствами, но все они объединялись тем обстоятельством, что их авторы чутко и своевременно реагировали на социально-исторические процессы, происходившие в жизни нашего общества, отображали чрезвычайно важный и интересный этап нашей жизни.

Большое количество лирических стихотворений грузинских поэтов было вызвано к жизни процессом коллективизации деревни. Среди них назовем «Письмо соседям-колхозникам» Г. Качахидзе, в котором автор, обращаясь к своим соседям, избравшим новый путь в жизни, говорит:

Если мы поверим в то, что это — надо,
Все ограды и замки уступят нам!

И поверьте: нет на свете той преграды,
Чтобы не сдалась большевикам.

Это стихотворное послание джихаишским колхозникам проникнуто верой в правильность избранного пути, чувством социального оптимизма.

Если при рассмотрении произведений грузинской литературы, посвященных теме коллективизации, придерживаться хронологического принципа, первыми среди прозаических жанров следует назвать рассказы «Новые крестьяне» К. Лордкипанидзе и «Первый трактор» С. Шаншиашвили. В рассказе С. Шаншиашвили описывается первый год коллективизации. Писатель убедительно раскрывает преимущества колхозов перед индивидуальными хозяйствами. Колхозники совместными силами приобретают трактор. В столкновении с ними терпит поражение и гибнет классовый враг. Несмотря на то, что рассказ на-

писан довольно схематично, он все же заслуживает внимания, как первая попытка освоить новый тематический пласт.

И все же первым произведением, в котором начало колхозного строительства в Грузии получило относительно полноценное воплощение, следует признать повесть К. Лордкипанидзе «Долой кукурузную республику!». Ее публикация началась с первого в 1931 году номера журнала «Мнатоби». В повести ярко отображен облик грузинского села периода, когда наша партия взяла курс на ликвидацию кулачества как класса. К. Лордкипанидзе сумел показать крупные социальные конфликты, ожесточенную классовую борьбу, которой сопровождался первые годы коллективизации. В процессе этой борьбы и сопутствующих ей острых столкновений росли и выковывались руководители колхозного строительства — сельские большевики.

Литература, по словам А. М. Горького, — человековедение. Это, однако, вовсе не означает одинакового отношения ко всем жизненным явлениям и фактам безотносительно к их политическому и социальному значению. Верным компасом, помогающим различать это значение, является партийность литературы, ее прочная связь с жизнью. Именно в защиту этого положения выступал в свое время В. И. Ленин, критикуя довольно распространенный «принцип» — «писатель пописывает, а читатель почитывает». В своей работе «Партийная организация и партийная литература» он указывал, что литературное дело менее всего поддается уравниловке, нивелированию.

К сожалению, это ленинское указание предали забвению рапповцы, толкавшие литературу к единообразию формы и содержания, отрицавшие многообразие, поиск, различные стили. Грузинской литературе также пришлось повести борьбу против рапповских ошибок, тенденций уравниловки.

К примеру, можно сказать, что унаследованная от великого Руставели и выраженная его гимном «любви возвышающей» традиция любовной, интимной лирики была продолжена, развита и обогащена в грузинской литературе XX столетия такими произведениями, как «Расколотое сердце» Ш. Арагвиспирели, «Страсть мученическая», «Погасший ореол» В. Барнова, «Улыбка Диониса» К. Гамсахурдиа, «Пуговица от перчатки» и «Свадьба в нашем районе» И. Гришавили, «Кбача опоздал» М. Джавахишвили, «Свидание кипчага» Г. Леонидзе, «Мери», «Могильщик» Г. Табидзе, «Тамунии Церетели», «Меня разбойники убили на Арагви» Т. Табидзе, стихи П. Яшвили.

В двадцатые годы нашего столетия эта традиция была развита и обогащена новыми интонациями и красками — порою трагическими (Г. Табидзе), порою чувственно-возвышенными (И. Гришавили). Г. Леонидзе, как бы полемизируя со своим великим предшественником Н. Бараташвили, возглашает, что любовь вдохновляется не только душевной красотой, но и живой прекрасной плотью.

* * *

Даже из столь краткого и общего обзора становится ясно, что грузинская литература путем преодоления серьезных трудностей, противоречивых творческих позиций и концепций, сплочения организационно разрозненных групп и школ сразу же после Октябрьской социалистической революции и победы в Грузии Советской власти, сознательно и целеустремленно взяла курс на сближение с новой действительностью, поставила все свои силы и возможности на службу интересам народа, вставшего на путь социалистического строительства. Очевидной должна была стать и благотворность воздействия идей Великого Октября на все здоровые и талантливые силы грузинской литературы — как вышедшие на арену в условиях послереволюционных, так и представлявших более старшие поколения, которым пришлось пройти длительный и порой нелегкий путь идейно-творческой эволюции, чтобы преодолеть груз прошлых, непригодных в новых условиях традиций и пристрастий. Общий курс, последовательно направленный к овладению и выработке эстетических принципов искусства новой эпохи, искусства социалистического реализма, диктовался жизнью. И грузинские писатели смогли достойно воплотить небывалый в истории этап жизни грузинского народа в высокохудожественных и реалистически правдивых произведениях. Мужая и развиваясь в сложных идейных и творческих битвах, грузинская художественная литература верно выполнила свой долг служения народу, избравшему новый путь. И в этом главный итог, определяющий значение идей Великого Октября для развития нашей художественной культуры, грузинского художественного слова.

ОДНО из величайших завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, детище ленинской национальной политики — дружба народов, достигшая в нашей стране за годы Советской власти невиданного расцвета, пронизывает многие стороны нашей жизни. Самым плодотворным образом сказалась она и на духовной сфере народов, населяющих Советский Союз. Взаимосвязь и взаимовлияние культур — один из аспектов этого процесса. В дни празднования 60-летия Великого Октября рассказ о наиболее ярких проявлениях его представляется заслуживающим внимания. В этом русле — и публикуемая ниже статья Геннадия Волкова о человеческом и творческом преломлении содружества чувашского поэта Хузангая с Грузией и ее поэтами.

Геннадий ВОЛКОВ

ВОСПЕВАЯ ГРУЗИЮ

Кура — вдохновенье мое!
П. ХУЗАНГАЙ.

ПОЛЬЗУЯСЬ правом давнего друга крупного чувашского поэта Педера Хузангая, хочу поделиться некоторыми наблюдениями, касающимися малоизвестных, а то и неизвестных сторон влияния грузинской культуры на духовную жизнь одного из братских народов Советского Союза — чувашского народа. Наиболее полно оно прослеживается на примере жизни и творчества такой яркой личности, как Педер Хузангай. Вся жизнь этого поэта-трибуна, страстного публициста, лучшего из чувашских критиков, великолепного переводчика, человека многогранного таланта, певца дружбы народов, национального героя и любимца всей Чувашии была неотделима от неустанной борьбы за расцвет национальной культуры и рост национального самосознания. Великий сын чувашского народа Хузангай, можно сказать, был и певцом горячо любимой им Грузии, которая занимает огромное место в его поэзии.

Еще в юношеские годы по произведениям Пушкина, Лермонтова, Толстого поэт сроднился с вольнолюбивыми народами Кавказа. В 1927 году он впервые посетил Грузию и написал о ней свои первые стихи. Позднее они во-

шли в состоящий из 27 стихов цикл «Южные мотивы». Он явился заметной вехой на пути к дальнейшему расцвету поэтического дарования Хузангая. Пока опубликовано только 15 стихотворений этого цикла. В Батуми поэт прощается с морем. Заключительное стихотворение цикла так и называется — «Прощанье с морем». Там есть такие строки:

*Я знаю, что здесь буду не однажды,
Волненья и надежды не гая.*

Тогда еще юный двадцатилетний поэт объясняется в любви морю, которое, как и горы, при первом же посещении Грузии Хузангаем воспринимается как ее неотъемлемая часть. К этой теме он возвращается неоднократно и в своих поэтических творениях, и в частной переписке. Поэт и в национальном характере грузин ищет величавость гор и мятежность моря. Его «сердце всегда здесь вдохновенья полно», ему «здесь хочется мечтать, дерзать, творить». «Поэзии сродни вот эти волны», — напишет он, чтобы позднее признать: «Поэзии — родня вся эта милая страна». Не терпящий серийных рифм, он дорожит парой: «Грузия — поэзия», прибегая к ней лишь изредка в друже-

ской беседе. Эта поэтическая страна становится и страной его поэзии.

Начиная с первой книги, вышедшей в 1927 году, и кончая изданиями посмертными — всюду встречается Грузия. И дело не только в кавказско-грузинских циклах. Так, например, еще после первого посещения Грузии в лирическом цикле «Возлюбленная» появились стихотворения на грузинские темы. Одно из них — «В этот миг о тебе мои думы...». Впервые оно было опубликовано только в 1963 году, а затем — в 1968 году самим автором включено в первый том его «Сочинений». Его нет в переводе ни на русский, ни на грузинский языки. Есть там такие образы: «Распалось сердце, как разбушевавшаяся Кура», «Солнце Сакартвело жаркое, но горячее солнца — любовь». «Из-за такого солнца что ли ненаглядные девы Грузии столь полны очарования...».

...Через полчаса предстоит расставание с землей и языком Руставели. Поэту грустно, и он в стихах повторяет грузинские слова: «До свидания, — сказал ты, — мшвидобит! Этот вечер весь звенит по-грузински!».

Плененный Грузией, Хузангай до самой смерти использует в своих стихах грузинские слова, рифмует их с чувашскими, заучивает наизусть грузинские стихи, афоризмы, благопожелания, много раз приступает к изучению грузинского языка, чтобы с подлинника перевести Руставели. В последний раз самым решительным образом берется за это дело после участия в праздновании 800-летия со дня рождения Шота Руставели, но умирает, не успев закончить перевод «Витязя в тигровой шкуре». На устах его до последних дней были грузинские слова. Он произносил их старательно, с особым трепетом прислушивался к их звучанию, находя, что многие из них созвучны чувашским.

После посещения Грузии в 1930 году он пишет новые стихи. И опять мы находим их не только в цикле «Южные мотивы», но и в цикле «Возлюбленная» и в других. Среди них есть датированные 1930 годом, с указанием места написания — Тбилиси. Кстати, впоследствии к своим лучшим стихам о Грузии поэт относил цикл, написанный в 1930 году.

Перечитывая Хузангай, внимательно ищущу в полсотне его книг те, в которых нет Грузии. Нахожу одну, это — третья книга тогда еще молодого поэта, изданная в Москве в 1931 году. В ней действительно нет ни одного стихотворения, непосредственно посвященного Грузии, но зато есть маленькая поэма «На Кавказе», воспеваящая страну Руставели. Начинается она так:

Слово «Кавказ» в памяти моей
Рождает образы такие:
грустная Грузия, плачущая зурна...

И далее почти все — опять о Грузии. Сначала те образы, которые навеяны со школьной скамьи: Эльбрус, Кавказ, Хаджи Мурат, Печорин, Волга, Дария, Тавар, Лермонтов, Пушкин, Толстой.

«Кавказ всегда тянул к себе поэта», — признается Хузангай. Вспоминая Есенина, Маяковского, он говорит: «С благодарностью поднимаю имена, равные знаменам». И вот Хузангай в Грузии. Язык его чужд грузинам, но — сердце бьется в унисон, понять друг друга просто.

Поэты Грузии,

благодарю вас всех!

Нас

единая мечта

объединяет! —

пишет Хузангай.

Вспоминает и Руставели — вершину Парнаса и современных последователей его. С любовью пишет о своем любимом друге Машавили: их обоих одна борьба мобилизовала, обоим им только революция дорога. Хузангай приглашает его в свою холодную страну на Волге и по-мальчишески клянется не вспоминать Кавказ в отрыве от имени грузинского друга.

Позднее, уже после войны, возникает новый цикл — «Кавказские стихи», в котором опять возобладала грузинская тема. Наиболее полно этот цикл представлен впервые в книге «Вздыбленные волны», вышедшей на чувашском языке в 1967 году. В нем — 23 стихотворения, многие из которых еще не переведены ни на один другой язык.

Первое стихотворение — обращение-посвящение носит ритуальный характер. Название «Ман килес» трудно передать на любом другом языке, ибо оно связано со специфическим национальным приветственным предупреждением о своем приходе. В нем воспеты Кавказ, который назван «родной мой», Мериани... У Хузангай, родившегося на севере, в сердце — южная кровь. Хотелось бы побывать ему еще не раз здесь, но едва ли удастся: пожалуй, он последний раз на дорогом его сердцу Кавказе. Несмотря на бодрый в целом тон стиха, то и дело в нем прорываются элегические нотки. О Грузии — стихи «У дворца Тамары», «Медвежонок из Пасанаури», «В жизни бывает и такое...», «Пури, квели да хвино», «Волны — воды Черного моря», «На Мтацминде», «Дороги Мингрелии», «В музее чей-то облик», «Соскучился я по родному слову», «В вечернем Тбилиси», «Рог», «Грузии»... В этих стихотворе-

¹ Поэма не переводилась на русский язык. Здесь и далее дается в моем подстрочном переводе. — Г. В.

ниях то и дело встречаются слова — «гамарджоба», «Орвела», «ваша», «ге-нацвале», «Вепхисткаосани». В стихах — заветы Руставели, мелодии Палиашвили, «Меж лепестков красной розы в ковше капля цинандали сияет как утреннее солнце на росе», Зугдиди, портреты князей Дадзиани в музее, чонгури, поющие по-грузински, Шамхор, духан... Это — не случайно пришедшие на ум слова и имена, например: один из князей Дадзиани был покровителем и воспитателем чуваша Петра Егорова, выдающегося архитектора, автора лучших сооружений Петербурга, в том числе — и ограды Летнего сада... «Молодость начиналась в Грузии», — говорит поэт. «Быть может, я первый из чуваш беседуя с Кавказом по-чувашски», — размышляет Хузангай, вспоминая первые встречи и первые стихи юных лет.

Особое место в этом стихотворном цикле принадлежит элегии «Узнал я: тебя нет в этом мире...». Элегия автобиографична: в ней — слова нежности покинувшей этот мир возлюбленной, с которой обстоятельства разлучили поэта. С улыбочкой она называла поэта «мой чуваш». Стихотворение перекликается с приветственным эгегическим вступлением «Ман килес». В нем грустное признание в том, что этот приезд на Кавказ может быть последним. А в этой элегии — известие о смерти любимой. Все возвращается «на круги своя»: тебя уже нет, и меня скоро не будет.

В кавказском цикле Грузия присутствует весомо, зримо в стихах, не посвященных ей. Это и «Человек с альпештоком» — посвящение большому другу грузинской поэзии Николаю Тихонову, и «Фатима» — о встрече с девушкой в Дарьяльском ущелье, «отец ее — осетин, а мать — из Грузии», и маленькая поэма «В Северной Осетии» — о столетнем юбилее Коста Хетагурова («на празднике звучит и грузинская речь»), четверостишие Ираклию Абашидзе, окруженному со всех сторон почитателями, просящими автограф...

..Беру книгу за книгой. Читаю-перечитываю. Вдруг обнаруживаю книгу «Стихи и поэмы», изданную в серии «Школьная библиотека» в 1948 году, в оглавлении которой нет ни одного стихотворения, ни одной поэмы на грузинские темы. Продолжаю читать заинтересованно. Воц стихотворение «Великая дружба» — фронтовая зарисовка с натуры: «Ранен снайпер Георгиезе, смелый и отважный грузин. Его выносит с поля боя русский из Калуги Ильин». А в поэме «Двадцать шесть» «грузин, черкес и армянин — все ждут свободы, все народы», главные герои поэмы — Шаумян, Азизбеков, Джапаридзе. Даже в поэму «Владимир Маяковский» Хузан-

гай включает «грузинский элемент» вне биографической детали: «Зима. Сто лет без Пушкина Россия. Россия, Грузия, Франция.. — весь мир!». Вот чисто национальное посвящение «Константину Иванову», и в нем все-таки есть строки:

Мне шумный памятен привал.
Грузин воскликнул: «Руставели!»,
Бакинец Низами назвал,
Украинцы Шевченко спели.

Беру первый том «Избранного». В большом цикле, посвященном родной деревне «Сиктерме», есть стихотворение «Осенние мотивы». В нем следующие примечательные строки:

В Москве ли вы, собратья по работе?
На Волге ли грудиться вам дано?
В Туркмении без друга чай вы пьете
Иль в Грузии искристое вино?
Влюбился ли в поющий, светлый
Киев? —
Вы близки мне: отвага нас роднит.

А в «Ночи перед боем» нет грузина, но «щепотку грузинского чая бросает татарин Каримов в крутой кипяток». И дети разных народов перед боем пьют чай и думают об Отчизне. Таких примеров можно привести не десятки, а сотни. Среди них есть и мелкие штрихи, но совокупно они создают величественную картину духовного и нравственного единства советских народов, которое прослеживается и по письмам Хузангай из Грузии, которые он писал мне в радости и в грусти.

В одном из этих писем поэт радуется по поводу того, что газета «Заря Востока» опубликовала статью А. Студенецкого, в которой упоминается и чувашский просветитель И. Я. Яковлев, по словам В. И. Ленина, человек богатырского духа. «Газету берегу, привезу тебе. И на грузинском дан тот же материал. Грузинские поэты опубликовали много стихов». — пишет Хузангай. Последнее предложение напоминает строки «Рога», посвященного Тициану Табидзе: «Из всех обычаев грузинских более всего люблю тот, что поэтам оказывается честь великая». Далее Хузангай сообщает в письме: «Написал Ираклию (Абашидзе. — Г. В.), чтобы поручил перевести их и прислал мне».

В этом же письме описывается еще один радостный факт. «В день возвращения Андрияна и Павла в Тбилиси грузинка по имени Лаура — жена доктора Сичинава — родила близнецов: один — Андриян, другой — Павел. Мать очень красива! Смотрю на снимок и не нарадуюсь. Сыновья — похоже что долетят до Марса. С превеликим удовольствием спят по обеим сторонам матери!».

20 сентября 1966 года в Грозном в гостинице «Кавказ», в номере 29, Хузангай завершает свое поэтическое обращение к народу Руставели — «Здравствуй, Грузия!». В тот же день этот материал с письмом отправляет мне.

«Читая Руставели, думая о нем, нельзя не думать о всей Грузии» — начинается приветственное обращение. «Юбилей великого поэта застал меня в процессе работы над переводом его поэмы на мой родной язык. Чеканный ритм «шайри» властно врывается в стихию чувашской поэтики и подсказал мне размер: этих скромных восьмистиший», — завершает поэт. Поэтическое послание начинается так:

Здравствуй, Грузия! Я знаю:
Ты — поэзия сама.
Как стихи, тебя читаю
От холма и до холма.

На чувашском языке стихотворение опубликовано в 1967 году в книге «Вздыбленные волны» под названием «Грузии». Удивление и восхищение содержится в каждой его строке:

Вместо «здравствуйте!» — «победа!»
Говорят твои сыны.

Поэтически обзревая историю Грузии, Хузангай заявляет:

Кто не зарился на пышный
Сладкий Грузии пирог?
Не хранил тебя всевышний,
А родной народ сберег.

О себе он пишет:

Я вхожу, как в храм свой эллин,
В строй грузинского письма.

И тут же объясняет причину своего благоговения:

И величественным зданьем
Выше горного хребта
Предстает простой «анбани»,
Потому что в нем Шота.

Для меня прилагает и самим им составленный словарь, в котором и Картлос — прародитель картвелов, это — разъяснение к строкам:

Но неистребима была
Семья Картлоса в веках.

В частной, интимной переписке слово за словом доверительно сердечное о Грузии: «...совершу бегство в Грузию», «перевожу «Мерани» и т. д.

Проявляя неизменный интерес к Грузии, Хузангай читал о ней очень много. Изучал квалифицированно. Взгляд

поэта соединялся с философским подходом. Это чувствовалось во всем — и в поэзии, и в публицистике. Он читал сам и привлекал мое внимание к заинтересовавшим его материалам, меня сохранились вырезки большой статьи «Музыка, ожившая через тысячелетие» из газеты «Заря Востока» (от 23 августа 1962 г.). На полях и в тексте многочисленные пометки Хузангай, выражающие его восхищение древней культурой Грузии.

Постоянный читатель журнала «Литературная Грузия», Хузангай передавал мне отдельные его номера. Один из них сохранился у меня: я его выпросил у него. Внимание Хузангай привлекла третья строфа стихотворения Михаила Дудина: «Восемь строф на могилу Георгия Леонидзе».

Много следов внимательного чтения сохранила статья Владимира Мачавариани «Время, человек, литература». Рядом с названием — крупными буквами «NB!». Подчеркивания, пометки на полях, особые знаки внимания есть на всех страницах. Они многочисленны (на странице 63 — одна пометка, на стр. 65—4, 67—3, 68—5, на 69—7 и т. д.).

Не раз Хузангай возвращался к последнему абзацу на странице 65 и к первым двум абзацам на странице 66. О чем они? Автор статьи пишет: «Надо было бы, во-первых, глубже вникнуть в ленинскую теорию наций, которой в недавние годы, особенно до октября 1964 года, был нанесен серьезный ущерб». Хузангай и в речах своих использовал мысль: «Тут не может быть двух мнений — или прав Ленин, или правы наши национальные нигилисты. Мы глубоко убеждены, что, как и во всем, прав наш великий Ильич». Независимо от В. Мачавариани совершенно аналогичные мысли о националнигилистах Хузангай высказывал в «Книге дружбы» (Чебоксары, 1966). Ему была приятна встреча с единомышленником на страницах журнала.

Второй абзац на 66-й странице, окружен особым вниманием: «Тут, конечно, и важно, в какой форме, боязливо ли, с оглядкой пересматриваются ленинские положения или их рубят с плеча, как это делает некий горе-теоретик из Махачкалы, хотя нужно отдать должное ему и его сторонникам, сейчас они, оглядываясь по сторонам и заметив, что в стране сложился здоровый политический климат, не прочь, кажется, пересмотреть свои позиции. Но отступление идет с шумом, истерическими выкриками и сентиментальными вздохами». На полях около этого абзаца Хузангай пишет: «Азед Агаев». В «Книге дружбы» он тоже упоминает эту фамилию, но иронизирует более деликатно: «Мне кажется, что иногда мы ломимся в откры-

тую дверь». Хотя, конечно, взгляды Хузангая и Мачавариани полностью совпадают.

Будущие исследователи жизни и творчества Хузангая найдут много «вещественных доказательств», явно свидетельствующих о глубоком, непреходящем интересе его к истории Грузии, к ее культуре, особенно к поэзии.

Но дружба народов немислима без дружбы людей, составляющих народы. И у Хузангая было в Грузии много друзей. Дружба у него соединилась с ученичеством. Не имеет смысла подсчитывать, сколько раз в поэтическом наследии употребляются имена Руставели, Бараташвили и других. В книгах «Мастерство и правда», «Книга дружбы» Хузангай обращается к авторитету Руставели много раз, радуется первым успехам переводчиков, делится своим опытом перевода и пропаганды поэзии великого грузинского поэта.

В давней автобиографии он писал, что в трудном деле перевода привел в движение многие имена, в числе которых назвал Руставели и Бараташвили.

Можно ли составить «указатель грузинских имен» к творчеству Хузангая? А зачем? Но вот имена: Табидзе, Леонидзе, Чиковани, Абашидзе, Абшилава, Гришашвили, Берулава, Мухран Мачавариани, Мирцхулава... Надо сказать, что в творчестве Хузангая Табидзе и Мирцхулава принадлежит особое место: им посвящены стихи. Имя Машашвили в книгах Хузангая встречается много раз: в воспоминаниях о Вазянке, друге грузинского поэта, о Маяковском, который слушал в Москве стихи и чувашского и грузинского поэтов, и в примечаниях к поэме «Владимир Маяковский»... Можно понять частоту обращений к имени грузинского поэта, если учесть, что все перечисленное переиздавалось многократно.

В стихотворении «Алио Мирцхулава» 64 строки. Это лирическое посвящение-воспоминание:

Я тебя не Мирцхулавой,
А задорным Машашвили
Помню с первой, звонкой славой,
Был немного ты драчливей...

Поводом к написанию стихотворения послужила встреча на третьем съезде писателей в Москве после разлуки длиной в целую жизнь — 30 лет.

«Как давно все это было!» — восклицает поэт. Но Хузангай верен своему «собрату из Сакартвело»:

Открывая том поэта,
Где твой путь большой, нелегкий,

Я вдыхаю снова этот
Запах юности далекой.

Посвящение Тициану Табидзе «Рог» еще не переведено на русский язык.

Хузангай побывал в гостях по настоячивому приглашению друга. Благодарственный ковш ходил по кругу. Не стакан, не чаша, да и не ковш вовсе, а разукрашенный серебром рог прекрасный. Не зря, подумал Хузангай, некоторым здешним поэтам роги казались голубыми. Чувашский поэт дает к этим строкам примечание в сноске: «В свое время была группа грузинских поэтов под названием «Циспери канцеби». Вот подстрочник:

Стихи звучали,
Пелись песни.
Кого нет — в памяти,
Здравствуют те, кто есть.
Тициан Табидзе!
Твоего голоса не слышно.
Мне вспоминается печальная твоя
судьба.

Далее Хузангай продолжает:

Ты был старше меня,
Когда был жив.
Сейчас — поверить ли? —
Я уже старше тебя.

Стихи твои живут...
Когда я умру,
Мне хочется немного пожить,
Как ты живешь: в стихах.

В стихотворении Хузангай вспоминает встречу с Табидзе в Минске: как будто это было недавно... Нас с тобой, с друзьями потчевало одно застолье, — говорит с грустью поэт. Хузангай очень любил Тициана Табидзе, хорошо знал его стихи, и до последних дней это имя не раз я слышал из его уст.

В стихах Хузангая немало и попутных посвящений. Так, например, на Конгрессе писателей стран Азии и Африки в Ташкенте он был специальным корреспондентом газеты «Литература и жизнь». Свой поэтический репортаж назвал «Мушайра», что означает старинный индийский обычай — состязание поэтов. Среди великих поэтов современного мира, естественно, называется и грузин:

Выступает поэт Леонидзе,
Перевод посвящая индийцам,
Декламирует страстно Тагора
На своем языке, на грузинском.

Поэт, переведивший стихи Леонидзе на чувашский, нередко апеллировал в своих статьях к его авторитету. На III съезде писателей СССР он поддержал «ценную мысль Георгия Леонидзе: нам

надо лучше знать друг друга, писать не только о своем народе, но и о соседях, о братских народах и дальних родственниках». Не один раз упоминается Хузангаем имя Абашидзе.

У Хузангая были друзья, читатели его таланта не только среди поэтов.

В Тбилисском университете была научная конференция, посвященная 300-летию со дня смерти Яна Амоса Коменского. После конференции академик Векуа устроил прием. Произносились приветственные речи, тосты. Через головы многих обратился ко мне очень хороший грузинский педагог профессор Оболадзе Ушанги Платонович, далеко от меня сидевший. Это было вечером в день его доклада о взглядах Коменского на величайшую роль родного языка в духовном возрождении личности. Педагог привел на грузинском языке строфу из стихотворения Хузангая «Были мы, и есть, и будем!» Хузангай говорил, что оно переведено оперативно и прекрасно. И был не только очень рад, но и горд.

Когда в 1965 году в Чебоксарах вышла моя книга «Якоб Гогешвили и просвещение чуваш», академик АПН СССР Д. О. Лордкипанидзе писал мне с особенной симпатией о словах Хузангая, процитированных в книге, — об общности идей Якоба Гогешвили и Ивана Яковлева. Выдающийся советский педагог с мировым именем к авторитету Хузангая обращался в письмах и позже, когда уже поэта не было в живых.

Свою грузинскую книгу «В добрый путь» Хузангай подарил мне первому 28 сентября 1964 года с надписью: «И на грузинском воскликнуть достоин!».

Огромный поэтический заряд, полученный Хузангаем от страны и народа Руставели, отразился и в творчестве его последователей. А поскольку в современной Чувашии трудно назвать поэта, писателя, критика, который в той или иной мере не испытывал бы его влияния, то возникла целая «поэтическая школа», вдохновленная им.

САТИРА

СОЛДАТ

РЕВОЛЮЦИИ

В МОСКОВСКОМ Музее Революции бережно хранят даже крохотные листки бумаги, если они хоть чем-то связаны с Революцией, если и они служили великому делу борьбы за установление диктатуры пролетариата. Но — будем верны истине — в ее сокровищнице среди исторических реликвий до сих пор почему-то не занимает вполне ею заслуженного, видного, достойного места революционная сатира. В частности, речь — и о сатире дореволюционной публицистики Грузии 1881 — 1921 годов.

Да, разговор пойдет именно о ней, о революционном прошлом грузинской сатиры, ее разящего смеха. А прошлое у этого бравого солдата революции поистине великое! Стоит вспомнить о нем и поразмыслить, поговорить, отдавая должное нашей боевой сатире, украсить ее вполне достойными лаврами.

История в своей неиссякающей памяти сохранила предание, показывающее, как монархи относились к смеху, потрясателю основ тронов. Речь — о государственном налоге на соль, существовавшем во Франции во времена Людовика XIV. Как известно, король велел прибавить цену на жизненно необходимый продукт, а потом поинтересовался, что об этом говорит народ.

— Народ недоволен, — доложили монарху.

— Прибавьте цену! — повелел Людовик XIV и вскоре осведомился, что говорят сейчас.

— Народ волнуется, начались беспорядки, смута везде, — был ответ.

— Еще прибавьте! — А вскоре спросил: «Как сейчас?».

— Народ в ярости, ваше величество!

— Прибавьте еще, — приказал тиран... — Ну, что говорят в народе сейчас?

— Народ начинает смеяться. Народ смеется над королем!..

— Прекратить... Смех — это страшнее всего, — вскричал Людовик XIV.

Да, смех — подлинный народный герой, его покровитель, просветитель и справедливый судья, по-братски разделяющий все его радости и горе. В литературоведении на Смех, на этот феномен, можно было бы, вероятно, выдать творческий паспорт, который, возможно, выглядел бы следующим образом:

Литературный вид — Сатира.

Имя бойца — Смех.

Место рождения — Афины, Древняя Греция, праздник Дионисия, освободителя, покровителя рабов и самого низкого сословия.

Социальное происхождение — из демократической семьи.

Специальность — профессиональный революционер!

Так вот, этот профессиональный революционер, кадровый солдат революции гордо шагал на баррикадах Парижской коммуны, шел на штурм Зимнего и вместе с Красной 11-й Армией весело зашагал по Головинскому проспекту в революционной столице Грузии — Тбилиси...

Как известно, для расцвета антигосударственной сатирической публицистики социальная почва дореволюционной России оказалась слишком богатой. На ней и вззошел росток русской революционной периодики — газета «Искра». Боевая русская сатирическая публицистика шла своей революционной дорогой. Классовые братья этого славного поколения до конца выполнили свою историческую миссию: 60 лет тому назад они встретили Октябрь и забили осинный кол царскому самодержавию.

Трудно найти язык, художественный прием или какое-то другое художественное средство, которое бы так емко, лапидарно и светло, так немногословно и ясно передало всю глубину смысла великой революции, как это сумела сделать, скажем, одна из тысяч графических сатир художника Дмитрия Стахевича Орлова (Д. Моор). Перед нами — рисунок под заголовком «Архивная достопримечательность». На нем изображены исторические «Царь-пушка», «Царь-колокол» и сам царь Николай, а внизу подпись: «Не стреляет, не звонит, не царствует!». И все. Точка! Как говорится, ярче не скажешь...

Сколько еще можно вспомнить их, этих революционных снарядов, направленных на бастионы самодержавия. Перед нами «Альбом революционной сатиры 1905 — 1906 гг.». В нем — такая сатирическая миниатюра. По случаю убийства эсером Каляевым махрового реакционера «великого князя» Сергея Александровича городской, отвечая любопытной обывательнице стереотипной фразой, невольно говорит правду.

— Кого, батюшка, убили-то? — спрашивает городского старушка.

— Проходи. Проходи. Кого надо, того и убили, — отвечает околоточный...

Рискуя жизнью, в обстановке полного разгула деспотизма и анархии сатирики шли по революционному пути. Так было и в нашей республике. Вот она — эта когорта сатирической армии дореволюционной Грузии. Одни названия говорят сами за себя: «Фаланга», «Гусли», «Чвенебури раме-руме» («Наша всякая всячина»), «Шурдули Ивериидан» («Праща из Иверии»), «Ку-ку-ре-ку», «Жгут», «Комар», «Крапива», «Петушок», «Гроза», «Свисток», «Гоп-гоп», «Молла Насредин», «Хурма», «Колючка», «Хумара» («Шут»), «Взики» («Оса»), «Цеццли» («Огонь»), «Рогатка», «Ешмакис матрахи» («Кнут дьявола»), «Зурна», «Сеткава» («Град»), «Жало», «Джоджохети» («Ад»), «Цители кверцки» («Красное яичко»), «Диплипито» (восточная танцевальная музыка), «Тартароз» («Сатана»), «606» (название модного в то время лекарства, мнимой панацеи, якобы исцеляющей тяжелый недуг), «Тавс ведзebt» («Ищем голову»), «Хата-бала», «Гудок», «Вай-вай», «Брекекекекс», «Шолти» («Бич»), «Сатана», «Алиакоти» («Переполах»), «Арчевани» («Выбор»), «Анкеси» («Удочка»), «Аурзаури» (суматоха, сумятица), «Чинчари» («Крапива»), «Кондахи» («Приклад»), «Галилавеба» (подсинить), «Веселый сатирикон», «Лахти» (кнут без рукоятки), «Танго», «Кумбара» («Бомба»)... Это не полный список изданий — солдат революции, которые своим оружием — смехом сотрясали престол.

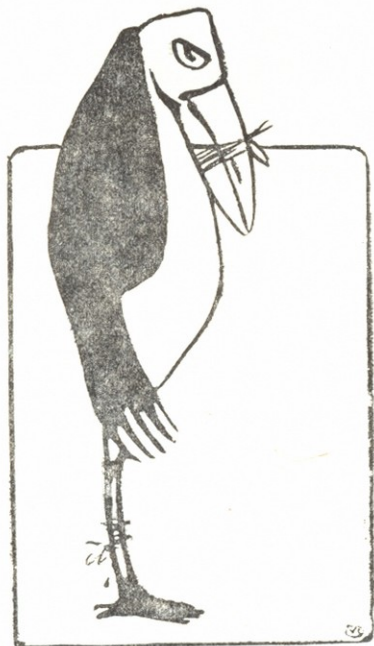
Начиная с 1880 года до 1921 года в Тбилиси один за другим появляются сатирико-юмористические издания на русском, грузинском, азербайджанском и армянском языках. Выступая в защиту простого люда от всякого рода эксплуататоров и порабитителей, они делали большое революционное дело. Вот образец того, как на страницах грузинской периодики тех лет бичевалась гарантированная царизмом «свобода»:

Свобода,
Генералы,
Адмиралы,
И шуты...
И убийства,

И кресты,
И аресты,
И суды,
О, свобода, —
Это ты.

А это — пример того, как журнал «Жгут» высмеял всю царскую камарилу, обыграв их имена. Плева, занял журнал, Россию оплевал; Трепов — ее хорошенько погрепал; Витге — довел Русь до пляски святого Витта; Дурнов — не сделал ничего, кроме дурного; Немешаев — не мешает делать самому себе что угодно; Дубасов — отдубасил москвичей; Куропаткину, подобно куропатке, предписано улететь за границу; Сахаров — засахарился. Один Победоносцев победоносно шествует теперь во главе хулиганствующих... Подобная сатира была настоящим подвигом; ведь каждому ясно, во что могли обойтись «Жгуту» такие шутки, достаточно вспомнить, что за важные птицы при царском дворе были вышеуказанные приспешники самодержавия. Тут комментари излишни...

В 1906 г. «Кого» («Комар») опубликовал, к примеру, такое острое, беспощадное «Современное спряжение»:

Депутат Государственной думы.
(Журнал «Нашатырь», 1907 г.)

Сатрапы, стоя, меж собой
Друг с другом рассуждают:

Я усмиряю,
Ты усмиряешь,
Он усмиряет,
Мы усмиряем,
Вы усмиряете,
Они усмиряют.

Наградой щедрою они
Друг друга утешают:

Я высылаю,
Ты высылаешь,
Он высылает,
Мы высылаем,
Вы высылаете,
Они высылают...

Тут же дается четверостишие
в духе некролога первой русской револю-
ции 1905 года.

Захотелось мне свободы

Страсть!

Но взамен дала невзгоды
Власть!..

Я о близком возрожденье

Пел, —

И, к большому сожалению,

Сел!..

Журнал «Крапива» в сатирической хронике писал: «По распоряжению тбилисского генерал-губернатора за соучастие в убийстве Грязнова решено сослать в Вологодскую губернию... Александровский сад, который был пойман на месте преступления, во время свершения покушения на генерала. Александровский сад арестован и находится под замком».

А вот напечатанные здесь же «Современные пословицы»:

- Алиханова бояться, на Кавказе не жить!
- Единственное спасение не утонуть — виселица!
- Язык до Выборга доведет («Цецхли»).

В 1907 году журнал Акакия Церетели «Масхара» («Шут») дал такое объ-
явление:

«Требуется «запасной» редактор... для юмористического издания.

Условия:

1. Бесплатный массаж.
2. Поездка в Архангельскую губернию.
3. Квартира в Метехской тюрьме» и т. д.

Тут же опубликованы и «Новости дня»:

«10 марта (1907 г.) в 8 час. утра в Тбилиси никого не расстреливали.

10 марта в 2 ч. дня не опечатали ни одной типографии.

10 марта в 4 часа вечера не убивали ни одного горожового.

10 марта в 10 ч. вечера не арестовали ни одного редактора.

— На редкость редкий день!» — извещал журнал.

А вот острые строчки из «Охунджи» («Шут») за 1907 год:

«Вести из провинции

КУТАИСИ. Дети некоего Вахуштия Чибурданидзе во время игры разбили окно. За расследование «дела» взялись власти. Решили в городе объявить осадное положение.

АБАША. Уже третий день Коция Цомае со своими стражниками не совершил убийства и готов покончить самоубийством.

БАТУМИ. По приказу генерал-губернатора решили поймать ветер, который недавно разрушил город.

ГОРИ. Есть приказ запретить деревьям выпускать листья во избежание укрытия в лесу красных...».

Юмористические издания «Шуамавали» (1907 г.), «Саламури» («Свисток», 1909 г.), «Тартароз» (1909 г.) опубликовали «Толковый словарь»:

- **МИМИКА** — свобода слова.
- **РАВ** — гражданин современной России.
- **МУЗЫКА** — свист пудль.
- **МАТХОДЖСКАЯ БИБЛИОТЕКА** — полторы газеты.
- **ИОРИ** — река слез кахетинцев.

«Нишадური» («Нашатырь») за 1908 год опубликовал такой Паспорт примет тогдашнего интеллигента:

- «Глаза — подвязанные
- Нос — опущенный
- Уши — заостренные
- Рот — прикрытый
- Брови — нахмуренные
- Руки — связанные
- Голова — расколотая» и т. д.

Вот что писала «Зурна» в 1911 году:

«В ресторане»

Сидят два богатея в ресторане, пьяные вдребезги.

Один призывает официанта:

— Эй, ты! Поди сюда!..

— Что прикажете, сударь?

— Скажи, почему тебя все называют: «человек»?

— Потому, сударь, чтобы отличить от вас — свиней».

А это образчик сатиры из «Кумбара» за 1921 год:

Объявление

«Потрясенная ужасом и безутешная Антанта с глубоким прискорбием извещает останки своих близких друзей и малочисленных родственников, что, зараженные неизлечимой болезнью кавказские буржуазные республики после неопытного мучения испустили свой дух».

Да, революционный смех грохотал рядом с бомбами, атакуя бастионы старого строя.

Карл Маркс писал: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия. Богам Греции, которые были уже раз — в трагической форме — смертельно ранены в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз — в комической форме — умереть в беседах Лукиана. Почему такой ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым».

...И вот настал день Великого Октября — 7 ноября 1917 года. Свершилось! Сбылась мечта пролетариата, справедливость восторжествовала. Победила Революция!

Рабочий класс, трудовое крестьянство и прогрессивные люди весело расставались со своим прошлым...

— Мадам, признайтесь: это бомбы?
(Журнал «Свисток», 1906 г.)

Нерукотворный памятник царскому сатрапу князю Голицыну.
(Журнал «Колочка», 1907 г.)

ПОЭЗИЯ ТВОРЧЕСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Хеловнеба» выпустило альбом, посвященный творчеству Ираклия Очаури. Более восьмидесяти цветных и черно-белых репродукций работ замечательного художника предваряются в альбоме статьей Юрия Мелентьева — она опубликована на грузинском, русском и английском языках. Творчество И. Очаури, говорит Ю. Мелентьев, заинтересовало его потому, что художник «первым стоит среди тех, кто воссоздал грузинскую чеканку, постиг и продолжает разгадывать новые тайны возрожденного искусства».

В грузинском искусстве чеканка, конечно, явление не новое. И стремясь объяснить феномен современной чеканки, автор справедливо обращается к древним, насчитывающим тысячелетия, традициям художественной обработки металлов в Грузии. В кратком обзоре развития грузинской чеканки он приводит свидетельства древнегрузинских летописей об изделиях древних колхов и античной металлопластике. Читатель узнает о знаменитом чеканном кресте Давида Куропалата (вторая половина X века), созданном золотых дел мастером Асатом, о творениях великих златокузнецов Бека и Бешкена Опизари, о Хахульском триптихе и делает верный вывод: изумительное искусство чеканки, имеющее в Грузии глубочайшие народные корни, «не должно было, не могло умереть».

Ю. Мелентьев отдает дань творчеству «тергдалеули», их стремлениям пробуждать национальное самосознание, развивать дух свободолюбия, уважение к национальному языку и культуре. О глубоком уважении к культуре Грузии свидетельствует и приведенная автором

статья И. Е. Репина, опубликованная газетой «Кавказ» в 1897 г. В ней звучит глубокая вера великого русского художника в будущее Грузии, в возрождение грузинского искусства.

Жизнь показала, насколько пророческими оказались надежды патриарха русской живописи. И действительно, целая плеяда грузинских профессиональных художников, получивших образование в Петербургской Академии художеств, — Г. Майсурадзе, Г. Габашвили, А. Мревлишвили, гениальный художник-самоучка Нико Пиросманашвили, такие мастера, как М. Тоидзе, Я. Николадзе, вдохнули новую жизнь в грузинское ис-

«Обнаженная»

куство. Якову Николадзе Ю. Мелентьев уделяет особое внимание, заявив, что он был «первым ваятелем Грузии и учителем почти всех, кто дерзнул в последующем встать на трудный путь скульптурного мастерства». В том числе и Ираклия Очаури.

«Очень многим обязан Ираклий учителю, — пишет Ю. Мелентьев, — и школой собственной пластики, и ощущением трудности дороги даже к малому творческому успеху, и одобрением первой его удачи». Более того, и зарождением самой мысли о чеканке. Ю. Мелентьеву интересны те художники, которые повлияли на молодого Очаури, весь круг его друзей, обстановка студенческих лет. Он не без основания считает, что своеобразная манера, контурность и смелость рисунка Ладо Гудиашвили оказали влияние на Ираклия Очаури.

В статье рассказывается о годах упорных экспериментов и поисков, о первом разочаровании — на республиканской выставке 1953 года первое произведение И. Очаури (чеканный портрет учителя Якова Николадзе) осталось незамеченным. И вот — большой успех на выставке 1960 года, когда чеканное панно «Утро» принесло художнику признание и успех. Эта чеканка стала художественным и общественным фактом.

Вскоре у Ираклия Очаури появляются последователи, которые вносят свой вклад в дело становления и дальнейшего развития нового направления в пластическом искус-

стве Грузии — Роберт Чухрули, Гурам Табидзе, Теймураз и Георгий Гигаури, Антимоз Георгадзе, Иосиф Коява, Дмитрий Кипшидзе, Леван Цомае, Нурадин Шавгулидзе. Правда, популярность чеканки пробудила интерес к ней не только у мастеров своего дела, но и у холодных ремесленников, даже дельцов от искусства. Ю. Мелентьев полностью разделяет мнение Ираклия Очаури на этот счет: «Меня не беспокоит, что за чекан берутся многие. Ведь не

выродилась же живопись оттого, что ею занимались тысячи людей. Среди них были мастера и дилетанты, профессионалы и любители, профаны и провидцы».

Автор статьи высоко оценивает труд художника, будь то двенадцать двухметровых панно с изображением выдающихся деятелей культуры и истории Грузии для здания Грузинской Советской Энциклопедии или чеканные картины во Дворце бракосочетания, полные глубокой символики, света и добра.

Среди чеканных портретов Ираклия Очаури Ю. Мелентьев не случайно выделяет портреты грузинских поэтов. Они близки художнику, близки и автору статьи, который хорошо знает и любит поэзию Грузии. В портрете Галактиона Табидзе он подмечает «нечто тревожное в его гордом взоре». В портрете Тициана Табидзе видит глубочайшее напряжение и внутреннее горение. Образ Важа Пшавела особенно близок Ираклию Очаури. Он возвращался к нему неоднократно — и в скульптуре, и в чеканке. Не случайно персонажи поэта занимают видное место в творчестве художника.

«Бик»

Большое место в творчестве И. Очаури уделено женщине («Источник», «Медея», «Пробуждение», «Ты — лоза» и т. д.). Автор статьи справедливо замечает, что женщина в представлении художника — само целомудрие, сама жизнь.

С большим увлечением художник изображает коней и быков. Даже в автопортрете вся правая сторона занята несущимися вниз лошадьми. Стремясь постигнуть эту увлеченность художника, Ю. Мелентьев приводит любопытный эпизод. Как-то в Москве маленькая дочь автора статьи попросила И. Очаури нарисовать ей Грузию. Он прочертил зубчатую стену гор. На одной из скал возник силуэт крепости-храма. Еще миг — и на переднем плане рванулись в буйной скачке вольные, как ветер, кони. «Конь для него — неуспокоенность, движение самой жизни, неостановимый ее

бег и образ родины», — резюмирует автор. А быки символизируют неуемную силу, энергию, чудовищную мощь.

Творчество И. Очаури глубоко заинтересовало и увлекло Ю. Мелентьева. Он стремится понять его еще глубже, поэтому ходит с ним по улицам Тбилиси, едет во Мцхета и, наконец, на родину художника — в малодоступную Хевсуретию. Он наблюдает украдкой, как художник меняется на глазах, каким упругим, расчетливым становится его шаг. А вот и крепконогие хевсурские кони, словно сошедшие с чеканных листов художника. «Надо ли удивляться поэтическому настрою творчества братьев Очаури, когда они с детства впитывали мир народной легенды, учились уважать поэтическое слово, обычаи и внутреннюю культуру людей труда?».

«ОКТАБРЬСКАЯ
СИМФОНИЯ»

Книги к великому юбилею страны

ТАК НАЗЫВАЕТСЯ подготовленный издательством «Сабчота Сакартвело» на грузинском языке к юбилею Великого Октября сборник стихотворений грузинских поэтов, воспевающих величие революции, бессмертие ее вождя В. И. Ленина.

Составитель сборника поэт Морис Пощишвили включил в книгу произведения Галактиона Табидзе, Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Иосифа Гришашвили, Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, Мирзы Геловани, Ираклия Абашидзе, Анны Каландадзе, Мухрана Мачавариани, Шота Нишнианидзе и других.

«ВЕЧНОЕ ЭХО»

В ЭТОМ СБОРНИКЕ рассказов писателей братских республик, выпущенном издательством «Сабчота Сакартвело» на грузинском языке, отображены яркие картины победы Великой Октябрьской социалистической революции, рассказано о самоотверженном труде советских людей, участвующих в грандиозных стройках коммунизма, воспета их беззаветная любовь к Родине.

В сборник, составленный Джумбером Титмерия, вошли произведения Максима Горького, Константина Федина, Михаила Шолохова, Всеволода Иванова, Алексея Толстого, Чингиза Айтматова, Фармана Кирымзаде, Рубена Ховсепяна, Валентина Катаева, Исаака Бабеля, Гаяхурдина Азияна, а также рассказы грузинских писателей — «Хаки Адзба» Лео Киачели, «Февраль» Демны Шенгелая, «Бессмертие» Константина Лордкипанидзе.

«СЧАСТЬЕ СЛУЖЕНИЯ
РОДИНЕ»

ТАК НАЗЫВАЕТСЯ сборник бесед со знатными людьми республики, 19 интервью, взятых журналистами у людей

разного возраста, разных профессий, разных национальностей, как разноцветные камни мозаики, помогают воссоздать единую картину жизни нашей республики. В книжке представлены Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, президент Академии наук Грузинской ССР И. Векуа, дважды Герой Социалистического Труда чаевод Т. Купуния, сталевар О. Цитлидзе, Герой Социалистического Труда, модельщик тбилисского завода «Центролит» В. Бородавка, депутат Верховного Совета ГССР, доярка Тамарашенского совхоза Т. Тараева, член Центрального Комитета Компартии Грузии, депутат Верховного Совета СССР, токарь Д. Мосесов и другие. Пафос их выступлений — самоотверженный творческий труд во славу Родины. Именно в служении ей и обретают счастье труженики нашей республики, представители которых и выступают на страницах сборника, выпущенного на русском языке к юбилею Октября издательством «Мерани».

«...ЕСЛИ ПЕЛОСЬ
ПРО ЭТО»

КАК СКАЗАНО во вступительном слове составителя этого сборника Константин Симонов, его читателю «предстоит встреча с посвященными Грузии стихами русских поэтов, написанными на протяжении шести десятилетий советской эпохи».

«Грузия в русской советской поэзии» — начертано на титульном листе этого юбилейного издания, содержащего стихи ста поэтов о Грузии. Это своеобразная антология, знакомящая читателя со множеством стихов, созданных разными поколениями русских поэтов,

НА СНИМКЕ — обложки книжных новинок, выпущенных издательствами Грузии к 60-й годовщине Великого Октября: сборника стихов «ОКТАБРЬСКАЯ СИМФОНИЯ», книги рассказов «ВЕЧНОЕ ЭХО», сборника интервью «СЧАСТЬЕ СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ», антологии «ГРУЗИЯ В РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ», монографии И. Богомолова и Р. Миминошвили «ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ», книги воспоминаний Ф. Шавишвили «ЦАРСКАЯ КАТОРГА», сборников «ЗНАМЕНА, СКОРЕЙ!» и «ГРУЗИНСКИЕ КОМПОЗИТОРЫ ЛЕНИНУ», книг «АНЗОР» С. Шаншиашвили, «СВЯТЫЕ В АДУ» А. Гецадзе и «СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА» Р. Табукашвили и альбома «БАМ».

восхищенных Грузией. Здесь представлен весь цвет русской советской поэзии.

Сборник этот, подготовленный на русском языке под общей редакцией К. Симонова, Г. Абашидзе, К. Каладзе и Г. Маргвелашвили издательством «Мерани», — настоящий подарок любителям поэзии к 60-летнему юбилею Великой Октябрьской социалистической революции.

«ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ»

От победы к победе идут коммунисты,
У народов земли расправляется грудь.
И светлейший из светлых, чистейший
из чистых
Открывает нам правду наш ленинский
путь.
Не свернуть нас с дороги к намеченной
цели,
И все больше друзей в марше наших
колонн,
Нас ведут через весны, бои и метели
Наших братских республик пятнадцать
знамен.

В этих строках величайшего грузинского поэта Галактиона Табидзе как нельзя лучше выражена суть книги, авторами которой являются И. Богомолов и Р. Миминошвили. Через все их научно-популярные очерки, вошедшие в сборник, изданный «Мерани» на русском языке к 60-летию Октября, проходит тема дружбы и братства литератур всех народов Советского Союза.

Особо рассматривается в книге место, занимаемое Грузией в литературах народов СССР, роль, которая отводится братским республикам в грузинской духовной культуре.

«ЦАРСКАЯ КАТОРГА»

КНИГА эта представляет собой воспоминания бывшего политкаторжанина Федора Шавишвили, за свою революционную деятельность проведенного в общей сложности в царских застенках около десяти лет и освобожденного из Шлиссельбургской каторжной тюрьмы февральской революцией.

Посвящая свою книгу светлой памяти борцов за свободу, автор рассказывает в ней о товарищах по борьбе, о том, с каким мужеством встречали смерть на эшафоте солдаты революции, старается восстановить сведения хотя бы о некоторых из них.

«ЗНАМЕНА, СКОРЕЙ!»

НАЗВАНИЕМ этого знаменитого стихотворения Галактиона Табидзе главленинским главлем вышедший к юбилею Октября поэтический сборник великого грузинского революционного поэта, воспевавшего победу Октябрьской социалистической революции, выражающего уверенность в светлом будущем своей родины.

«ГРУЗИНСКИЕ КОМПОЗИТОРЫ ЛЕНИНУ»

СБОРНИК знакомит читателей с лучшими произведениями грузинских композиторов, посвященными великому вождю пролетариата В. И. Ленину. Среди них как уже известные, так и впервые опубликованные. Открывается книга «Кантатой» классика грузинской музыки Захария Палиашвили, посвященной десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции.

Здесь собраны также произведения представителей разных поколений грузинских композиторов: Ш. Мшвелидзе, И. Туския, О. Тактакишвили, С. Цинцадзе и других.

«СЦЕНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЬЕСЫ»

ЭТА СЕРИЯ представлена тремя альбомами: «Анзор» Сандро Шаншиашвили в постановке Сандро Ахметели, «Святые в аду» Акакия Гецадзе, «Серкетарь райкома» Реваза Табукашвили. В этих альбомах, подготовленных издательством «Хеловнеба», собран богатый материал, повествующий о постановках названных пьес на сценах разных театров братских республик, рецензии, фотоматериалы.

«БАМ»

Теме грандиозного строительства Байкало-Амурской магистрали и участия молодых грузинских строителей в нем посвящен альбом Бондо Дадвадзе под этим названием. Состоит он из документальных фотоснимков, отображающих благородный, самоотверженный труд грузинских комсомольцев на этой всесоюзной стройке, их жизнь в Нии-Грузинской, строившейся в непроходимой тайге и превратившейся сегодня в современнейший поселок.

Издательство «Хеловнеба» выпустило этот альбом о комсомоле Грузии на БАМе на грузинском и русском языках.

Гимн труду и дружбе

საქართველოს
წიგლისწერის კავშირი

СРЕДИ грузинских мастеров художественного слова, всем сердцем откликнувшихся на призыв партии отобразить героический труд нашего народа, одним из первых был Герой Социалистического Труда, писатель Григол Абашидзе. Свидетельство тому — цикл его стихов, изданный в серии «Грузинские писатели плечом к плечу с пятилеткой». Тут мы видим произведения на самые актуальные темы жизни.

В какой только уголок Грузии не проникает своим мысленным взором поэт, какую только стройку не изображает, на какой трудовой подвиг не откликается! Взять хотя бы первое стихотворение цикла. Это подлинный гимн труду во имя Родины. Ибо не только меч и мужество советских воинов, но также труд и созидание спасли ее. Ведь известно, что многие народы, полагавшиеся лишь на оружие, исчезли с лица земли, не сумев найти своего призвания в труде. За любым могуществом стоят мирные легионы людей труда. И писатель написал о представителях многомиллионной армии тружеников, показал героические их дела, ставшие предметом его поэтического наблюдения. Один из этих представителей — славный проходчик Шукри Абакелия, которому Г. Абашидзе посвящает свое стихотворение «Краски в ущелье Ингури». Мастерски и художественно убедительно передан здесь энтузиазм людей на строительстве ИнгуриГЭС. Автор живописует отдельные участки грандиозной стройки посредством психологически верно передаваемых душевных переживаний ее создателей. Поэт признается в желании проникнуть в бездонную глубину души своего героя, чтобы стихом воспеть зов его сердца.

Вдохновение поэта согрето строительством нового. Его лирический герой действительно чувствует себя свободным гражданином страны, которой отдает всю свою силу и энергию, призывая к тому же других. И поэт тоже призывает своих коллег отобразить в художественных произведениях жизнь новаторов, рационализаторов, земледельцев и других тружеников, создать о них книгу, равную поэме Руставели.

В стихотворении «Русскому поэту» дружба двух народов увидена в неожиданном ракурсе. О духовном родстве русских и грузинских поэтов написано много, но Г. Абашидзе согревает понятие этой дружбы особым теплом, придает ему особую глубину. Он говорит, что нас радовала наша судьба, отражен-

ная в песне застольной, что все народы украшает свой язык и на всех языках поет соловей.

Как бы тематическим продолжением посвящения русскому поэту является стихотворение «На полях России», хотя идейная направленность его несколько иная. Если в первом стихотворении дружба двух народов увидена в единстве поэтических душ, то здесь сопоставлены грузинские горы и русские поля. Велико поле, высока гора, и они очень нужны друг другу. Огромная река, текущая в беспредельных степях, рождает великолепный образ блеснувшей в траве косы — реки.

Так образно нарисовал поэт характерную для одного из народов реальную среду. Однако его цель — сложнее: показать в различных формах то общее, что связывает и сплачивает их. Поэтому он говорит, что хотя и различен язык их песен, мысль и чувство тут общие.

Указанная тематическая линия продолжает развиваться и в стихотворениях «Фрагмент грузинско-русской хроники», «В тундре», «Гелати и Суздаль». Наиболее интересными художественными образами решена тема дружбы двух народов в последнем из них. Гелати и Суздаль — известные храмы с одинаково горькой судьбой. Устояв перед нашествием монгольских полчищ, какдый из них сквозь огненные ливни пронес свой национальный флаг и стал сегодня безмолвным символом братства двух народов, идущих в будущее.

Сборник стихов заканчивается «Песней Руставели», привлекающей внимание интересной фабулой. Поэт описывает осколок былой славы древних халибов — закаленный ими меч, который в руках отважного воина рассекал все и вся, был удивительно крепок и гибок, не затуплялся и не ломался. Не видя сегодня кузницы, изготавлиющей подобные чудеса, поэт вопрошает: — Где вы теперь? Почему не дышит брюхо дэва, испускающее искры?

На этот вопрос должна ответить наша жизнь, современные руставские сталевары, те, кто стоит у мартеновских печей, заливая расплавленный металл в изложницы.

Возрожденный город стали поэт называет Саркинеги. Он воспевает его счастливое настоящее, его светлое будущее. Мечта поэта — чтоб трудовая книга Рустави встала вровень с великой книгой Руставели.

Борис МИРЦХУЛАВА

ДИАЛОГ ДРУЗЕЙ

● В ТБИЛИСИ завершил работу симпозиум «Литературное сотрудничество народов СССР», посвященный 60-летию Великого Октября. Он был организован Тбилисским государственным университетом и Институтом мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ) Академии наук СССР.

Участники симпозиума заслушали выступления ученых, посвященные актуальным вопросам современной литературной жизни, проблемам сближения и взаимообогащения культур.

С докладами выступил член - корреспондент Академии наук СССР Г. Ломидзе, доктора филологических наук Г. Цицишвили, О. Баканидзе, З. Османова, Н. Надярных и другие. В работе симпозиума принял участие заведующий отделом многонациональной советской литературы и литератур стран социализма Центрального института истории литературы ГДР доктор Э. Ковальский.

Участники симпозиума посетили дома-музеи В. Маяковского, А. Церетели, Г. Табидзе и Д. Квдиашвили.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗВАНИЕ ПИСАТЕЛЯ

● СТОЛИЦА Грузии стала местом

Международной встречи молодых писателей социалистических стран, посвященной 60-летию Великого Октября.

В Тбилиси встретились молодые литераторы из Болгарии, Польши, ГДР, Румынии, Чехословакии, Монголии, Венгрии, Кубы, гости из Москвы, Украины, Дагестана, Латвии. Тема их большого разговора — «Общественное призвание писателя» и «Современная лирическая поэзия и ее герои».

В своих выступлениях участники встречи говорили о долге писателя реалистично раскрывать все стороны современной действительности, всемерно укреплять духовную связь с народом, черпать в ней источник вдохновения.

Грузинская поэтесса Л. Стуруа, кубинский поэт Гильермо Родригес Ривера, другие заострили внимание на современной лирической поэзии, насыщенной социальным звучанием, говорили о форме, структуре современной поэзии.

К ГРУЗИИ С ЛЮБОВЬЮ

● В БОЛЬШОМ концертном зале Грузинской государственной филармонии состоялся творческий вечер Беллы Ахмаду-

линой. Взволнованно, эмоционально звучали ее стихи. Новые переводы из Галактиона Табидзе

МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ

● ГРУЗИНСКИЕ писатели с большим вниманием отнеслись к постановлению ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью».

Писательская организация Грузии решила создать при своем творческом союзе объединение молодых литераторов. Состоялось его первое заседание, на которое были приглашены начинающие мастера — из высших учебных заведений, с предприятий и организаций республики, члены Руставского литературного объединения...

Председатель правления СП республики Г. Абашидзе рассказал о задачах, которые стоят перед новым объединением.

На заседании было избрано руководство объединения молодых писателей. В него вошли Г. Абашидзе, Г. Цицишвили, М. Почишвили, С. Сигуа, Э. Нижарадзе, Р. Дanelия, Л. Гахария, М. Антадзе.

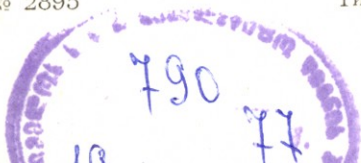
Сдано в набор 23 сентября 1977 г. Подписано к печати 30 ноября 1977 г.

6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 2895

Тираж 7.000

УЭ 01709

26-77

77-790
ქართული
ზიზლიოთიკა

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა